

АКАДЕМИЯ НАУК СССР = ЗАКАВКАЗСКИЙ ФИЛИАЛ
ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ Т. I. 1934

И. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ДЖАРО-БЕЛАКАНСКИЕ
ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX СТОЛЕТИЯ

ТИФЛИС
1934

АКАДЕМИЯ НАУК СССР = ЗАКАВКАЗСКИЙ ФИЛИАЛ
ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ Т. I. 1934 г.

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ДЖАРО-БЕЛАКАНСКИЕ
ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX СТОЛЕТИЯ

ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ И БОРЬБА С
РОССИЙСКИМ КОЛОНИАЛЬНЫМ
НАСТУПЛЕНИЕМ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ТИФЛИС
1934

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Непременный секретарь академии *В. Волгин*.

Ответственный редактор проф. *Г. Б. Пичикян*.

Сдано в набор 31/IV 1934 г. Закончено печатанием 20.X 1934 г.
Формат бумаги 62×94 10 л. л. Число тип. знаков в 1 л. л. 40.000
Заказ № 2484. Главлит № 638. Тираж 1.000 экз.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	1
I. Возникновение Джаро-белаканских вольных обществ	9
II. Внутренний строй вольных обществ	21
III. Внутренний строй султанства Илисуевского	60
IV. Джарская область и колониальная политика в Закавказьи в начале XIX в.	77
V. Оккупация Джарской области российскими войсками в 1830 г.	102
VI. Июльско-октябрьское восстание 1830 г.	119
VII. Итоги восстания 1830 г.	151
Использованные источники и литература	159

Издательство „ЗАРЯ ВОСТОКА“ Краснознаменная тип. имени А. Ф. Мясникова.

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящая работа посвящена исследованию одной из страниц российской колониальной политики в Закавказье — истории Джаро - Белаканских вольных обществ в эпоху утверждения здесь владычества царской России, т. е. в первой трети XIX в. Многократные попытки сопротивления российской экспансии со стороны этих вольных обществ, завершающиеся восстанием 1830 г., занимают выдающееся место в ряду крестьянских и «национальных» движений в Закавказье. Вскрыть движущие силы антироссийского движения в Джаро - Белакане и позицию в нем классовых группировок на базе сложившихся здесь к началу XIX в. производственных отношений — такова задача нашей работы.

Но интерес и актуальность темы не только в этом. История Джаро-Белакана имеет не только локальное, узко - ограниченное значение; она представляет не малый интерес для истории всего Закавказья.

Прежде всего, изучение истории Джаро - Белакана приводит к отрицанию одного из главных положений русской великодержавной историографической школы. С точки зрения последней, отношение царской России к так наз. «горским народам» Кавказа определялось ее цивили-

зиторской миссией. Россия будто бы приняла на себя роль наследницы культуры «христианской» (=феодальной) Грузии и защитницы ее от разорявших ее «хищников и насильников - лезгин» и укротила их, дабы возродить «полуторысячелетнюю христианскую культуру на Кавказе». Российская экспансия в области «горских народов» (в том числе и «джаро-белаканских лезгин», т. е. аваров и цахуров) изображалась, как акт защиты культуры от варварства. Ряд историков великодержавной школы (Дубровин, Бутков, Потто, Иваненко, Эсадзе, Линевиц и др.) укреплял эту легенду. Классовые корни ее вскрыты. Но изучение истории борьбы Джаро - Белакана с Россией фактами показывает, насколько мало думало царское правительство о защите действительно страдавшего от набегов джарских «лезгин» населения Грузии и насколько принятая им по отношению к «лезгинам» линия была линией наступления, а не защиты. Уже одно то, что, завоевав Джар, российские власти оставили грузинских крестьян Джара (ингилов) в зависимости от их «лезгинских» (джарских) землевладельцев, показывает, к каким извращениям подлинных социальных отношений прибегали историографы-великодержавники для укрепления своей концепции.

Далее, царское правительство вовсе не смотрело на джарский вопрос, как на вопрос узко - местного значения. Джаро - Белаканские аристократические республики в течение всего XVIII—начала XIX вв. занимали далеко не последнее место в истории Закавказья. Их политическая роль была очень значительна. Они оказывали довольно сильное влияние и на Грузию, и на северный Азербайджан, и на Дагестан, со многими обществами которого они поддерживали тесные связи. Географическое положение Джаро - Белакана на южном склоне Главного Кавказского хребта, на стыке между Дагестаном, Грузией и ханством Шекинским, на торговом пути Тифлис — Шемаха — Баку, создавало угрозу российской власти в Закавказьи: в случае войны с Персией и Турцией русские могли подвергнуться нападению джарцев и их дагестанских союзников с тыла, тем более, что че-

рез Джарскую область лежал обычный путь, по которому дагестанцы проникали во время набегов в Закавказье. Не овладев Джарскими переходами, российское правительство не могло приступить к завоеванию Дагестана. Недаром, по плану Паскевича, составленному около 1830 г., завоевание Дагестана предполагалось начать именно с Джарской области. Завоевание ее было нужно и для окончательного закрепления за Россией Закавказья, как плацдарма для дальнейшего колониального продвижения на Ближний Восток. Учитывалось это обстоятельство и противниками России. Во время войны 1826 г. Персия смотрела на Джар, как на один из серьезных участков борьбы с Россией, не оставляла джарцев без внимания и Англия, как это показывает миссия полк. Монтиса, побывавшего в Джаре перед войной 1826 г.

Джарцы поддерживали противороссийские движения и в других странах Кавказа: в Грузии (Кахетия, Мтиулия), Азербайджане, Дагестане. Довольно прочной опорой в Джаре располагал и дагестанский мюридизм: крупное джарское восстание 1830 г. было тесно связано с движением мюридов.

Все эти моменты объясняют, почему разрешение джарской проблемы было для царской России вопросом общекавказского значения. И России пришлось повозиться с разрешением этой проблемы.

Историки великодержавной школы обычно избегают касаться роли тех или иных социальных групп в исторических событиях: они изображают историю Закавказья так, как будто борьба велась между отдельными народами («русские», «грузины», «лезгины», «татары» и т. д.); разумеется, при этом они не делают различия между понятиями «нация», «народ», «племя», и эти выражения у них носят достаточно неопределенный характер. За то в тех источниках, которыми пользовались историографы - великодержавники, можно встретить нередко указания на классовые столкновения, речь идет там о «знати», «черни» и т. д. Конечно, какие-либо выводы из данных источников могли бы иметь ценность лишь в том случае, если бы мы ясно

представляли себе производственные отношения в данный период.

Те историки великодержавной школы, которые пытались дать картину внутреннего строя Джарской области (Эсадзе, Иваненко, Линевиц), в действительности извращали эту картину, рисуя социальные отношения гораздо более патриархальными, чем они были в жизни. Эти писатели затушевывали факты социального расслоения внутри вольных обществ, рисовали последние вполне «демократическими республиками»; историографы - великодержавники при этом были не прочь воспользоваться трафаретами, созданными западно - европейской буржуазно - либеральной историографией. Такое изображение помогало представить социальную политику царской власти в Джаре, как независимую от интересов феодальных групп.

Необходимость преодоления наследия великодержавной историографии побудило нас отвести в работе значительное место выяснению производственных отношений и картине социального строя Джарской области. Эта сторона работы важна и независимо от задач критики великодержавной историографии. Изучение докапиталистических производственных отношений и их пережитков в Закавказьи имеет не только академический интерес. С этими пережитками приходилось иметь дело в период утверждения и строительства советской власти, их приходится учитывать и в период строительства социализма. Не так давно еще В. И. Ленин поставил следующий вопрос: «В колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан и др..... каким образом применять коммунистическую тактику и политику... ибо важнейшей чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения...»¹. Эти слова вполне применимы и к отдельным районам Закавказья. Углубленное изучение этих докапиталистических отношений Ленин считал актуальной задачей истории: «Теоретическая

¹ В. И. Ленин. Доклад комиссии по национальному вопросу. Собрание сочинений, т. XVII, стр. 276.

работа должна направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма....; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками...»¹.

Изучение пережитков докапиталистических формаций, этого «величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса»², в этих странах и сейчас имеет актуальное значение.

Выяснение производственных отношений в Джарской области — задача достаточно сложная. С одной стороны здесь сохранились пережитки родового коммунизма и родового строя, с другой стороны мы встречаем здесь отношения, которые могли сложиться уже на почве феодального способа производства. Своеобразие сложившихся здесь отношений выразилось в том, что аварские и цахурские вольные общества, присвоившие себе к половине XVII в. власть над областью, оказались в положении, как бы групповых феодальных сеньерий по отношению к попавшим в зависимость от них крестьянам - грузинам («ингилои»). Натуральный оброк вносился сперва в пользу всего вольного общества в целом. Лишь позднее, не ранее половины XVIII в., становится заметным процесс социального расслоения внутри самих вольных обществ и выделения из них феодальной верхушки, присвоившей постепенно сеньериальные права над ингилоями.

Если бы мы поверили в историческую подлинность картины внутреннего строя Джара, набросанной великодержавными историографами, в большей мере, чем они заслуживают, у нас составилось бы представление, что Джарские общества в своем внутреннем строе переживали еще стадию разложения доклассовой формации, с еле заметными ростками феодальных отношений. Изучение источников, особенно дел Закатальской сословно-поземельной комиссии

¹ В. И. Ленин. Что такое друзья народа. Собр. соч., т. I (изд. 3), стр. 191

² В. И. Ленин. К 4-летней годовщине Октябрьской революции. Собр. соч., т. XXVII (изд. 3), стр. 25.

(состоящих из показаний крестьян и землевладельцев, земельных актов, описей и пр. в подлинниках и переводах, в числе которых есть и относящиеся к периоду до русского завоевания) заставляет отказаться от такого взгляда. Джаро - Белаканские аристократические республики в конце XVIII в. — начале XIX в. находились уже в стадии раннего феодализма, сохраняя лишь более или менее значительные пережитки архаической формации. Эти соображения заставили нас отвести почти половину работы выяснению картины производственных отношений.

Из сказанного мы видим, что данная тема представляет некоторый интерес и для проблемы возникновения классов и государства в обществах Кавказа. Серьезная разработка исторических источников под углом зрения исследования этой проблемы является еще делом будущего. Много дали для разработки этой проблемы труды представителя нового учения о языке (яфетической теории), в особенности исторические работы акад. Н. Я. Марра и многочисленные исторические экскурсы и высказывания в его лингвистических работах, выявившие классовые показатели в языках Кавказа в их стадильном развитии. Однако, помимо лингвистических данных, сведения собственно исторических источников чаще всего скудны.

В гораздо более счастливом положении оказывается историк позднее сложившихся государственных образований Кавказа, в том числе и Джаро - Белаканских обществ. Процесс образования здесь классового общества захватывает сравнительно близкий к нам период. Феодализация социального строя вольных обществ — процесс, сравнительно поздно оформившийся; значительные пережитки архаической формации оставались. Разложение тохумных порядков становится вполне доступным историческому исследованию. Историк может проследить, как под сохранившимися еще внешними формами тохумно-джама'атного строя прорываются уже феодальные отношения; приспособление этих форм к интересам правящей верхушки также дает возможность сделать выводы, которые с успехом могли бы быть применены и к ряду других обществ и районов

Кавказа, напр., Дагестана, в которых тот же процесс феодализации протекал также в сравнительно недавний период.

История Джара дает факты, подкрепляющие отвержение излюбленной буржуазными историками и лингвистами теории миграции. Процесс образования джарских вольных обществ в XVI-XVII вв. дает картину образования в период, очень близкий к нам, этнических групп, совпадающих почти полностью с социально - производственными группами. И здесь выводы Н. Я. Марра о совпадении на известном этапе развития этнических групп с производственными находит себе подтверждение.

Политическая линия русского правительства по отношению к джаро - белаканским вольным обществам обнаруживает очень типичные для военно - феодального империализма царской России приемы классовой политики, покровительства землевладельцам, подавления крестьянских движений и т. д. Линия лишения феодалов политической власти с одновременной защитой их прав над закрепощенными крестьянами была применена царскими властями и в Джарской области с султанством Илисуйским.

Сказанное, думается нам, вполне утверждает актуальность темы и с этой стороны оправдывает труд автора.

Данная работа охватывает время преимущественно с 1803 по 1830 г., т. е. период борьбы Джара с русскими завоевателями, завершившийся крупным восстанием 1830 г., тесно связанным с движением мюридизма. И позднее в Джарской области вспыхивают восстания и происходят волнения, направленные против русской оккупации. Но, с присоединением Джарской области к России в 1830 г., положение русской власти в Закавказьи упрочилось. Последующие восстания в Джаре уже не могли угрожать непосредственно русскому владычеству в Закавказьи, да и сама Джарская проблема теряет общекавказское значение. Поэтому история их и не входит в задачи настоящей работы.

В топонимических названиях автор по возможности держался транскрипции источников—Джар (جار), не совпадающей ни с живым произношением (аварск. Таг) ни с традициями старых источников трудов («Джары»). Нет надобности объяснять, почему автор отступил от традиции, унаследованной еще от великодержавной историографической школы и удержавшейся еще в некоторых послереволюционных трудах—именовать всех дагестанцев, в том числе аваров и цахуров, «лезгинами». Говоря о царском правительстве и армии, автор старался избегать термина «русский», заменяя его принятым уже многими историками Советского Востока термином «российский», лучше передающим классовую природу царской власти и политики.

I.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЖАРО-БЕЛАКАНСКИХ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ.

К концу XVII в. аваро-цахурские вольные общества —Белаканское, Катехское, Джарское, Тальское, Мухакское, Джинихское, Илисуйское, Карадулакское, Баш-Сувагильское и Цахурское (последние четыре входили в состав султанства Илисуйского)—занимали территорию по нижнему течению р. Алазани, ограниченную с запада и северо-запада Кахетией, с юга—Ширакской степью, с востока—Шекинским ханством; в состав этой территории входили и земли, лежащие на северных склонах Главного Кавказского хребта. Формально все эти общества не составляли единого политического целого, фактически же на всей этой территории главенствовало Джарское общество; остальные вольные общества, как и султанство Илисуйское, были по существу вассалами Джара. Под сильным его влиянием, граничившим с зависимостью, находился и ряд загорных обществ западного Дагестана (Анкратль, Андалаль, Анцух и др.), примыкавших к территории Джаро-Белакана с СЗ.

Это политическое образование занимало особое место в Закавказьи. Вольные общества,—особенно Джарское—в течение всего XVIII в. оказывали заметное влияние и на Грузию, и на ханства северного Азербайджана, и на Дагестан, продолжение которого в этническом отношении они составляли. Усиление политического влияния Джара шло рука об руку с процессом феодализации вольных обществ. И этот процесс, и историческая роль Джара в конце XVIII в.—начале XIX в. не могут быть поняты вне связи с вопросом о возникновении здесь аваро-цахурских общин.

До конца XVII в. Джарская область в политическом отношении составляла одно целое с Кахетией. Населенная грузинами Восточная Кахетия составляла моуравства Элисени, Цухети, Дчиаури. Здесь господствовал тот же хозяйственный уклад, те же феодальные отношения, что и в остальной Кахетии. Падение здесь власти кахетинских царей и утверждение общин дагестанских горцев — аваров и цахуров — русские историки великодержавной школы, следовавшие в этом отношении традиции грузинских писателей из феодально-дворянского лагеря, изображали, как результат «хищнического вторжения» дагестанцев в Кахетию. Русско-грузинская феодальная традиция изображала дагестанских горцев (всех их без разбора, в том числе и аваров, и цахуров, историки-великодержавники упорно именовали «лезгинами») «разбойниками», «коварными хищниками», чуть ли не исключительным занятием которых были набеги на культурные области Закавказья. Кажущаяся ограниченность такого взгляда вполне объяснялась господствовавшей концепцией великодержавной историографии, оправдывавшей аннексию Россией Закавказья культурной миссией российского военно-феодального империализма, как защитника «христианской» Грузии и Армении от «мусульманского варварства». С точки зрения такой концепции казалось очень удобным изображать всех дагестанцев, как хищников, защитить от которых Грузию могла только сильная рука царской России.

Нет надобности доказывать, что подобный взгляд, порожденный классовым, феодально-помещичьим мировоззрением этих историков, не имеет ничего общего с подлинной историей. Набеги дагестанцев на области Грузии и Азербайджана, конечно, исторический факт, но российское правительство меньше всего думало о защите населения от набегов; последние были только предлогом для российской экспансии в Дагестане.

Данные источников опровергают и мнение, будто дагестанские поселения в Кахетии возникли после массового вторжения «лезгин» в одно время, которое чаще всего любил приурочивать к началу XVII в., к эпохе шаха Аббаса I. Главный Кавказский хребет, поднимающийся здесь на

абсолютную высоту 3.000 метров и спускающийся к югу очень круто, издавна не служил непроходимой преградой между Дагестаном и Кахетией. В условиях земледельческо-скотоводческого, полукочевого хозяйства дагестанцы, зимние пастбища (кишлаги) которых находились на южной стороне Главного хребта, периодически перекочевывали сюда и при грузинском (кахетинском) владычестве. Это обстоятельство, как и малоземелье, привлекло дагестанцев в Кахетию небольшими группами. Исторические данные не дают возможности говорить о каком-либо крупном, массовом переселении дагестанцев в одно время, связанном с завоеванием. Несомненно, что дагестанские (аварские и цахурские) общины существовали в Кахетии задолго до перехода к ним власти здесь, задолго до XVII в. Они, во всяком случае, существовали здесь до XVI в., т. к. из сообщения Мухаммеда Рафи мы узнаем, что термин Голода — *Goda* — (под этим именем еще в XIX в. известны именно аварские, не ингилойские поселения Джаро-Белаканской области) был известен уже к началу XIV в. В это время Голода и Цахур даже считались «собственностью», одним из владений шамхала Кумухского — самого крупного из феодалов Дагестана, которому они уплачивали ежегодную дань — 50 баранов¹. Из этого видно, что основным занятием аваров Голоды в то время было скотоводство. Позднее, в XV и XVII вв. аварские и цахурские общины в Кахетии признавали над собой власть кахетинских царей. Нередко они селились по приглашению кахетинских царей и моуравов, получая от них землю в виде бенефиция, под условием несения военной службы в дружинах².

Дагестанцы в Кахетии были известны под прозвищем гулхадар (происхождение его не выяснено; попытки связывать его с тюркским *Kuldur* قولدور — «разбойник» или *kul* قول — «раб» и *hadərçi* هادرچی — «бродяга», являются, очевидно, позднейшим осмыслением). Не только аварские

¹ См. Тарих-и Дагистани, в приложении к Тарих-и Дербенд-наме, стр. 177 (изд. 1898 г. под ред. Алиханова - Аварского); см. также Гулстан-и ирам, стр. 53.

² Центр. архив. упр. ССР Грузии (ЦАУГ). Фонд закатальских сословно-владельческих комиссий. См. опросы доверенных лиц, вольных обществ и решкельных селений (дела №№ 45, 48, 57 и др.).

и цахурские поселения в Кахетии, но и вольные общества их в ЮЗ Дагестане, входили в систему кахетинской феодальной иерархии, признавая зависимость от кахетинских царей и отбывая в их пользу некоторые повинности, например, доставку льда со снежных гор к царскому двору. Вероятно, в XVI в. эти общины стали объединяться в вольные общества — джама'аты. К половине XVI в. относится и образование Джарского общества, или, по крайней мере, его ядра. Но и в это время аварские поселения жили чрезвычайно с грузинскими, признавая власть кахетинских царей. В целях укрепления своей власти последние даже приглашали новых поселенцев из Дагестана, на которых рассчитывали опереться, как на военную силу. Ни о каком массовом насильственном вторжении в тот период не было и речи. Даже источники XVIII в., когда уже начала складываться легенда о хищническом вторжении, признавали, что «лезгины» поселились и обосновались кое-где сами собой.

Царевич Вахушти так рассказывает об образовании аварского поселения в Джаре: «Под горою находился Пипинети, где пятый царь Леван в 1549 г. поселил леков (лезгин, т.-е. аваров — И. П.), дабы они летом доставляли ему лед с Кавказа, и до (царя) Арчила это было так. Затем он (Пипинети) стал называться Чари, и леки превратили его в твердыню и прославили в войне»¹. Картлис-Цховреба также упоминает о поселении «лезгин» в Пипинети. Это поселение, повидимому, и было ядром, из которого впоследствии образовалось Джарское вольное общество.

Таким образом, созданная грузинской феодальной и русской великодержавной историографией легенда о «хищническом вторжении» дагестанцев и завоевании ими восточной Кахетии, должна сильно потускнеть. Верно, однако, что в XVII в., после персидских походов в Грузию, с началом разложения кахетинского феодального царства, жившие на плоскости и в предгорьях аварские и цахурские поселения стали постепенно освобождаться от власти кахетинских князей и феодалов и захватывали их владения. Сохраняя вну-

три своих общин еще родовые отношения, они, однако, стали присваивать себе власть над крестьянами-грузинами, принадлежавшую кахетинским феодалам. Персидские шахи поддерживали аваров и цахуров, как «мусульманский» и, следовательно, более лояльный элемент в «христианской» Кахетии, и как военную силу, которая могла быть использована против грузинских феодалов в случае их непокорности. Повидимому, авары и цахуры вполне освободились от власти кахетинских феодалов и вполне заменили их только к началу XVIII в.¹ К этому времени окончательно сложившиеся шесть аварских и четыре цахурских республики («вольные общества»), подчинили себе почти половину прежней Кахетии. Вся эта территория, в арабских и персидских источниках называемая جارتاله , т.-е. «Джаро-Тала», у аваров получила имя Goloda , как и раньше назывались горные местности этой территории, населенные аварами.

Следовательно, создание вольных обществ в восточной Кахетии было результатом не быстрого завоевания и массовой миграции в одно время, а длительного процесса. Из этого не следует, что мы имеем дело с процессом исключительно мирным. Переход власти от кахетинских феодалов к аварским вольным обществам был, конечно, переворотом, и притом не мирным, но этот переворот был вызван не «хищническим вторжением», а перегруппировкой сил внутри правящих феодальных слоев Закавказья. Борьба Турции и Персии за обладание Закавказьем и его торговыми путями, особенно утверждение персидского владычества на большей части территории Закавказья (после 1606 г.) частично вызвали смену в составе класса феодалов; во многих областях феодалы христиане были заменены мусульманами или сами должны были омусульманиться. Создались новые феодальные образования, зависимые от Персии. Кахетинское царство, в результате этой перегруппировки сил, даже омусульманившись внешне, оказалось очень ослабленным, прямым следствием чего и было усиление сложившихся к тому времени вольных обществ и захват ими территории восточ-

¹ См. Brosset. Description géographique de la Géorgie par le tsarevitch Vakhoucht.

¹ См. Хроника войн Джара, примечание к лей Е. А. Пахомова.

ной Кахетии. О борьбе между кахетинскими тавадами и «лезгинами» не мало говорит Вахушти. Эта борьба сопровождалась местами поголовным истреблением грузинских тавадов¹.

Но дело было не только в этом. Не малое значение имело и известное сочувствие к аварам (с конца XVII в. открыто ставшим во враждебные отношения к кахетинским феодалам) со стороны закрепощенного грузинского крестьянства. Повидимому, отношения между вольными обществами и грузинскими крестьянами пережили две стадии развития. Первое время, пока вольные общества, еще не захваченные сами процессом феодализации, вытесняли кахетинских феодалов, грузинские крестьяне смотрели на них, как на своих союзников. Крестьяне надеялись на падение крепостничества вообще. Даже подчиняясь вольным обществам, они рассчитывали, по крайней мере, на улучшение своего положения; первое время их повинности джарцам действительно не были очень тяжелы. Крестьяне переходили на сторону «джарских лезгин» целыми селениями. Так, поверенные сел. Байдарло показывали в 1870 г. российскому «начальству», что их селение в XVII в. «добровольно... отдалось под покровительство цахурских лезгин»². Жители сел. Чобанкель «сами отдались под покровительство лезгин»³ и т. д. Еще в 1722 г. омусульманенный царь Кахетии Имам-Кули-хан (Давид III) писал своему сюзерену, шаху персидскому: «Силы лезгин все больше и больше растут. Нет уголка, где бы не лилась кровь. Если ходатайство ваше не окажет нам помощи, наш край безвозвратно погиб... Вы знаете, что крестьяне глупы, и легко поддаются обману; они послушались лезгин и теперь действуют сходно с ними против своих же» (т. е., против кахетинских помещиков — И. П.)⁴. Этот временный союз аваров с грузинскими крестьянами объясняет

¹ Хроника войн Джара, стр. 9.

² ЦАУГ. Фонд Закавказской сословно-поземельн. комиссии, д. 39, лист 2.

³ Там же, д. 40, лист 186.

⁴ Цитир. по Д. Бакрадзе. Заметки о Закавказском округе. О том же см. Хроника войн Джара.

загадочное на первый взгляд явление, что численно небольшие отряды джарцев нередко легко проникали вглубь Грузии.

Положение изменилось, когда вольные общества, укрепившись и окончательно завладев восточной Кахетией, стали требовать от крестьян отбывания прежних повинностей, заняв место старых угнетателей. С половины XVIII в. эти требования стали расти, а внутри самих вольных обществ выделилась феодализовавшаяся верхушка, присвоившая права прежних феодалов над крестьянами себе. С этого времени военные набеги джарцев в Грузию, сопровождавшиеся захватом пленных, все больше и больше стали обслуживать потребности очень развитой в ту эпоху в Закавказьи торговли невольниками. Отношение грузинских крестьян к джарцам должно было, конечно, коренным образом измениться.

В XVIII в. политическое влияние аварских вольных обществ, особенно Джара, сильно выросло во всем Закавказьи. По временам они признавали номинально над собой власть то Персии, то Турции (смотря по тому, чье влияние одерживало верх в Закавказьи), чаще же всего они были вполне независимы. Не только в политических комбинациях мелких ханств Азербайджана и Дагестана их поддержка нередко играла решающую роль, но и обе главные соперницы — Турция и Персия — стремились заручиться союзом с Джаром. Чаще джарцы поддерживали суннитскую Турцию. Их отряды хозяйничали порой и на очень отдаленных от Джара территориях. В 1710 г. они взяли Шемаху и разграбили Ширван. В 1714 г. кахетинский царь Имам-Кули-хан обязался платить Джару ежегодную дань в размере 100 туманов. В 1722 г. джаро-белаканские авары взяли приступом Тифлис, который должен был уплатить контрибуцию в 60.000 туманов. В 1734 г. джарцы разбили соединенное персидско-кахетинское войско, посланное против них Надир-ханом. В 1741 г. Надир, тогда уже шах, должен был выделить для осады Джара крупные военные силы, с участием грузин. Но решительного удара персы не смогли им нанести, и во второй половине XVIII в. Джар вместе с союзниками—други-

ми вольными обществами — был одним из сильных политических образований Закавказья.

Аварские вольные общества сохранили и в Кахетии свою тохумно - джама'атную организацию, сложившуюся еще в Дагестане в условиях патриархально-родового строя. Насколько этому строю удалось избежать влияния феодальных отношений, увидим ниже; пока достаточно будет отметить, что, и сохранив внутри своих обществ родовую организацию, авары не пытались уничтожить вполне сложившиеся до их утверждения на территории прежней восточной Кахетии феодальные отношения. Жившие в Джарской области крестьяне грузины и мугаль признав над собой власть аварских вольных обществ, продолжали отбывать в их пользу феодальные повинности, в основном сложившиеся при господстве прежних кахетинских феодалов и затем персидских и турецких наместников. Этнически («ингилой») и тюрки-мугаль — сохранили до известной степени и положение обособленно - социальных групп; при этом повинности мугалов, пришедших сюда из Азербайджана и наделенных персидскими и турецкими наместниками известными привилегиями, были не всегда, как увидим затем, одинаковы с повинностями ингилов. Сами же аварские вольные общества занимали двойственное положение: сохранив внутри себя патриархально - родовую организацию, они в то же время являлись своего рода групповыми сенъериями для признававших их власть ингилойских и мугальских селений. Эта форма «коллективной сенъерии» (известная как передней Азии, где в роли такой коллективной сенъерии выступал кочевой род, в зависимости от которого были земли оседлых крестьян, так и феодальной Западной Европе, где так называемые города-коммуны, *villes franches*, играли роль сюзеренов по отношению к жившим на их территории крестьянам-сервам) пережила и российское завоевание.

В отвержении наследия буржуазно-феодальной историографии нам придется пойти еще дальше. Для нас неприемлемо представление о миграциях, как о факторе обра-

зования общества. Борьба акад. Н. Я. Марра и языковедов-марксистов с буржуазной теорией миграций находит подтверждение и в истории возникших в недавнее сравнительно время Джаро-Белаканских вольных обществ. В этом отношении их история приобретает более широкий интерес, давая выводы, ценные для истории и других обществ Кавказа.

В действительности, не только вольные общества, но и некоторые входившие в их состав роды (тохумы) сложились не на дагестанской почве, а уже в Кахетии.

В самом деле, там, где как в Белакане крестьяне ингилой (грузины) не были закрепощены и сохранили свободу земельного владения и личности, они были приняты в состав аварских тохумов (тохум Чапар-Али и др.). Показания «доверенных лиц» Белаканского и Тальского общества Закатальской сословно - поземельной комиссии подтверждают этот факт. Из четырех тохумов Тальского общества только один считает своими предками чистых аваров; в трех других много членов считают себя происходящими от предков — калтахов (цахуров), ингилов, тюрков-мугалов и даже арабов¹. Все эти родовичи не ведут происхождение от общего предка. Правда, некоторые тохумы одноименны вольным обществам Дагестана (Тебели, Джурмути), но, несомненно, выходцы из последних лишь дали свое имя вновь образовавшимся родам. Другие тохумы носят имя некоторых старшин, которые отнюдь не считаются родоначальниками. Образование тохума Чапар-Али связалось с деятельностью и именем муллы Муртуз-Али, согласно преданию, выходца из Турции и проповедника ислама в восточной Кахетии.

Члены тохумов (родов) говорили на различных наречиях языков цахурского и аварского, близких к южной (ануцухской) группе диалектов дагестанских аваров² со значительной примесью слов тюркских (до 20 проц.), тюрки-

¹ Из неопубликованных материалов А. А. Климова, участника экспедиции Азерб. гос. научно-исслед. ин-ста в Закатальский район в феврале 1932 г.

² См. П. К. Услар, Аварский язык. Тифлис, 1889.

зованных араоских, персидских и грузинских. Лишь по языковому признаку мы будем в дальнейшем называть их аварами и цахурами. В Джарской области и Илису имя аваров неизвестно, как неизвестно оно и в Дагестане, всех членов джамаатов зовут *golodosel*—жители Голоды. Очевидно, по мере того, как джама'аты присваивали себе права прежних феодалов над крестьянами-грузинами, для последних доступ в ряды тохумов был затруднен, и различные этнические группы—авары, цахуры, ингилой, мугалы, сложились окончательно в рамках социально - производственных групп.

Из сказанного вытекает, что мы лишь условно можем говорить о роде и родовых отношениях, поскольку сами авары смотрели на свои тохумы, как на организации, связанные родством; прием в тохумы чужеродных элементов сопровождался усыновлением.

Вольные общества формально никогда не составляли и союза, хотя представители великодержавной историографии (Коцебу, Иваненко, Бакрадзе и др.), не представлявшие себе социально-политического строя Кавказа иначе, как по европейским трафаретам, и говорили порой о «Джарской федерации демократических республик». Однако уже одно то, что шести джама'атам (обществам) приходилось жить в окружении значительных государственных образований, как Грузия, ханство Гянджинское, Шекинское, отстаивать свой внутренний строй от покушений со стороны персов и османов, а в первой трети XIX века—русских, предпринимать совместные военные походы в Грузию, создавало длительные союзные отношения между вольными обществами. На этот союз нельзя, впрочем, смотреть, как на вполне свободный и равноправный. Экономическая роль и политическое влияние Джарского общества не только обеспечивали ему руководящую роль, но и зачастую превращали остальные джама'аты в простые орудия Джарского джама'ата. На совместных джама'атах (собраниях) всех

вольных обществ, голоса джарцев имели решающее значение. Султанство Илисуйское, а временами и ханство Шекинское, были вассалами Джарского общества. Ослабление Джара (с начала XIX в.) повело к попыткам отпадения от него и его вассалов.

Чем был вызван рост влияния Джара? Источники (см., напр., изданную недавно в АССР «Хронику войн Джара»—анонимный источник XVIII в.) говорят о руководящей роли Джара в организации набегов на Грузию и северный Азербайджан. Но военные походы джарцев были с половины XVIII в. прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или выкупа. Это были в сущности коммерческие предприятия, организуемые феодализованной родовой знатью, составлявшей для этой цели отряды из членов своих обществ и «гулхадаров» из Дагестана; захваченных невольников продавали на джарском рынке. Кавказ издавна был поставщиком живого товара не только для Ближнего Востока, но и для некоторых стран Зап. Европы (Италия); при посредстве генуэзцев (буржуазными историками этот факт обычно замалчивается). Однако, насколько значителен был вывоз невольников с Кавказа еще в XVIII в., общеизвестно. Вплоть до начала XIX в. Джар был одним из значительных невольничьих рынков на Кавказе. Большинство невольников поставлялось в Джар из Грузии; вероятно, отсюда аварское *gorgi*—«пленник», «невольник»¹. Не все невольники сбывались на продажу, некоторые из них оставались своими владельцами для выкупа или в качестве домашней челяди. Вопрос о работорговле и о роли в ней джарцев—одна из серьезных проблем историографии Кавказа. Хотя углубленная разработка этого вопроса пока остается делом будущего, мы решаемся утверждать, что рост политического влияния Джарского общества связан в значительной степени с его значением, как организатора набегов и как невольничьего рынка.

В набеге джарцы почти всегда участвовали вместе с другими дагестанскими союзниками. Во второй половине

¹ Услар, указ. соч., ч. II, стр. 63.

XVIII и начале XIX в. от этих набегов больше всего страдало крестьянство Сев. Азербайджана и всей Грузии. Отношения Джара с Кахетией и Картлией были чаще всего враждебны, однако не всегда. Наоборот, некоторые из крупных грузинских феодалов в борьбе с другими феодалами и царями опирались на наемные отряды джарцев; особенно часто прибегали к их услугам Шанше-эриставы.

II

ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ.

В начале XIX в., накануне русского завоевания, вольные общества Джарской области состояли из аварских селений, входивших в состав общества в качестве равноправных членов, и из подвластных ингилойских (грузинских) и мугальских (тюркских) селений, вносивших феодальную ренту и выполнявших повинности, сперва в пользу вольных обществ в целом, а затем в пользу феодализовавшейся верхушки их. Сверив данные различных источников, получим следующую картину состава общества к 1830 г.¹

I. Джарское общество. А. Джар, Гогами, Мацехи, Сумайло, Каписдара, Карагаджло, Дардоказа—всего 7 селений с 1500 дымов.

Б. Чобанкель, Баяматло, Кемюрю, Кюрдамир, Карабулдур, Каталпарах, Падар, Киндиргала, Алмало, Бабало, Лалало с Гогларом, Бейюк-Лахидж, Кичик-Лахидж, Энгинан (мугальские), Алибад, Мусул, Дзагами (Загам), Караган, Верхинан, Тамасло, Шотавар (ингилойское)—всего 22 селения с 2328 дымов; кроме того, часть селения Мешлит.

II. Белаканское общество: А. Белакан, Цаблуани (Саблу-Али), Рекатала, Чандрисхеви—всего 4 селения с 700 дымов.

¹ А—селения, входившие в состав вольных обществ; Б—подвластные (кешкельные) ингилойские и мугальские селения.

то строя, пахотные земли постепенно перешли во владение отдельных джегов и оджахов (дымов), причем самое владение превратилось в наследственное. В состав наследственного участка земли входили, помимо пахотных земель, усадьбы, виноградники и тутовые сады. Средний размер наследственного участка одного аварского дыма в Джарском обществе Закатальская сословно-поземельная комиссия, учрежденная в 1869 г., определяла в 10¹/₂ десятин¹. В кешкельных же ингилойских селениях Алибадской группы общинный порядок пользования пашнями с ежегодными переделами сохранился до 2 половины XIX в. Но кешкельные права над ингилойскими и мугальскими селениями, раньше принадлежавшие аварским тохумам в целом, перешли, как увидим, также к выделившейся из состава тохумов знати.

Кроме пахотных земель, первоначально принадлежавших тохумам и затем перешедших в индивидуальное владение, частную собственность составляли земли хуторов, расположенных вне сельских земельных дач и принадлежавших большей частью кевхам и знатым фамилиям; хуторское хозяйство было довольно распространено, особенно на плоскости; известны хутора Таначи, принадлежавшие джарцам, на левом берегу Алазани. Затем частной собственностью считались так называемые ахулары—пахотные участки, расположенные на расчищенной от леса земли. Каждый имел право выбрать в лесу любой участок, если только он использовался для общественного пастбища под новую пашню (аху), которая и становилась его полной собственностью. Под аху обычно выбирались места на подгорных землях, на лесистых склонах гор или в ущельях в северо-восточной части Джарской области.

В аварских общинах, в которых установилась индивидуальная земельная собственность, покупка и продажа земли были свободны. Лишь в некоторых общинах, по установленному обычаю (адату), тохумы обращались сперва с предложением купить землю к ближайшим родственникам

¹ ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-позем. комиссии, дело 15.

прежнего владельца и только после их отказа давали согласие на продажу участка лицам, не входившим в состав тохума.

Значительное различие в расположении над уровнем моря, в почвенных и климатических условиях, создавало не одинаковые условия для развития земледелия в горных местностях (Мухахское и Джинихское общества), предгорьях, в которых была расположена большая часть аварских селений, и на плоскости, где лежали селения ингилойцев. В нагорных селениях занятие земледелием носило лишь подсобный характер, главное же место занимало скотоводство. Скотоводство вообще было распространено во всех аварских селениях, также и в тех, где видное место занимало хлебопашество, виноградарство и шелководство. Многочисленные стада овец и рогатого скота до русского завоевания, как и после него, были распределены крайне неравномерно. Большая часть их была сосредоточена в руках крупных скотоводов и владельцев значительных участков земли, также кевхов (старшин) и других представителей тохумной знати. Порядок пользования пастбищами сохранился общественный, но и при нем, как увидим, организация пастбищного дела и перекочевков доверялась родовой знати и немногим крупным скотоводам.

Летние пастбища (яйлагы) аварских вольных обществ расположены на непокрытых лесом горных вершинах и склонах хребтов, на абсолютной высоте 1500—2000 метров и выше, большей частью на северной стороне Главного Кавказского хребта, т. е. вне пределов их территории. В пользовании каждого из обществ находились определенные горы и отроги, которые с наступлением периода летних перекочевков распределялись по жребию между ятагами, в среднем по 900 овец в каждом ятаге; общий надзор за ятагом поручался особому лицу, выбиравшемуся из знатных людей и богатых скотоводов. Мугалы и ингилой, желавшие пользоваться яйлагами (летними пастбищами) аваров, вносили за это плату, чаще всего по два барана с каждой сотни голов. Для охраны летних пастбищ джамаатами выставлялись особые караулы.

Осенью стада вновь перекочевывали на южную сторону Главного хребта и оставались на плоскости на полях селений до двух месяцев, до тех пор, пока выгоревшие летом степи не покрывались вновь зеленью. Степи, расположенные на правом берегу Алазани, и служили зимними пастбищами (кишлагами).

В период зимней пастбы стада также делились на ятаги, поручавшиеся выборным ятажникам. Ятажник должен был сговориться с соседними ятагами относительно границ пастбищ, нанять пастухов, приобрести для них посуду, сторожевых собак и прочее имущество. Ятажник, выбиравшийся, как сказано, из крупных скотоводов (выборы к XIX в. превратились к фикции), затрачивал для этого свои деньги, которые затем возмещал, собирая их со всех овцеводов. Молоко со всего ятага за весь период зимней пастбы отдавалось ятажнику; в его же пользу при хорошем сборе сыра выделяли один—два мутала (т. е. три—шесть батманов—140—280 фунтов сыра).

Таким образом, вольные авары-скотоводы попадали в зависимость, иногда в кабалу ятажникам—богатым скотоводам, которые почти всегда были одновременно кевхами и владельцами кешкелей. «Добровольные» взносы в пользу ятажников на деле превращались в обременительную повинность. Здесь мы в сущности имеем дело не с пережитками родового строя, а с чертами ранне-феодального строя. Приблизительно то же мы могли наблюдать еще незадолго до Октября 1917 г. у средне-азиатских кочевников—казаков и киргизов, переживавших также ранне-феодальный период с многочисленными пережитками родового строя.

Если исключить высокогорные местности, культура зерновых хлебов везде в вольных обществах занимала первое место в сельском хозяйстве. Разводились почти исключительно пшеница, ячмень, просо и в некоторой мере чалтык (рис). Все пахотные земли—поливные; только горные ахулары засеивались под дождь. Поливка полей из

¹ ЦАУГ. Фонд Закапальской сосл.-поземельной комиссии, дела 9, 40. См. также ***. Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского намества.

родников (кара-су — черная, т. е. родниковая вода) или каналов, выведенных из горных рек (ах-су — белая вода), которые почти целиком разбирались для орошения полей, виноградников, огородов и тутовых плантаций. Забота о сохранении нужного количества воды вызывала в некоторых сельских общинах, лежавших на плоскости, запрещение расширять тутовые плантации, дабы не оставлять без воды чалтычные (рисовые) поля. Наоборот, культура пшеницы и ячменя не представляла в этом отношении никаких затруднений, так как их поливали осенью и ранней весной, когда вода для чалтыка не нужна.

Единой оросительной системы или хотя бы нескольких крупных оросительных систем не существовало. Созданию таких систем препятствовало направление течения горных рек, текущих большею частью с северо-востока, склонов Главного хребта, на юго-запад, параллельно друг другу, не принимая значительных притоков. Бассейны этих рек разделены иногда довольно высокими горными хребтами — отрогами Главного хребта и захватывают относительно небольшую площадь; до Алазани летом эти реки не доходят, так как вода их разбирается на орошение. Экономическая замкнутость натурально хозяйствовавших обществ и сельских общин также мешала объединению дела орошения. Проведение каналов и канав, присмотр за ними и их исправление было делом даже не всего вольного общества, а входивших в его состав отдельных сельских общин¹. Распределение воды между отдельными хозяйствами, соблюдение очереди в напуске ее в сады и поля лежало на обязанности помощника сельского кевхи (старшины) — табун-баши, а наблюдение за состоянием канав возлагалось на мирабов и джуваров, получавших от сельского общества плату, раскладывавшуюся затем между сельчанами. С превращением кевхов в землевладельцев феодального типа, дело орошения оказалось в их руках таким же средством закабаления массы, как у ятажников.

¹ ЦАУГ. Фонд Закапальской сосл.-поземельной комиссии, дела № 37, 39, 67, 127 и др.

— наблюдение за кишлагами и яйлагами.

Садоводство было распространено везде, за исключением высокогорных селений. Собственно фруктовые сады встречались не слишком часто, их заменяли виноградники, ореховые и тутовые плантации; последние разводились ради шелковичных червей, так как шелководство было развито значительно. Орехи и виноград потреблялись на месте и лишь в небольшом количестве вывозились для продажи или выменивались на хлеб. Виноделие было распространено почти исключительно в ингилойских селениях¹.

Тутовый сад средней величины при хорошем урожае давал 1/2—1 батман шелка. Пшеница при хорошем урожае давала урожай сам-три—сам-пять, ячмень сам-пять, просо сам-девять, чалтык (рис) — сам-десять².

Что касается лесоводства, то все общества обладали лесными богатствами в достаточной мере: горные ущелья были покрыты прекрасным строевым лесом, дававшим топливо и строительный материал. То и другое потреблялось на месте, и предметом вывоза, благодаря удаленности рынков сбыта, не служило; то же можно сказать о строительном камне, который те же горные ущелья давали в изобилии. При завоевании Джарской области царские власти возлагали не мало надежд на вывоз строевого леса и строительного камня. До русского завоевания право пользования лесом, как и право расчищать лесные площади под новые пахотные участки — аху, предоставлялось беспрепятственно всем членам обществ и даже низовым селениям ингилоев и мугалов.

О земельных отношениях нам придется сказать ниже.

Кустарные промыслы — шелкоткачество, шерстоткачество, изготовление войлоков и т. д. были довольно развиты в аверских селениях, лежащих у выходов горных ущелий (Джар, Белакан, Катехи, Тала и др.). Торговля хлебом, шерстью и шелком сырцом к началу XIX в. приняла значительные размеры. Шелк сырец вывозился в

¹ *** Несколько данных... и т. д.

² ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл. поземельной комиссии, дела 40, 57, 58.

Тифлис, Гянджу и на север через Дагестан¹. Вывоз хлеба из Джара — явление, относительно недавнее, вызванное, повидимому, ростом эксплуатации крестьян кешкелевладельцами, в руках которых стали скапливаться значительные запасы хлеба. Еще в XVIII в. Джарская область не только не вывозила хлеба, но, наоборот, постоянно ввозила его из Грузии и Азербайджана². Купечество не выделялось еще в особую классовую группу. Торговля велась чаще всего кевхами кешкелевладельцами, т. е. феодальными элементами, в руках которых скапливалось значительное количество хлеба и шелка, поступающих от подвластных крестьян — кешкельников (ингилоев и мугалов) в качестве кешкельных взносов. Торговля велась кешкелевладельцами (как и султаном Илисуйским) или непосредственно, или через посредство приезжих купцов, преимущественно армян, из Тифлиса и Шеки. Джар занимал в этой торговле первое место. В XVIII в. особую роль играла торговля рабами — пленниками; в XIX в. она пришла в упадок, но все же существовала до 1830 г. Джар, как сказано, был одним из крупных центров работорговли на Кавказе³. Эта торговля также находилась в руках кевхов — кешкелевладельцев. Велась и транзитная торговля, так как Джар лежал на одном из торговых путей из Тифлиса в Ширван и Баку.

Нам приходилось уже отмечать, что в Джарской области родовые отношения долгое время сохранялись. Внутри аваро-цахурских вольных обществ, которые одновременно пользовались феодальными правами коллективных сюзеренов по отношению к ингилойским и мугальским крестьянам, кроме тех, которым удалось в период ломки Кахетинского царства войти в состав аварских тохумов и слиться с аварами и этнически. До начала расслоения внутри вольных

¹ О вывозе джарцами шелка в Дагестан см., напр., А. К. А. К., т. II, ч. II, № 148 (рапорт ген. Вреде ген. Вельяминову от 3 февраля 1821 г.): «Открылись следующие доходы, в пользу Уцмий (каракайтатского) поступающие: ...в дер. Кубачи за провозимый шелк из Нухийской провинции и из владений Джарского и Илисуйского султана брал Уцмий с каждого вьюка по червошцу...».

² Хроника войн Джара, стр. 25, 36, 38, 40 и др.

³ См. П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, т. 1, стр. 164, 217 и сл. 389 и сл.—А. К. А. К., т. VII, № 860 и др.

обществ, этнические группы совпадали с социальными. Полноправными членами вольных обществ были только авары, цахуры или представители других народностей, принятые в состав тохумов.

Грузины, составлявшие к началу XIX в. уже меньшинство населения, были прикреплены к земле и обложены повинностями на основе т. наз. кешкельного права. Все они еще в XVII—XVIII вв. приняли ислам и стали именоваться ингилоями (тюркск. *уэпқи Юи* — «новообращенный»). Принятие ими мусульманства русские официальные и грузинские историки из феодального лагеря изображали, как результат исключительно насилий и понений со стороны сначала правительства шаха Аббаса I, а затем и аварцев. В действительности, и персидское правительство и авары не так уж заботились о распространении ислама. Это видно из того, что во многих областях Персидского государства (хотя бы в соседнем Шекинском ханстве) осталось много христиан, которых никто не принуждал к принятию ислама. Принятие грузинскими крестьянами ислама не освободило их от кешкельной зависимости и даже не привело к уравнению в правах с кешкельниками же мугалами. Этот переход в ислам был результатом не столько прямого давления со стороны завоевателей (хотя, без него, конечно, не обходилось), сколько равнодушия крестьянской массы к христианству, которое в Грузии носило неприкрытый характер феодальной религии, классово чуждой крестьянству, и никогда не могло искоренить вполне в крестьянстве его дохристианских анимистических верований.

В XIX в. русские власти, игравшие до покорения Джара в 1830 г. лицемерную роль защитников «порабощенных грузинских крестьян» (которых они хотели натравить на непокорные аварские вольные общества), заботились о «свободном отправлении ими христианской веры», усиленно посылали к ним православных миссионеров; ингилои, однако, встречали этих «просветителей» нередко враждебно¹. Экзарх Грузии митрополит Иона уже настолько

¹ А. К. А. К., т. VII, № 379. Докладная записка кн. Вековича, Черкасского от 4 апреля 1830 г.

мало верил в желание «отторгнутых» насильем ингилоицев вернуться к христианству, что просил главноначальствующего «предписать находившемуся у лезгин начальству, дабы оно, когда посланы будут туда проповедники слова евангельского, оказывало им содействие в обращение в христианство сего народа»¹. Но до 1834 г., несмотря на «содействие» начальства, русским удалось обратить в христианство только 32 ингилоя². Дело обращения пошло быстрее только в 50-х гг. XIX в., когда обратившихся в православие ингилоев б. Илисуйского султанства стали освобождать от кешкельной зависимости.

Четвертая этническая группа — тюркское племя мугалов. Буржуазные исследователи, строившие свои выводы на теории миграций, принимали мугалов за потомков монголов времен Чингизидов³. Однако, упоминания о мугалах в Джарской области появляются лишь с XVII в. Надо думать, что мугалы — группа, образовавшаяся из ютуреченных различных этнических элементов, выходцев из Азербайджана, среди которых лишь в незначительном количестве могли быть потомки тюрков, поселившихся в Закавказьи со времен монгольских завоеваний XIII в.; термин «мугалы» мог иметь скорее социально-политическое, чем этническое значение, наподобие «джагатаев» и «татар» (по отношению к средне-азиатским и поволжским тюркам).

Мугалы, как и ингилои, были зависимыми крестьянами, пользовавшимися землями на условиях кешкельного права (см. ниже). Однако, размеры их повинностей по сравнению с ингилоями оказывались иногда менее значительными. Это особенно заметно в землях джарского вассала, султана Илисуйского, где, как увидим, кешкельные платежи ингилоев в султанских селениях были в три раза больше, чем платежи мугалов.

Во внутреннем строе аварских и цахурских вольных обществ нужно выделить, прежде всего, пережитки родо-

¹ А. К. А. К., т. VII, № 200. Письмо митр. Ионы к гр. Паскевичу от 16 апреля 1830 г.

² А. К. А. К., т. VIII, № 172

³ См., напр., М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I, стр. 226, 237.

вого строя. Каждая сельская община состояла из 2—3 тохумов, т. е. родовых общин. Джаро-белаканские тохумы характеризуются теми же чертами, что и дагестанские роды. Происхождение термина «тохум» (toqum توخوم) в значении родовой группы прослеживается на кавказско-иранской почве. В нахарарской Армении персидский (пехлевийский) термин *fauma* соответствовал греч. *φρητη*¹ Ново-персидск. *toqm* (توخم) арабизов, множ. *toqum* (توخوم) сохраняет значение «семья» («яйцо») «происхождение» («род»). Особенность, отличающая дагестанский тохум от родовых общин других кавказских народов та, что это род эндогамический. Господство эндогамии было тесно связано с устойчивостью коллективного родового землевладения. В Джаро-Белаканских обществах разложение общинного землевладения и родового строя не замедлило сказаться и на эндогамии. В теории, в обычном праве и здесь единственно почетными считались браки между членами одного тохума, но на практике браки с чужеродками — аварками, даже с мугалками и ингилойками — допускались часто.

Во многих селениях тохумы носили одни и те же названия; возможно, в этих селениях поселились выходцы из одних и тех же раздробившихся тохумов. Так, селения Джар и Белакан составились первоначально каждое из 4 тохумов с одинаковыми названиями: Чемчели, Чапар-Али, Нугли и Тебели. В своих истоках организация тохума строилась на патриархальных началах. Все взрослые мужчины считались равноправными членами тохума, право голоса на родовом сходке принадлежало всем одинаково, как и право быть избранным в родовые старшины или в военные начальники, как и в дагестанских тохумах².

С разложением архаической формации от этого патриархально - демократического уклада осталась одна:

¹ Адонц. Армения в эпоху нахарарского строя, ст. 376.

² См. М. Ковалевский, указ. соч., т. II, стр. 159—162.

внешняя оболочка. Такое сохранение внешних форм родового строя, наряду с разложением производственных отношений, характерных для доклассовой формации, вообще типично для ранне - феодального общества. Влияние вновь сложившейся знати, владевшей более или менее значительными угодьями и сеньориальными правами над крестьянами — кешкельниками, к началу XIX в. настолько усилилось, что старшины родов избирались почти исключительно из рядов этой феодализованной родовой знати. Звание старшины — *кевхи* (персидск. *کوخا*) или кедхуды (персидск. *کدخدا* или *کنخدا*) если не юридически, то фактически превращалось в наследственное, становясь привилегией той или иной знатной семьи; в таких случаях, по смерти кедхуды его старший сын или родственник, наследовавший его положение главы семьи, избирался старшиной на тохумном сходке и допускался к фактическому отправлению функций старшины с достижением совершеннолетия¹.

Кедхуда был признанным представителем тохума в сношениях с другими тохумами и обществами, председателем родового схода, управляющим родовым имуществом; поскольку пахотные земли и сады находились уже в большинстве тохумов в индивидуальном владении, последняя функция обычно была номинальной. Пережитком ее было право старшины наблюдать за ходом сельскохозяйственных работ и в известной мере регулировать порядок их. Родовому старшине принадлежало и право юрисдикции по адату (обычному праву, арабск. *عادت*), но в очень ограниченных пределах, в маловажных делах. Более серьезные дела передавались на рассмотрение посредников, выбранных по соглашению между заинтересованными джевгами. Для сношений со старшиной джевги обычно выделяли по юдному векилю (уполномоченному).

Расселение отдельных групп выходцев из разных тохумов по всей территории джаро-белаканских обществ, группировка их по признакам соседства или общности хо-

¹ См. ЦАУТ. Фонд Закатальской сосл.-поземельн. комиссии, дела 38—58. опросы поверенных вольных обществ.

² Часто для обозначения обычного права употребляется термин «урф» — арабск. *عرف*

зяйственных занятий, вызвала к жизни наряду с тохумама и другие формы общественной организации. Прежде всего, это сельская община, составившаяся из нескольких тохумов или их ответвлений. Управление ею сложилось по тому же типу, что и управление тохумом. Здесь мы найдем и сельский сход, составленный из всех мужчин, достигших возмужалости, и выборных представителей: сельского старшины — кевхи, в руках которого сосредоточивались сношения с главным управлением вольного общества и ютчасти юрисдикции по адату, сельского муллу или имама для управления религиозными делами и отправления суда по шариату, помощника кевхи — табун-баши, приводившего в исполнение распоряжения кевхи, следившего за распределением воды между садами и виноградниками и за выполнением повинностей кешкельниками, наконец, чаушей — своего рода низших чиновников для поручений, подчиненных кевхе и табун-баши.

Сельский кевха, кевхи тохумов и имам составляли сельский суд, вершивший дела обыкновенно по адату, реже по шариату (в некоторых вопросах семейного и наследственного права, как и в религиозных вопросах). В начале XIX века влияние шариата, законодательства, развивавшегося на почве феодально-теократической организации, сильно возросло за счет адата. Попытки совершенно вытеснить адаты, заменив их шариатом, особенно заметны ко времени окончательного завоевания Джара русскими и восстания 1830 года. Этот процесс можно объяснить только разложением родовой организации под влиянием феодализации и развитием социальных антагонизмов внутри тохума. При вынесении решения на суде или на сельском сходе, как и в Дагестане, требовалось единогласие; порядок решения по большинству голосов был еще неизвестен.

Во внутренней жизни сельской общины можно видеть те же тенденции феодализации, которые русские официальные наблюдатели не были в состоянии вскрыть. Полк. Коцебу, писавший около 1826 г., находил, что «в ежегодном избрании старшины державство народа (у джарцев) является во всем блеске». Но сам же Коцебу вынужден

был признать, что «круг избираемых в старшины, правда, ограничивается известными фамилиями, в которых право быть избранным, наследственно»; это противоречие, однако, не смущает нашего статистика в мундире. «...Но при этом члены тех фамилий, из которых составлялся высший владельческий суд... могут вступать в должность не иначе, как по избранию народа»¹. При внешнем сохранении демократии и в родовой, и в сельской общине выборные должности превращались в наследственное представительство феодализирующейся тохумной аристократии, в руках которой нередко сосредоточивалось владение землей и зависимыми крестьянами. Самое народное избрание при этом должно было чаще всего вырождаться в простое прокламирование, а единогласие получало чисто формальный характер.

Со второй половины XVIII в. мы встречаем и группировки, не совпадающие с тохумной организацией. Расселение по соседству и пользование общими земельными угодьями (пастбищами, лугами), совместное участие в военных походах вызывало группировку по табунам, члены которых входили в состав разных тохумов; в Тальском обществе таких табунов было 32. Развитие ремесл и кустарных промыслов заставляло членов различных тохумов группироваться по амкарствам — ремесленным цехам.

Селения группировались в вольные общества — джама'аты (арабск. *جماعت* означает одновременно и «собрание», «сход», «сборище» и «общество»). Тот же термин «джама'ат» прилагался и к сходу членов вольного общества. Джамаат собирался по мере надобности. В отличие от родовых и сельских сходов джамааты приобрели характер политических собраний, обсуждавших, между прочим, и вопросы внешних сношений; благодаря политическому влиянию джарских обществ в Закавказьи, джамааты превращались в арену борьбы различных ориентаций. С джамаатами сносились не только полузависимые ханы Закавказья, но и правительства Турции и Персии, до-

¹ ЦАУГ. Фонд Закатальской посл.-позем. комиссии. Коцебу: Статистические сведения о Джарских владениях.

биваясь военной поддержки джарцев. Так, в 1742 г. великий визир Турции обратился к Джарскому обществу с письмом, в котором в льстивых выражениях предлагал джарцам союз и совместные действия против Персии. Такие обращения к джарцам были не редки. Уже в XIX в. перед русско-персидской войной 1826 г. в Джар приезжал для переговоров с джамаатом подк. Монтис, неофициальный представитель Англии поддерживавший в то время персов. Русские главноначальствующие на Кавказе, как увидим, также постоянно сносились с джарским джамаатом.

Кажущаяся крепость тохумных, общинных и джамаатных порядков, наличие более или менее ярких черт пережитков архаической формации не должны вводить нас в заблуждение. Было бы неправильно на этом основании отрицать существование феодальных пережитков в Джаре. Пережитки первобытной формации здесь, как и в ряде других обществ Кавказа, сохранились «в искаженном, в карикатурном виде... в виде существенно искаженном»¹. Под оболочкой джама'атных порядков прощупывается, как увидим, и расслоение среди земельных собственников, и выделение феодальной верхушки. Сохранившиеся местами (напр., в ингилойских селениях) остатки сельской общины с ее дуализмом — «парцеллярной обработкой пахотной земли и индивидуальным присвоением ее плодов» наряду с коллективной собственностью на землю — пережитки последней фазы развития архаической формации, уже переходной к классовому обществу².

По мере усиления феодальных элементов в вольных обществах, роль общих собраний джамаатов значительно сузилась. Наряду с джамаатом, на котором проявляли себя и социальные низы, еще в XVIII в. создался род исполнительного органа (русские официальные источники называют его главным управлением джама'ата), состоявший из

¹ К. Маркс. К критике полит. эконом, стр. 24 (по изд. 1922 г.)

² См. Ф. Энгельс. Очерк о социальной жизни России, стр. 25.

главного кевхи вольного общества, нескольких кевхов крупнейших тохумов и джазия قاضي. Избрание главного кевхи и казиза, ведавшего вопросами культа и шариатского суда, происходило таким же порядком, как и избрание тохумных и сельских старшин из представителей феодализованной родовой знати.

Постоянным содержанием работы главного управления джамаата были сношения с остальными вольными обществами и другими государственными образованиями Закавказья и Дагестана, вопросы внутреннего управления, вопросы войны и обороны, охрана границ и горных пастбищ, земские повинности и денежные сборы, распределение земель между тохумами, охрана сенъерриальных прав кешкелевладельцев, созов джамаата; в случае объявления войны и заключения мира и договоров джамаат всегда созывался. Главное управление джамаата выполняло также функции высшего суда, принимало жалобы на действия сельских властей, от которых требовало в таких случаях личных объяснений, разбирало споры и недоразумения между отдельными тохумами и сельскими общинами. Решения главного суда джамаата выносились единогласно, а в случаях разногласий созывался род расширенного главного управления с участием старшин или представителей всех не заинтересованных в деле тохумов; в последнем случае решения иногда принимались и не единогласно, а большинством голосов. При управлении джама'ата был сравнительно налаженный аппарат по попечению о немощных и разорившихся, стариках, сиротах и подкидышах, которые содержались на особые сборы, взимающиеся с каждого дыма.

И джамаат, и его управление выросли к началу XIX века в правильно функционировавшие институты, значительно более сложные, чем джамааты Дагестана. Верхний слой внутри этих институтов — знать и владельцы значительного числа кешкелей, опиравшиеся на главное управление и стремившиеся превратить джамаат в свое покорное орудие, с одной стороны, и масса свободных мелких держателей земли, нередко, как увидим, выступавшая на

джамаате против старшин, с другой стороны, — такова картина расслоения общества. Противоречия между этими двумя слоями выявились достаточно отчетливо во время занятия русскими Джара в феврале 1830 г. и джаро-белаканского восстания в июле—октябре того же 1830 года.

Союзные отношения между шестью джамаатами поддерживались созывавшимся иногда собранием старшин разных вольных обществ. Эти собрания созывались по согласию (определенных сроков созыва не было) между главными кевхами джамаатов всегда в одной и той же местности — в Ахдаме, в Мухахском ущельи. В собраниях принимали участие главные кевхи вольных обществ, казита и старшины тохумов, обсуждавшие дела, касавшиеся всех обществ, преимущественно вопросы внешних сношений, также споры и тяжбы между тохумами, входившими в состав разных обществ, или членами разных джамаатов. Видеть в этих собраниях совет федерации, «союзный сейм», как называет его Иваненко¹, мы не можем, он не был постоянно действующим учреждением и его решения были обязательны для вольных обществ лишь на время существования союзных отношений между обществами Джарским, Катехским и Белаканским, между которыми существовали почти постоянно (но все же не всегда) союзные отношения. Эти три общества обыкновенно созывали собрания главных и тохумных кевхов для решения общих дел.

И здесь ни о какой равноправной федерации не могло быть и речи. Джарское общество в период своего могущества и позднее до 30-х гг. XIX в. превратило Катехское и Белаканское общества по существу в таких же вассалов, каким был султан Илисуйский. Точно так же джарцы пытались навязать свою волю на объединенных джамаатах в Ахдаме и остальным аварским обществам. При этом соблюдались только внешние формы равноправного союза.

Все же союзы между Джаром и другими вольными обществами носили характер временных, хотя порой и длительных отношений. Нередко, особенно в тех случаях, когда джарцев постигали военные или дипломатические неу-

¹ Иваненко. Гражданское управление Закавказьем, ст. 272.

дачи, союзники разрывали с ними и даже переходили на сторону их противников. Так было и при оккупации Джара русскими в феврале — марте 1830 г., когда все остальные вольные общества изменили джарцам, и в октябре того же года, когда общества Тальское и Катехское играли лишь второстепенную и пассивную роль в восстании, а Мухахское и Джинихское общества не принимали в нем никакого участия.

Объединению обществ в постоянную федерацию мешали различия во внутреннем строе отдельных обществ. В Джарском обществе, владевшем 21 мугальским и ингилойским селением, кешкельные отношения играли значительную роль, здесь выделился хорошо организованный слой кешкелевладельцев. Развитие феодальных отношений в Джарском обществе подвинулось значительно дальше, чем, напр., в Тальском обществе, где эти отношения были в зачатке и где пережитки родового строя сохранились в большей мере. Общества Белаканское и Катехское вовсе не имели кешкельных селений, там было только несколько кешкелевладельцев, владевших отдельными кешкелями в селениях, принадлежавших другим обществам; эти кешкелевладельцы, занимавшиеся одновременно торговлей рабами, были в этих обществах слабее, чем кешкелевладельцы в Джаре. Белаканское общество было к тому же беднее Джарского земельными угодьями. Русские главноначальствующие на Кавказе иногда стремились использовать в целях ослабления Джарского общества, споры и кровную вражду между отдельными тохумами, особенно в период утверждения русского владычества в Джаро-Белаканской области в 1826—1830 гг. (кровная вражда между тохумами Чемчели и Тебели, ослаблявшая сопротивление джарцев России).

Соединение черт ранне-феодального строя с многочисленными пережитками родового строя привело к тому, что здесь существовали рядом и нормы домусульманского обычного права (адат), мусульманский шариат, так же, как и в ханствах и в вольных обществах Дагестана. Право семейное, вещное, уголовное, основывалось еще на господстве адатов, близких к адатам аварских обществ Даге-

стана, но уже подвергавшихся значительным влияниям шариата. Это влияние сказывается особенно в семейном и наследственном праве (способ заключения брака и развод, ограничение числа законных жен четырьмя, имущественные отношения мужа и жены, опека, наследование, раздел наследства), далее — в отмирании принципа давности, в ограничении кровной мести, в замене гражданской ответственности тохума личной ответственностью преступника или должника¹.

Некоторое усиление значения шариата может быть понято в связи с разложением патриархально-родового строя, развития процесса феодализации. Однако, шариат не только не убил адатного права, но даже не лишил его преобладающего значения, а лишь пронизал адаты своим влиянием. Шариат и адаты, по крайней мере до эпохи распространения мюридизма, т. е. до 20-х годов XIX века, чаще всего уживались между собою мирно, и мы напрасно стали бы искать резких проявлений антагонизма между ними. Мусульманские казии, которые должны были бы быть хранителями шариата, принимали участие в вынесении судебных решений на основании адатного права; джарский казий еще летом 1830 года категорически отверг предложение вождя мюридов — тарикатистов Гамзат-бека совершенно отказаться от адатов и заменить их шариатом.

Причину такого сожителства и взаимного проникновения шариата и адата, по существу противоположных друг другу, М. Ковалевский видит в том, что шариат «не идет непосредственно в разрез с обычаем, а представляет только позднейшую ступень в его развитии»². Ошибка М. Ковалевского, вполне понятная для буржуазного исследователя, в том, что он воспринимает и шариат и адат статически, как нечто раз на всегда данное. Но если в мусульманском праве в первые столетия его развития и было не мало пережитков родового строя арабов, то на поч-

¹ См. Адаты Дагестана и Закатальского округа, под ред. Садыгайло.

² М. Ковалевский, указ. соч., т. II, стр. 217.

ве Дагестана шариат укреплялся, как право феодальных верхов. Для нас было бы приемлемее другое объяснение: по мере постепенного разложения родового строя у народов Дагестана, феодалы стремились приспособлять к своим интересам пережитки родовых отношений. Таким путем адаты и некоторые другие институты тохумного строя диалектически превращались в такое же орудие господствовавшей классовой группы, каким был и сам шариат. В условиях ранне-феодальных отношений компромисс между адатом и шариатом был в интересах социальных верхов, он помогал им превращать джамааты в орудия господства над массой; сравнительная гибкость шариата облегчала этот компромисс. Следовательно, в начале XIX в. адаты были не столько пережитком родовых отношений, сколько формой ранне-феодального права¹.

Таким образом, внутри вольных обществ к началу XIX в. явно выделяются две социальные группы, знать (кевхи) и масса крестьянства. Крестьяне-авары, опутанные тохумными порядками, благодаря развитию товарообмена и ростовщичества, попадали в кабалу к кевхам². Они, правда, не были закрепощены, и свободное мелкое крестьянское землепользование внутри вольных обществ сохранилось. В ином положении оказалось хозяйство крестьян ингилов и мугалов, не пользовавшихся правами членов вольных обществ. Здесь мы встречаем своеобразную форму земельной зависимости, которую русские официальные источники называют кешкельным правом. Нам кажется вероятным, что это право является формой феодальных отношений, развившихся, по видимому, из феодальных порядков старого Кахетинского царства. После того, как место прежних кахетинских помещиков заняли аварские вольные общества, к ним перешли права прежних владельцев по отношению к держателям земли.

¹ Пример такого законодательства, в котором нормы адата были соединены с шариатом и приспособлены к интересам феодальных верхов, дает сборник законов Ахмеда, уцмий каракайтатского в конце XVI в. См. Гулистан-и ирам, стр. 89.

² См. ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-позем. комиссии, дела 48, 49, 55, 57.

В первые периоды господства аваров повинности крестьян ингилоев должны были сократиться благодаря примитивности хозяйственного уклада аварских тохумов. Барщина должна была отмереть, ибо новые собственники земли не вели собственного крупного хозяйства, которое требовало бы большого числа рабочих рук. Поверенные кешкельных селений все показывали Закатальской сословно-поземельной комиссии, назначенной российским правительством, что в первые десятилетия «лезгинского» владычества держание земли инпилоями и мугалами было обусловлено внесением в пользу тохума «дани» (феодалной ренты) из очень небольшого количества зерна и 1 куска бурмета (хлопчатобумажная крашенная материя домашней выделки, около 1,6 метров в куске) с каждого земельного участка¹.

Юридическим собственником всей земли, в том числе и земель ингилоев и мугалов, считалось вольное общество (джама'ат) в целом. Именно оно присвоило сеньориальные права прежних кахетинских феодалов. Таким образом, по отношению к инпилоиским и мугальским селениям вольное общество заняло положение группового собственника, подобно «коллективным сеньориям» феодальной Зап. Европы. Вольные общества в начале прикрепляли определенное число кешкелей (земельных участков) к отдельным тохумам, кевхи которых получали с кешкельников следуемые с них взносы и затем распределяли собранное между своими джевами и оджахами. Ко времени российского завоевания такой порядок сохранился только в Тальском обществе, в котором все кешкельные участки были распределены между тремя тохумами, так что тохум Клиц имел 3 пая, т. Апарак—3 пая и т. Лимис—2 пая². В остальных же джама'атах к началу XIX в. «коллективная сеньерия» превратилась в юридическую фикцию.

Разложение тохумно-джамаатного строя, вызванное относительным ростом производительных сил, и развитие об-

¹ См. ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельной комиссии, дела 39, 40 и сл.—опросы поверенных кешкельных селений.

² ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-позем. к-ии, дело 58, л. 32.

мена поставили еще в XVIII в. тохумных кевхов в привилегированное положение. Отдельные джевы и даже лица стали присваивать в свою пользу взимание кешкельных взносов с определенных кешкелей; их права затем формально закреплялись за ними джамаатами и превращались в наследственные¹. Этот переход кешкельных прав в индивидуальное владение русских официальные источники довольно наивно (наивность, вызванная классово ограниченной) объясняли тем, что, мол, такой переход был допущен джамаатами «для большего удобства в сборе повинностей»². Они умалчивали при этом, что новые собственники не только собирали с кешкельников взносы, в качестве лиц, уполномоченных джамаатом, но и присвоили эти взносы себе, что вряд ли могло казаться особым «удобством» в глазах массы вольных аваров. Без ограбления этой массы такой переход не мог совершиться. Медленный процесс концентрации кешкелевладения в руках выделившихся из рядов равноправных членов джамаатов, кевхов и других представителей тохумной знати продолжался и в XIX в. и заметно ускорился после завоевания Джара Россией в 1830 г. Этот процесс, сопровождавшийся усилением политического влияния знати, стремившейся превратить джамааты—общие собрания вольных аваров—в свои безгласные орудия, вызвал острую борьбу внутри вольных обществ. К сожалению, мы имеем больше данных об этой борьбе уже за период, непосредственно предшествующий российскому завоеванию, т. е. за 1803—1830 г.

Для XVIII в. мы почти не имеем таких данных. В «Хронике войн Джара» встречаются лишь намеки. Так, в постановлениях объединенного джама'ата в Ахдаме 1751 г. говорится: «Тот, кто будет скрывать человека, убившего своего господина, или своего агу, уплачивает 12 туманов»³. Можно предполагать, что речь идет о случае убийства рабом своего господина или кешкельным крестьянином свое-

¹ См. ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельной комиссии, дело 15, 25, 40, 48 и др.

² С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, стр. 477.

³ Хроника войн Джара, стр. 66.

го аги (اغي, آغا в терминологии азербайджанского феодализма «помещик—дворянин»).

Отдельные кешкели (участки) представлялись джамаатами (вернее, их верхушкой) кевхам под видом вознаграждения за их службу; здесь мы находим, таким образом, те же способы «пожалований», что и в «варварских» королевствах Европы V—VIII вв. «Пожалования» в аварских обществах не налагали на кешкелевладельцев никаких обязательств по отношению к вольным обществам. Однако, нам известны и случаи прямого грабежа со стороны кевхов, опиравшихся на поддержку всей знати.

Так, незадолго до российского завоевания один из джарских кевхов, Умма Куркуна Шабан-оглы присвоил себе $\frac{1}{3}$ кешкелей ингилойского сел. Марсан, принадлежавшего Джинихскому обществу, основываясь на том, что он некоторое время был даругой (монг.-персидск. داروغه — управляющий, «наместник») в Марсане, по назначению от Джинихского общества. Когда джинихцы запротестовали, Умма Куркуна прибег к помощи джарского джамаата и «на правах сильного присвоил себе доход (с кешкелей)»¹. В 1881 г. этот захват был санкционирован русскими властями.

Иногда кевхи сами селили крестьян-кешкельников на купленных ими от джамаатов или захваченных землях. Рост денежных отношений и торговые операции кевхов побуждали их к таким покупкам, особенно у более бедных вольных селений и обществ, закабаленных джарской знатью. Около 1800 г. джарский кевхи Махмуд-ага купил у Джинихского общества за 300 русских червонцев и 300 персидских туманов большую земельную дачу, на которой основал сел. Чудулло, поселив в нем мугалов (73 кешкеля), выведенных из других селений².

С XIX в. мы видим в числе кешкелевладельцев и не выходцев из тохумной знати, а новых людей. Их богатство, созданное ростовщическими и торговыми операциями, как и покупкой кешкелей, заставляло забывать об их «низком»

¹ См. ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельной комиссии, дело 58, лист 85 и сл.

² См. ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельной комиссии, дело 58, л. 73.

происхождении и открывало им дорогу к званию тохумного кетхуды, как это было со старшиной тохума Чемчели Хаджи-Махмудом, бывшим вместе с тем одним из главных кевхов Джарского джамаата в 20—30-х гг. XIX в.

Если принять во внимание узкие масштабы территориального распространения и хозяйства аварских обществ, станет понятным, что среди кешкелевладельцев преобладали мелкие владельцы. В Джарском обществе, владевшем почти 1000 кешкелей (всего на территории 6 джамаатов было 1199 $\frac{3}{4}$ кешкелей), среднему кешкелевладельцу принадлежало от 5 до 10 кешкелей, но было немало владельцев и меньшего числа кешкелей. Точные данные о числе кешкелевладельцев и их владений нам выяснить не удалось, в виду разрозненности дел сословно-поземельных комиссий и отсутствия списков кешкелей по всем селениям. Там, где такие списки дошли до нас, мы видим картину дробного кешкелевладения. Так, в сел. Энгиан 77 кешкелей принадлежало 40 кешкелевладельцам (джарцам и мухахцам)¹, имевшим, однако, кешкели и в других селениях. Но рядом с мелкими кешкелевладельцами были и владевшие значительным числом кешкелей, разбросанных по разным селениям и разделенных на доли. Так, в 20-х гг. XIX в. джарцу Хаджи Ахмеду Порсух-оглы в одном сел. Энгиан принадлежало 7 $\frac{3}{4}$ кешкелей, разделенных между 12 держателями и доставлявших ежегодно 20 тагаров 20 чанахов (около 600 пуд.) хлеба; но тому же Порсух-оглы принадлежало немалое число кешкелей в сел. Алибад, Чобанкель, Лалало и др. Среди сравнительно крупных кешкелевладельцев в списках встречаются часто имена джарских кевхов Мухаммеда Вели-Чанка-оглы и муллы Цетова, державших во время восстания 1830 г. сторону русского правительства². Сел. Ахмедлы в 30-х гг. принадлежало целиком поручику российской службы Хаджи Али-ага; по его показаниям, ахмедлинцы зависели от его семьи «с давних пор» и обязаны были «дань эту (кешкельную) доставлять к нему на дом в сел. Гогам»³.

¹ См. ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельной комиссии, дело 40, лл. 9—20, список кешкелей сел. Энгиан.

² Там же, лл. 11, 15, 27, 50, 55 и др.

³ Там же, л. 199.

Начиная с 20-х гг. XIX в., но особенно после русского завоевания (между 1830—1870 гг.), усилилась скупка кешкелей более крупными кешкелевладельцами у более мелких по одиночке; данные о таких покупках находим в списках всех без исключения селений в делах Закатальской сосл.-позем. комиссии. Такая концентрация кешкелевладения усиленно поощрялась русскими властями, покрывавшими злоупотребления и прямой грабеж со стороны знатных кевхов. Так, в 1872 г. внук кевхи Даштамур Тари Кули-оглы, скупавший кешкели десятками, утверждал, будто его дед еще в 20-х гг. купил у талыца Рамазан Кули Халиля $\frac{1}{2}$ кешкеля за 70 руб., но «документ» был только около 1870 г. «взят внуком Даштамира... в документе сказано просто «Даштамир», а «кевха Тари-Кули-оглы» нет¹. Этот сомнительный «документ» был властями все же признан.

Земля в ингилойских и мугальских селениях делилась на кешкели. Собственно кешкели в Джаре (первонач. персидск. *كشكلى* — «ячменная вода», «ячмень», «ячменное поле», потом «участок орошенной земли») именовался оросительный канал, а отсюда и орошенная земля. Кешкель служил единицей при исчислении платежей и повинностей. Дать точное определение термина «кешкель» не легко. Назвать его земельным участком без оговорок нельзя, т. к. участки земли в кешкельных селениях не находились в постоянном пользовании одних и тех же крестьян. В этих селениях сохранился еще общинный порядок пользования землей², от прежней общины удержались переделы земли, которые в ингилойских селениях Алибадской группы, принадлежавшей Джарскому и отчасти другим джамаатам, производились ежегодно. Пахотная земля делилась при этом заново на кешкели, которые распределялись между крестьянами по жребию. Величина кешкеля также не была определенной и колеба-

¹ См. ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельной комиссии, дело 57.

² К этим общинам применимо определение азиатской общины, как «наиболее нового типа общины». См. третий черновик письма К. Маркса к В. Засулич. Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 283.

лась в зависимости от соотношения между общей площадью пахотной земли данной сельской общины и численностью ее населения, вернее, числом дымов.

Правильнее всего было бы назвать кешкель паем, долей в пользовании поливной общинной землей, правом на получение известного участка пахотной земли, пользование которым было обусловлено выполнением определенных повинностей. Владение кешкелем, таким образом, носило такой же условный и ограниченный характер, каким было владение землей на феодальном Западе. Как и там, кешкель имел не одного, а трех владельцев. Юридическим собственником его, как и всей вообще земли, было аварское вольное общество. Владельцем кешкеля было частное лицо, большою частью представитель тохумной знати, не обрабатывавший сам участка, но пользовавшийся правом присвоения путем внеэкономического принуждения платежей и повинностей, которыми данный кешкель был обложен. Наконец, крестьянин, обрабатывавший кешкель, был лишь его держателем.

Община, или, вернее, ее остатки удержались, как, впрочем, и в большинстве стран Пер. и Средн. Азии; здесь так же применимы слова Энгельса, о том, что община «является природной опорой восточного деспотизма»¹. Кешкельное право и было местной формой феодальных отношений.

Первоначально, вероятно, кешкель был паем на землю, предоставлявшимся каждому дыму, и число кешкелей в каждой сельской общине соответствовало числу дымов. До начала XIX в. кешкель был долей, установленной навсегда: ни число кешкелей, ни размер повинностей с каждого отдельного кешкеля долгое время не изменились по мере роста населения и дробления отдельных крестьянских семейств. Если семья при разделах наследства и выделении женатых сыновей дробилась, вновь образовавшиеся семьи продолжали быть держателями дробных частей кешкеля. Размер повинностей кешкеля, таким образом, не зависел от числа держателей его. Такой консерватизм вполне объясняется господством натурального хозяйства и застойностью хозяйст-

¹ Фр. Энгельс. Очерки социальной жизни России, стр. 14; см. также Анги-Дюринг, стр. 207 (изд. 1924 г.). Ср. письмо К. Маркса Фр. Энгельсу от 14 июня 1853 г. Сочинения, т. XXI, стр. 500-501.

венных форм¹; кешкелевладельцев, пока он не вывозил хлеб на рынок в значительном количестве и не вел своего хозяйства в крупном масштабе, не был заинтересован ни в увеличении числа кешкелей, ни в увеличении кешкельных повинностей, взимавшихся почти исключительно натурой.

Ко времени российского завоевания кешкель редко совпадал с отдельным крестьянским хозяйством. Чаще всего несколько дымов (в среднем—4, иногда до 8) пользовались одним кешкелем и сообща вносили следуемые с него взносы². Тот же порядок мы находим в кешкельных селениях зависимого от Джарского джамаата Илисуйского султанства. Такая «поразительная раздробленность мелких производителей» является обычным и «неизбежным следствием патриархального землевладения»³. Это очень общий признак феодального строя, в частности и западно-европейского феодализма. Маркс также считает раздробление земли между большим количеством ленно-зависимых крестьян характерной чертой феодализма⁴.

Держатели частей кешкеля не всегда были родственниками. Назвать кешкель «земельным наделом большой семьи», как это делает Иваненко⁵, нет основания. В распределение доходов между отдельными держателями кешкеля кешкелевладелец не вмешивался, как не вмешивался непосредственно, по крайней мере до российского завоевания, и в процесс производства; ежегодные переделы кешкелей производились ингилойскими мугальскими сельскими кешкельными общинами также без вмешательства со стороны кешкелевладельцев. Кешкель или их доля могли в отдельных случаях отчуждаться с согласия кешкельного общества; оно же передавало выморочные кешкели новым держателям. Чаще же всего кешкель переходил по наследству. Кешкелевладелец, как и землевладелец в Азербайджане, не мог со-

¹ См. слова Маркса о рентах в продуктах, как базисе застойных состояний общества в Азии. Капитал, т. III, стр. 332, также Капитал, т. I, стр. 111.

² См. ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельной комиссии, деп. 25, 36, 37, 39, 41, 43 и др.

³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Собр. соч., т. III, стр. 309.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 710-711 (изд. 1923 г.).

⁵ Иваненко, указ. соч., стр. 273.

пнуть держателя с кешкеля по своему произволу. «Сеньеру» кешкелевладельцу принадлежало лишь право присвоения платежей и повинностей с кешкеля, независимо от того, в чьем держании в данное время кешкель находился.

В XIX в., особенно с 20-х гг., рост товарных отношений побудил, как увидим ниже, более крупных кешкелевладельцев нарушить старые, установленные давно нормы кешкельных взносов и повинностей, повышая их иногда в несколько раз.

Закатальская сословно-поземельная комиссия, назначенная царским правительством в 1869 г., должна была выяснить характер и состав кешкельных прав и повинностей. Разумеется, эта комиссия не могла не проявить в своей работе взглядов, совпадающих с общей классовой тенденцией царского правительства — охранять в завоеванных им местностях Закавказья поземельно-вотчинные права землевладельцев, лишая последних в то же время политической власти. Комиссия не допускала поэтому и мысли о признании «лезгинских» земель казенными, ибо «подобное действие всегда казалось бы народу (т.-е. кешкелевладельцам. — И. П.) вопиющей несправедливостью и нарушением обещаний, многократно повторенных правительственными органами».

Социально-политические тенденции царского правительства отразились в работах Закатальской сословно-поземельной комиссии в объяснении сущности кешкельного права. Комиссия пробовала определить это право в следующих выражениях: «Кешкельный порядок представлялся для крестьян-пользователей вечной арендой на выгодных для них и точно определенных условиях; они в силу самого права опраждались от произвола и от чьего бы то ни было вмешательства в чужие дела». Однако, уже одного того, что кешкельники были фактически прикреплены к земле и что к ним применялось внеэкономическое принуждение, было бы достаточно, чтобы отказаться от взгляда на кешкельный порядок, как на «вечную аренду». Правда, юридически кешкельники не были крепостными, но они не были и свободными арендаторами. Сословно-поземельная комиссия не могла не понимать этого, но представителям той россий-

ской власти в Закавказьи, которая в 1830 и 1831 г. торжественно обещала ингилоям и мугалам «личную свободу»¹ и «свободу от (кешкельных) податей и повинностей»², слишком неловко было открыто сознаться в том, что эти обещания не были выполнены, и полукрепостнические формы зависимости крестьян продолжали существовать в Закатальском округе.

Основу повинностей, которыми были обложены крестьяне-кешкельники, составляли кешкельный сбор (в актах *عشر*, иногда *مال*), т. е. феодальная продуктовая рента. Кешкельный сбор вносился исключительно зерновыми хлебами, обычно пшеницей и ячменем пополам; иногда, треть сбора вносилась просом или чалтыком (рисом). До конца XVIII в. кешкельный сбор был невелик и в течение долгого времени оставался неизменным. Рост товарных отношений и участие кевхов в хлебной торговле вызвали, в свою очередь, рост эксплуатации кешкельного крестьянства. Рента осталась натуральной, но размеры ее росли и до и в особенности после русского завоевания. Так, в самом крупном кешкельном сел. Алибад сбор с 20 чаныхов вырос до 5 тагаров с каждого кешкеля³, в сел. Чобанкель—с 10 чаныхов до 3 тагаров, в сел. Карабалдур—с 2 до 4 тагаров, в сел. Лалало—с 3 до 8 тагаров и т. д. Повышение кешкелевладельцами кешкельного сбора до российского завоевания получало санкцию джама'ата, после 1830 г.—русских военных властей, которые в таких случаях всегда становились на сторону «помещиков».

Бывали, однако, случаи, когда кешкелевладельцы обходились без всяких адатов и юридических формальностей. Поверенные сел. Верхиян показывали Закатальской сосл.-позем. комиссии: «Плата была произвольная, хотя и полагалось (в 20-х гг.) по 6 тагаров ... Разповаривать с

¹ А. К. А. К., т. VII, № 380.

² А. К. А. К., т. IX, стр. 972.

³ Тагар (перс. *تغار* «чан», «ведро», «мера») — мера зерна в вост. Закавказьи; размеры ее колебались в различных местностях. Джарский тагар—около 30 пуд.; тагар равнялся 30 чаныхам.

лезгинами было нельзя: вешали за ноги. Так продолжалось до 1830 г.»¹.

Ко времени российской оккупации размеры кешкельного сбора были очень различны по отдельным селениям. Сел. Кюрдамур вносило по 5 тагаров с кешкеля, сел. Тасмало—по 5 таг., сел. Энгизан—по 3 таг., сел. Чобанкель—по 8 таг., сел. Беюк-Лахидж—по 2 таг. 20 чан., сел. Кичик-Лахидж—по 6 таг., сел. Чудулло—по 1 таг. сел. Загам—по 8 таг. с кешкеля и т. д.² Размеры кешкельного сбора колебались также в зависимости от района (плодородного низменного, или нагорного) и доходности того или иного кешкеля. В большинстве случаев кешкельный сбор составлял 30 проц. валового урожая кешкельника, иногда же и выше 40 проц.

В Джарском обществе долгое время удерживался, в виде пережитка прежних отношений, порядок внесения сбора всем кешкельным селением тохумным кевхам, которые затем уже передавали кешкелевладельцам следующее им, соответственно числу принадлежавших им кешкелей, количество хлеба. Но этот порядок исчез еще до российского завоевания, и джарские, мухакские, джиджихские кешкелевладельцы обычно приезжали к своим кешкельцам за получением «дани». Жители сел. Алибад показывали: «Лезгины знают, с копо сколько следует дохода, и потому, приезжая за ним, сами отправляются к каждому хозяину за получением его»³. Реже крестьяне сами доставляли хлеб кешкелевладельцам; крестьяне сел. Чудулло показывали: «Собранный доход доставляется подвластными на место жительства владельцев в сел. Гюллюк»⁴. Этот последний порядок стал господствующим везде только после русского завоевания.

В XVIII в. почти во всех кешкельных селениях вимались сборы домотканым полотном (бурметом); в начале этот сбор везде равнялся 1 куску с кешкеля, затем его стали увеличивать в сел. Кичик-Лахидж с 1 до 3 кусков с кеш-

¹ ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельн. комиссии, дело 40, л. 116.

² ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-поземельн. комиссии, дела 39, 40, 53, 55, 57, 58.

³ Там же дело 40, л. 28.

⁴ Там же дело 58, л. 75.

келя, в сел. Алиабад — с 1, до 5 кусков и т. д.¹ В XIX в. этот сбор везде исчезает; очевидно, с развитием товарооборота местные кустарные хлопчатобумажные ткани вытеснялись привозными, и производство бурмета упало. Исчезновение сбора бурметом сопровождалось, как мы видели, ростом кешкельных сборов зерном, находившимся в тесной связи с ростом хлебной торговли.

Собственно, барщинной повинности по обработке полей кешкельники не отбывали. Кешкелевладельцы не вели своего собственного крупного хозяйства, которое бы вызывало потребность в полевых работах. Однако, кешкельники выполняли и некоторые повинности работой, иногда довольно тяжелые, которые по существу были барщинными работами. Они обязаны были доставлять своим сеньерам, порою издалека, из горных ущелий топливо и лес для построек; существовала и подводная повинность — при перекочевках аваров на летние и зимние пастбища кешкельники перевозили имущество своих сеньеров. Жители сел. Чудуло, принадлежавшего Джинихскому обществу, показывали: «Отбывают владельцам следующие повинности: подвозят на дым потребное число ароб хворосту и обязаны давать (владельцам) требуемое ими количество. Одному только (кешкелевладельцу) Аслан-беку дают лошадей и арбы, сколько он найдет нужным, при переходах его семейства на летние кочевки и обратно. Другие владельцы не переходят на летние кочевки, но если бы им вздумалось это сделать, то подвластные им дымы обязаны были бы отбывать те же повинности»². Повинности эти отчасти соответствовали личным повинностям в Грузии, в большой мере — крестьянским повинностям Азербайджана, где раййаты отбывали в пользу беков 3—4 дня барщинных работ в году.

К свадьбе сына кешкелевладельца и к другим семейным торжествам и событиям кешкельники приносили узаконенные адатом приношения, обычно по одному барану от взрослого крестьянина. Эти обязательные «подарки» в общем соответствуют «сахурцило» и «самархи» феодальной Грузии и, вероятно, развились из этих последних. Случай-

¹ ЦАУГ. Фонд Закавказской оссл.-позем. к-ии, дело 58.

² ЦАУГ. Фонд Закавказской оссл.-позем. к-ии, дело 40, лл. 23, 50, 111, 186 и др.

ный характер этих приношений соответствовал потребностям землевладельца при господстве натурального хозяйства. В уложении царя Вахтанга говорится: «Не должно требовать больших приношений сестными припасами от своих крестьян, а должно довольствоваться тем, что они последние могут принести».

В XIX в. кешкелевладельцы повышают размеры этих «приношений». Ко времени русского завоевания устанавливается обычай брать выкуп при женитьбе сына кешкельника или выдаче им замуж дочери; в последнем случае брали лошадь или голову рогатого скота, иногда деньгами от 30 р. и выше.

Узаконенным адатом и формально добровольным был обычай «помощи» кешкельников кешкелевладельцам при уборке хлеба с собственных полей последних; работа эта проводилась на началах «подмоги», причем кешкелевладелец предлагал «помогающим» угощение. Патриархальная внешность этой «подмоги» не может скрыть от нас ее подлинного лица: это по существу повинность, довольно обычная в условиях ранне-феодальных отношений. Только незначительные размеры собственных хозяйств кешкелевладельцев мешали ей перерасти в подлинную барщину.

Кешкельники, подобно колонам в поздней римской империи и в «варварских» государствах Зап. Европы V—VII в., считались юридически людьми свободными. Таково же было юридическое положение раййатов (фактически зависимых от беков) в Азербайджане. Согласно адатам, от кешкелевладельца зависел не крестьянин, а его кешкель или доля последнего. Кешкель мог быть передан или продан одним держателем другому, который в этом случае принимал на себя все следуемые с данного кешкеля повинности. Кешкельник имел право выкупить свой кешкель от лежащих на нем повинностей, войдя для этого в соглашение с владельцем кешкеля. Такие выкупленные кешкели (уздан) все же продолжали участвовать в ежегодных переделах земли кешкельными общинами. На практике, однако, кешкельник чрезвычайно редко мог воспользоваться правом выкупа, не имея для этого средств; до 40-х гг. XIX в. число

выкупленных кешкелей было очень невелико¹. Фактически, таким образом, масса кешкельников была прикреплена к земле. Но и кешкельники, выкупившие или продавшие свои наделы и купившие взамен их новые земли на территории вольных обществ, не освобождались вполне от зависимости от прежних сеньеров; они продолжали уплачивать им по 1 таг. хлеба с кешкеля. Впрочем, кешкелевладельцы не всегда и считались с фактом выкупа. Поверенные сел. Марсан показывали Закатальской сосл.-позем. комиссии: «Десять кешкельников-марсанцев выкупили у дженицхев часть кешкельных земель, какую именно, не знают; знают только, что через эту покупку доход с кешкеля уменьшился на 1 тагар. Землю покупали по 1 р. и 1½ р. за чанах посева»². Иначе говоря, кешкельный сбор, лишь несколько уменьшенный, продолжал взиматься и с выкупленных кешкелей; оброк в 1 таг. был установлен также для мугалов и ингилов, занимавшихся ремеслами, или уходивших на отхожие промыслы.

Если считать, что от кешкелевладельца зависел не крестьянин-кешкельник, а его земля, то это была чистой фикцией. С XIX в., по мере укрепления кешкелевладельцев и их превращения в оформленную классовую группу, элементы личной зависимости кешкельников выступают яснее. Характерно, что еще до утверждения российского владычества в Джаре в актах появляются упоминания о продаже кешкелевладельцами уже не кешкелей, а сидевших на них людей. Приведем лишь две любопытных выписки. «Джарский житель мулла Цетов купил у Фиркана Мусы крестьян его (в сел. Кошур) Зия(э)д(д)ина с четырьмя сыновьями (имена есть) и братом с находящимся в их руках ¼ кешкеля» (1826 г.). «Он же, мулла Цетов, купил у катехца Фиркана Мусы крестьян его, поименованных ниже, с ½ кешкелем, находящимся в их руках, за 120 р., получая (с крестьян) доход 20 чанахов» (1825 г.)³.

В кешкельных ингилойских и мугальских селениях был

¹ См. списки выкупленных кешкелей по селениям. Фонд Закатальской сосл.-позем. к-ии, дело 39 и сл.

² ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-позем. к-ии, дело 58, л. 88.

³ Там же, дело 40, л. 138.

все же элемент, избавленный от повинностей. То были старшины кешкельных сельских общин и их помощники, сельские муллы и эфенди, также и мирабы и джувары (см. выше), освобожденные как от кешкельных сборов, так и от личных повинностей. Освобождение это кешкелевладельцам ничего не стоило, т. к. следуемое с освобожденных кешкелей количество хлеба, как и личные повинности, раскладывались на остальных кешкельников. Этот слой ингилов и мугалов, освобожденных от повинностей, соответствовавший азербайджанским ма' афам, был вернейшей опорой власти джамаатов и кевхов над кешкельными селениями. После российского завоевания эти люди стали стремиться к уравнению в правах с аварской знатью; некоторые из них ходатайствовали об утверждении их в бекском звании⁴.

Наряду с кешкельниками, прикрепленными к земле, мы встречаем в аварских обществах и настоящих крепостных-дворовых (главным образом, в Джаре и Белакане). Это были исключительно мугалы, число их было не велико. Они не имели постоянных земельных наделов и образовывали при кевхах и прочих представителях знати род дворовой челяди; некоторых из них их владельцы сажали на землю на обычных условиях уплаты кешкельного сбора. Но их земельные наделы могли быть в любое время от них отобраны, тогда как кешкельников владельцы не имели права согнать с их наделов. Крепостные, о которых мы говорили, соответствуют азербайджанским ганджбарам (персидск. گاندهبار, رنجبر). Журналы Закатальской сосл.-позем. комиссии иногда и называют их крепостных, и кешкельных крестьян раййятами (арабск. رعيت, мн. ч. رعانا — подданный), т. е. тем же термином, как обозначались зависимые от ханов и беков крестьяне Азербайджана. *

Думается, что приведенное достаточно подтверждает нашу характеристику социального строя Джаро-Белаканских вольных обществ, как строя ранне-феодального, со значительными пережитками архаической формации. В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» следующим образом определяет основные необходимые черты феодаль-

⁴ ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-позем. к-ии, дела 40, 41.

нопо строя: 1) господство натурального хозяйства, 2) наделение «непосредственного производителя средствами производства вообще и землею в частности», 3) личная зависимость крестьянина от владельца земли и связанное с нею внеэкономическое принуждение и 4) низкий уровень и рутинное состояние техники, соединенные с раздробленным крестьянским хозяйством¹. Все эти признаки налицо и в Джарских обществах. Здесь налицо было фактическое прикрепление кешкельника к земле, которую он не мог покинуть, не выкупив ее; здесь было налицо и внеэкономическое принуждение: не вмешиваясь непосредственно в процесс производства, кешкелевладелец пользовался правом взимания типично феодальных платежей и повинностей, прибегая, в случае необходимости, к поддержке джамаата и к помощи вооруженной силы. В. И. Ленин в той же работе подчеркивает, что формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, «начиная от крепостного состояния и кончая сословной неравноправностью крестьянина»². В Джарской области мы не можем, конечно, говорить об оформившемся крепостном состоянии; здесь мы видим степень зависимости крестьян, соответствовавшую ранним стадиям развития феодальной формации.

Далее, в Джаре мы встречаем типично феодальную форму землевладения: один и тот же участок земли имеет не одного, а двух—трех владельцев. Здесь создалась вполне феодальная иерархия владельцев земли, которую в общих чертах можно представить в следующем виде.

Вольное общество (джамаат)—коллективная сеньерия, владелец кешкеля; крестьянин—держатель кешкеля или одной из его долей.

То обстоятельство, что в Джарской области мы не встречаем собственно крупного землевладения и крупного помещичьего хозяйства, не противоречит нашему утверждению о существовании феодальных отношений в Джарских обществах: для ранних стадий феодализма более ха-

рактерно соподчинение владельцев и держателей земли, чем наличие крупного землевладения, точно так же, как и ведение помещиком своего отдельного крупного хозяйства на этих стадиях вовсе не обязательно: большая часть прибавочного продукта получается землевладельцем с мелких крестьянских участков. Впрочем, и в Джаре некоторые кешкелевладельцы из знатных кевхов, владевшие несколькими десятками кешкелей, могут быть признаны относительно крупными землевладельцами. Наконец, преобладание мелкого помещичьего землевладения, располагавшего незначительным числом закрепощенных крестьянских хозяйств в XVIII—XIX вв., характерно для ряда феодальных обществ Закавказья—Имеретии, Гурии и вообще Зап. Грузии¹, как и значительной части Азербайджана.

Процесс феодализации Джарских обществ ко времени российской оккупации далеко не был закончен. Нельзя затуманить того факта, что кешкелевладельцы не успели превратиться в настоящих сеньеров, обладавших не только правом внеэкономического принуждения по отношению к держателям земли, но и юрисдикцией (если не считать юрисдикцией самочинных расправ со стороны кешкелевладельцев) — военной и судебной властью². Такого признака развитого феодального общества, как соединение функций землевладельца и государя (поместье—государство), мы здесь не находим. Право юрисдикции и политическая власть оставались в руках вольного общества — джамаата, как коллективного сеньера. Однако, зная стремилась превратить собрания джамаатов в свои покорные орудия и это в значительной степени удавалось. Фактически наследственные кевхи, несомненно, были самой влиятельной группой в джамаатах, хотя им и приходилось порою выдерживать довольно сильный напор массы вольных аваров—свободных крестьян. Российские власти нередко называли кешкелевладельцев помещиками; в документах

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Собр. соч., т. III, стр. 139—141 (изд. 3).

² В. И. Ленин. Там же. Ср. также К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2, стр. 326: «Необходимы... личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней».

¹ См., напр., Ф. Махарадзе. Очерк истории Грузии в XIX в. Тифлис, 1933.

² Маркс считает обладание помещиком высшей военной и судебной властью, как атрибутом земельной собственности, характерным признаком уже развитого феодального строя. См. Капитал, т. I, стр. 310 (изд. 3, 1923 г.).

фонда Закатальской сословно-поземельной комиссии их именуют иногда «ага» (آغا آغا); османское правительство в дипломатической переписке называло крупнейших кевхов эмирами.

Некоторые джевги (фамилии) кешкелевладельческой знати в Джарах и Белаканах были организаторами набегов на Грузию и Азербайджан и торговли невольниками; они вкладывали в эти торговые предприятия средства и формировали для набегов и захвата людей и скота отряды из «гулхадаров»—загорных дагестанских обществ—и местных аваров. Из последних особенно охотно вступали в эти отряды белаканцы, в массе своей бедняки, которых при малоземельи занятие сельским хозяйством не могло прокормить. В числе организаторов работорговли мы встречаем знакомого уже нам муллу Цетова, относительно крупного кешкелевладельца. Очень видную роль в организации набегов играла фамилия белаканских кевхов-кешкелевладельцев Муртуз-Али; представителю этой фамилии в первой трети XIX в., некоему Мухаммеду (Мамеду), участие в организации набегов на оккупированные Россией области Грузии не мешало, как увидим ниже, быть вернейшим агентом российских властей. Часть захваченных в набеге невольников (аварск. *gorgi*) оставлялась кевхами при себе в качестве дворовой челяди. Ко времени российского завоевания известны были уже вторые и третьи поколения; существовал термин *gorgil toqum* (аварск.-арабск.)—рабское происхождение. Число рабов было невелико, сколько-нибудь значительной роли в хозяйстве они не играли. Очевидно, большая часть пленников предназначалась для продажи или выкупа.

В грубой схеме социальная структура Джаро-Белаканских аварских обществ рисуется так.

1. Феодалная знать—кевхи, кешкелевладельцы, казии, улемы (авары).

2. Свободные крестьяне—мелкие собственники земли, члены вольных обществ (авары).

3. Сельские старшины и маафы (ماف) кешкельных селений, свободные от повинностей (мугалы и ингилой).

4. Прикрепленные к земле крестьяне-кешкельники, обложенные феодальными повинностями (мугалы и ингилой).

5. Крепостные—дворовые (мугалы).

6. Рабы (пленники, захваченные в набеге, б. ч. грузины).

III.

ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ СУЛТАНСТВА ИЛИСУЙСКОГО.

Нам уже приходилось поговорить об очень значительном влиянии в XVIII—начале XIX в. Джарского общества во всем почти Закавказьи. С XVIII в. это влияние особенно испытывали на себе два восточных соседа аварских обществ—султанство Илисуйское и ханство Шекинское (Нухинское). Оба эти владения по временам попадали в настоящую зависимость от джарцев. Если шекихане, вступление которых на престол во второй половине XVIII в. редко обходилось без содействия и утверждения со стороны джарцев, все же испытывали на себе их давление лишь по временам, то султаны илисуйские под конец превратились по существу в вассалов джарского общества.

Правда, их зависимость от джарцев не была закреплена никакими фирманами и грамотами и вообще не получила юридического оформления. Однако, при избрании султана на илисуйских джамаатах решающую роль играл голос делегатов Джара. Избранные султаны должны были во всех вопросах внешней политики следовать указаниям джарцев. Попытки проявления самостоятельности почти всегда вели за собою свержение султана и замену его другим, более лояльным лицом. Такая замена оформлялась илисуйским джамаатом, в составе которого джарцы постоянно располагали партией своих сторонников. Претенденты на престол отдавали джарцам иногда все свое состояние, так как их поддержка обеспечивала избрание. Обыкновенно джарцы

действовали при этом через илисуйский джамаат, но непокорность последнего вызывала с их стороны и прямое насилие. Так, в самом конце XVIII века джамаат сменил было джарского ставленника султана Хан-Баба-бека, заменив его Ахмед-ханом. Джарцы немедленно отправили в Илису военный отряд, который и восстановил на престоле Хан-Баба-бека. К началу XIX века политическая связь между Джарским обществом и илисуйским султанством, единство между ними во внешней политике, в военных экспедициях было настолько прочным, что вступление Джарского и прочих аварских обществ в «подданство» России повлекло за собой механически такое «вступление в подданство» и со стороны Илису. Русские власти, по крайней мере первоначально, рассматривали официальные Илису (тюрк. *İli su* или *İli su* цахурск. *İlusā* в актах *اليسو*), как часть джарских владений. В актах Кавказской Археографической Комиссии султанство признавалось находящимся в составе «Джарской провинции»¹. В обязательствах, принятых на себя уполномоченными Джарского общества в 1803 году, говорится между прочим: «Соседственного, союзного и всегда дружественного с нами татарского илисуйского султана Али-Султана и весь подвластный ему народ включаем в верноподданство наше е. и. в.»². Султан илисуйский был обязан при этом вносить следуемую с него дань царским властям через посредство Джарского общества. В 1805 г. джарцы сменили Али-Султана илисуйского за неуплату дани, предназначенной для отсылки главноначальствующему Цицианову. Из донесения ген. Орбелиани русскому главноначальствующему видно, что джарские старшины сместили его, не соблюдая «конституционной» вежливости, игнорируя илисуйский джамаат³.

Территория султанства примыкала к территории вольных обществ с востока, отделенная от нее реками Мухахчаем и Капы-чаем; с юга границей султанства служила Алазань и ее приток Айра-чай, с востока река Кашка-чай, образующая здесь границу с ханством Шекинским; на се-

¹ А. К. А. К., т. VII, №380.

² А. К. А. К., т. II, № 1387. Клятвенное обещание поверенных вольных обществ Джарской провинции.

³ А. К. А. К., т. II, № 14 07.

вере владения султанства переходили на северную сторону Главного Кавказского хребта, захватывая район верховьев реки Самура, и граничили с Кюринским ханством.

Как и в Джаре, в северной, горной, части султанства, населенной цахурами, преобладало полукочевое скотоводство с земледелием в качестве подсобной хозяйственной статьи. В предгорьях и на плоскости (в средней и южной части султанства) господствовала культура суходольных зерновых хлебов (пшеница, ячмень, просо), отчасти тутовых деревьев; на плоскости, кроме того, были распространены посевы чалтыка (риса) и виноградники¹. Оросительные каналы здесь также выводились из горных рек (центральная часть султанства орошалась Курмух-чаем) и не образовывали значительных систем; они находились в ведении сельских обществ. Общинное землепользование и здесь к началу XIX века сохранилось лишь кое-где, преимущественно в ингилойских селениях, и то лишь в виде ежегодных переделов земли. Пастбища летние и зимние, как и леса, остались в общинном пользовании.

Здесь мы встречаемся с тремя основными этническими группами. Это, прежде всего, цахуры (калтахи), свободные крестьяне, сидевшие на собственной земле и не обложенные феодальными повинностями. Юг территории султанства занят ингилоями (омусульманенными грузинами) и мугалами (тюрками) — прикрепленными к земле держателями кешкелей, принадлежавших султану и бекам. И здесь, как и в аварских обществах, этнические группы совпадают с производственными. Султан и беки, частью цахурского, частью тюрко-азербайджанского происхождения, считались стоящими как бы вне этнических групп, и в камеральных описаниях перечислялись отдельно².

Цахуров (цахурск. taq:qali, мн. taq:bə)³ принято было считать выходцами из Дагестана. Великодержавные русские

¹ *** Несколько данных... и т. д.

² Напр., в сел. Ках числилось семейств: беков 9, «лезгин» (т. е. цахуров) 23, мугалов 77 и ингилов 130. — Фонд Закавказской гос. земл. к-ии, дело № 25.

³ См. А. М. Дирр. Цахурский язык, стр. 218. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XIII. Тифлис, 1913.

историки XIX в. (Линевич, Эсадзе и др.) называли их, как и всех дагестанцев, «лезгинами» и считали пришельцами-завоевателями, захватившими эту часть территории Кахетинского царства в XVII в. Это в такой же мере неверно, как и легенды о «хищническом вторжении» в Кахетию аваров. Как и авары, цахуры жили и до XVII в. в нагорных частях вост. Кахетии более или менее значительными родовыми общинами, обязанными военной службой местным грузинским моуравам. От царевича Вахушти мы узнаем, что уже в XVI в. цахурских поселений здесь было много. Нет никаких данных для утверждения о переселении или вторжении цахуров значительной массой в какой-либо один период. Падение власти грузинских феодалов в данном районе было связано не с «хищническим вторжением» цахуров, а с укреплением в вост. Закавказьи власти Персии и, в связи с этим, со сменой состава части феодальной верхушки здесь.

Цахуры заселяли сплошь оба склона Главного Кавказского хребта и северную и среднюю (гористую) часть территории султанства. Они составляли четыре вольных общества (джамаата) — Цахурское (на сев. склоне Главного хребта), Сувапильское, Карадулакское и Илисуйское (всего 26 селений). Общества состояли из тохумов, с социально-правовым укладом, аналогичным всем дагестанским тохумам. В отличие от джаро-белаканских вольных обществ, цахурские общества не владели кешкельными крестьянами и имели право групповой сеньерии по отношению к мугальским и ингилойским селениям. Не суждено им было играть и сколько-нибудь значительной политической роли и даже сохранить независимость: они сами оказались в положении вассалов султана Илисуйского.

По вопросу об образовании Илисуйского султанства существуют различные предположения. Цахурское предание считало Илисуйских султанов потомками беков Цахура (на сев. стороне Главного хребта)¹. В сел. Цахур, действительно, уже с половины XVII в. были беки, может быть, выделившиеся из рядов тохумной знати. Они пользовались

¹ Линевич. Бывшее Илисуйское султанство, стр. 16-17. Эсадзе, указ. соч., т. I, стр. 485.

² А. К. А. К., т. II, дополнение, II, № 1.

феодальными правами и над некоторыми грузинскими селениями, повидимому, в виде бенефиция за службу кахетинским царям. В 1562 г. персидский шах Тахмасп I закрепил за Ади-Куркулу-беком цахурским феодальные права над селениями Кахского (речь идет не о Кахетии, а о сел. Ках) моуравства Бабало, Шотавар и Кураган на правах иммунитета¹. В 1592 г. тот же Ади-Куркулу-бек получил уже от турецкого султана, завладевшего тем временем Закавказьем, фирман на пожалование ему селений Ках и Мешабаш.

В сел. Ках существовало предание, что в начале XVII в. Цахур был подчинен хицскому (в Дагестане) беку Али, потомками и преемниками которого будто бы являлись султаны Илисуийские. По цахурскому же преданию, жители Цахура, выведенные из терпения притеснениями беков и их стремлением уничтожить джамаатную организацию, в начале XVII в. составили заговор и вырезали все семейство бека; спаслась только одна беременная женщина, бежавшая в Илису. От ее сына будто бы и вели начало султаны Илису.

По третьей версии, основанной на сообщении царевича Вахушти, султаны были потомками (или, во всяком случае, наследниками) грузинского моурава Элисенского Вахахишвили, признавшего себя вассалом Персии и принявшего ислам. Вахушти говорит: «Вахахишвили предстал пред шахом Аббасом (I) в 1585 г., принял магометанство и, когда прибыл шах в Эривань, отнял эту область у Александра II, царя Кахетии и посадил его (Вахахишвили) здесь султанствовать»².

Нам вопрос о происхождении династии султанов представляется третьестепенным. Зато едва ли приходится сомневаться в том, что власть султанов была продолжением власти моуравов элисенских, иначе говоря, она возникла на почве феодальных отношений Кахетии, и не вышла из горного Цахура. В последнем тохумный уклад был достаточно крепок еще в XIX в.; трудно допустить, чтобы явно феодальная власть султана могла укрепиться здесь уже в

² فرمودیم که اصلا و قضا احدی از حکام و تیولداران و بیگلربیایان بکار کر جستان تصرف مشارالیه در املاک مفضله ضمن متعلقه مشارالیه نشده بگذرد
A. K. A. K., т. II, доп. II, № 1.

¹ Brosset. Description géographique de la Géorgie par le Tsarévitch Vakhucht.

XVII в., да еще без борьбы с джамаатом, как уверяли чиновники из Закатальской сословно-поземельной комиссии писавшие: «Стремление каждого из тохумов (Цахурского о-ва) иметь во главе народа своего представителя вызвало вражду и беспорядки. Чтобы положить конец неурядице, тохумы согласились выбрать главу из нейтральной среды»¹. Такое объяснение происхождения султаната ничуть не более исторично, чем рассказ русского летописца о призвании варягов для установления порядка в «великой и обильной стране».

Скорее можно допустить, что султаны укрепились на плоскости, как преемники грузинских моуравов, и лишь позднее подчинили себе нагорные цахурские вольные общества. Этим последним султаны должны были оставить их джамаатные порядки и предоставить маафство (освобождение от повинностей). Цахуры считались в султанстве привилегированной группой.

Такое положение легко объясняется тем, что мусульманские преемники моуравов элисенских могли укрепить свою власть только при помощи цахурских обществ; их поддержка помогла султанам лавировать между Турцией и Персией, боровшимися за обладание Закавказьем, и держать в повиновении крестьян-ингилов и мугалов. Это обстоятельство придавало власти султана такой же двойственный характер, какой была в начале власть Джарских джамаатов: султан был (вернее считался) одновременно выборным главою четырех вольных обществ и феодальным сеньером.

Остановимся несколько на характере власти илисуийских султанов. Султаны выбирались на джамаатах непременно из числа членов султанской фамилии. Порядок выборов был установлен адатом. Первоначально джамаат играл значительную роль в управлении, приставлял к султану своих уполномоченных (бекилей) и сменял его в предусмотренных адатом случаях, заменяя другим членом султанского рода. Султан был одновременно и наследственным (если и не было установленного порядка престолонаследия, как и на всем Ближнем Востоке, то все же султанат оставался

¹ ЦАУТ. Фонд Закатальской сосл.-позем. к-ни, дело 15.

достоянием одной семьи) и выборным. Такое положение было результатом компромисса между султаном и цахурскими джамаатами.

С XVIII в. избирательные права джамаата превратились в юридическую фикцию, а султаны в назначенцев Джарского вольного общества. Перед выборами претенденты из влиятельных членов султанской семьи отправлялись в Джар и там подарками и обещаниями старались склонить на свою сторону главных кевхов. Претендента, кандидатура которого одобрялась джарским джамаатом, илисуйский джамаат покорно провозглашает султаном; всякая попытка сопротивления илисуйцев, как уже отмечалось, грозила военным вмешательством со стороны джарцев. Определенной дани джарцам султан не платил, но все управление султанством направлялось и контролировалось Джарским джамаатом.

До подчинения султанов джарцам владельцы Илису и Цахура, после избрания их джамаатом, утверждались в своем звании султанами турецкими или шахами персидскими (в зависимости от того, кто из них был в тот или иной момент хозяином положения в Закавказьи), причем это утверждение было только простым признанием факта вступления султана «на престол», — черта типично феодальная, знакомая и переднему Востоку, и феодальной Европе. 35 таких шахских и султанских фирманов последний султан Даниель-бек представил российскому правительству для обоснования своих домогательств об официальном признании Россией его владетельным князем¹. Титул султана, данный владельцам Илису шахами, занимал в азербайджанской иерархии среднее положение между титулами хана и бека².

Ниже султана стояли беки. Как и во всем Азербайджане, термин «бек» имел в султанстве неодинаковое значение. Здесь различалось три типа беков. Прежде всего, были беки — члены султанской фамилии; бекскими правами пользо-

¹ Некоторые из этих фирманов см. в А. К. А. К., т. II, дополн. II, №№ 1—22.

² См. А. Губайдуллин. Феодальные классы и крестьянство в Азербайджане, стр. 31. Баку, 1928.

вались исключительно сыновья султана или других беков от «законных» жён бекского же происхождения, тогда как сыновья от наложниц или жён «низкого» происхождения не получали звания бека. Затем мы встречаем наследственных беков из других фамилий, цахурских и тюркских, обязанных службой султану — в войске и при дворе. Обе эти группы получали от султана во владение кешкельные селения или части их (нередко только отдельные кешкели), закреплявшиеся наследственно. Этот слой вполне соответствовал кешкелевладельцам аварских вольных обществ. В этих беках мы можем с полным правом видеть представителей класса феодалов, наряду с султаном. Но беками именовались также лица не «знатного» происхождения, получавшие бекское звание за личную службу султану, не передавшие своих прав — прав по наследству, и не владевшие кешкелями; разумеется, эти беки — не феодалы, они — простые агенты феодалов.

К числу беков-феодалов очень древнего происхождения следует отнести упоминаемых царевичем Вахушти и некоторыми другими источниками Али-султанов, которых русские историки смешивали с султанами илисуйскими. Были беки, владевшие целыми селениями; так, селения Фистихло (40 дымов) принадлежало в первой трети XIX века беку Хаджи-ага, селения Аманло и Кайсарло (31 дым) бекской фамилии Али-Султан-Ушаги и т. д. Зато были беки, владевшие лишь немногими кешкелями; так, селение Ибахло (27 дымов) принадлежало 15 бекам, селение Казмаляр (40 дымов) — 17 бекам и т. д.¹

Крестьяне — члены цахурских вольных обществ, пользуясь свободно всей занятой обществами землей, не были обложены ни поземельной рентой, ни каким-либо сенъерильными повинностями в пользу султана или беков. Более точно их положение до русского завоевания не было выяснено; Эсадзе полагает, что они «отбывали одни государственные повинности и подати»², тогда как Линевиц утверждает, что они не несли и никаких государственных повин-

¹ ЦАУГ. Фонд Закавказской сосл.-позем. к-ни, дело 25, 48.

² Эсадзе, указ. соч., т. I, стр. 488.

ностей, кроме военной службы¹. Данные дел Закатальской сословно-поземельных комиссий подтверждают последнее мнение. Все управление вольными цахурскими обществами отправлялось тохумными и сельскими кевхами и джамаатами, и султан непосредственно в управление не вмешивался. Их положение до некоторой степени можно сравнить с иммунитетом. Освобождение от феодальных повинностей целых селений и сельских общин—коллективное маафство—было знакомо и феодальному Азербайджану; такие общины там именовались, как и лица, маафами (араб. *ماف* свободный, привилегированный). В виде исключения одно из цахурских селений—Илису (резиденция султана)—было обязано повинностью султану—выставляло 24 нукера (перс. *نوکر* слуга) для службы при султанском дворе.

Близко к вольным цахурам стояли маафы—жители ингилойских и мугальских селений, освобожденные от феодальных повинностей. Проф. А. С. Губайдуллин приравнивает азербайджанских маафов к западно-европейским рыцарям и вообще к мелким феодалам². С этим едва ли можно согласиться. В Илисуйском султанстве (как и в Азербайджане) к маафам относились старшины кешкельных селений, лица, освобожденные от повинностей султаном за личные услуги, муллы, имамы, сейиды, считавшиеся потомками пророка Мухаммеда. Все это скорее агенты феодальной власти. Наряду с ними права временного маафства распространялись на оспопрививателей, сирот и т. д. Маафство, поскольку оно было связано с земельными отношениями, означало, повидимому, просто держание земли, свободное от повинностей.

Зависимые от султана и беков крестьяне-кешкельники, — их здесь называли также раййятами, — составлялись из двух этнических групп, — ингилоев и мугалов. Как увидим, повинности первых были в некоторых селениях значительно тяжелее. Если такое неравенство и можно объяснить стремлением султанов опереться на мугалов, как наи-

¹ Линевиц, указ. соч., т. I, стр. 10.

² Губайдуллин, указ. соч. стр. 34.

более преданный исламу (и следовательно более лояльный по отношению к султану) элемент, то лишь отчасти. В основе же такого порядка лежит скорее, как мы уже говорили, факт различия происхождения повинностей ингилоев и мугалов, в одном случае—из феодального уклада Кахетии, в другом же — из поземельных отношений Азербайджана. В некоторых же бекских селениях кешкельники-мугалы платили даже более высокие взносы, чем ингилои султанских селений¹. Да и вообще в мугалах и ингилоях видели скорее социально-правовые, чем этнические группы.

Положение раййятов в основном напоминало положение кешкельников в джарских аварских обществах. И здесь единицей держания земли был кешкель; илисуйский кешкель вполне тождествен с джарским. Он составлял здесь, как и в аварских джамаатах, от 4 до 6 тагаров (тагар—также площадь, дающая 1 тагар хлеба) усадебной земли и от 6 до 12 таг. пашни, большая часть кешкелей была раздроблена между несколькими держателями, в отдельных случаях на 1 кешкель приходилось до 8 дымов.

Основные платежи кешкельников-раййятов заключались в земельной натуральной ренте — кешкельном сборе по типу джарского, разных размеров. Наряду с этим, в некоторых селениях взимался малджаат *مال جهان*, равнявшийся $\frac{4}{7}$ — $\frac{1}{10}$ части урожая; применение малджаата являлось результатом влияния азербайджанских феодальных отношений. В этом нет ничего удивительного, если мы вспомним, что территория султанства лежала на стыке распространения двух типов феодализма, — грузинского и азербайджанского. Обычно, сбор с ингилойских кешкелей в трех султанских селениях превышал в три раза сбор с мугальских кешкелей. Помимо этого, существовал ряд других сборов и повинностей.

Султану Илисуйскому до 1830 года лично, как помещику, принадлежало три селения: Ках, Алибегло и Мешабаш (всего 230 дымов ингилоев и 77 мугалов). Рассмотрим в виде примера повинности кахских кешкельников.

¹ ЦАУТ. Фонд Закатальской сосл.-позем. к-ии, дело 25.

52% кешкеля ингилов вносили ежегодно по 3 таг. хлеба (2 т. пшеницы, 1 т. ячменя), по 3 стилия шелка и по 1 вьюку винограда с каждого кешкеля, 45 кешкелей мугалов вносили по 1 таг. хлеба и по 1 стилию шелка с кешкеля. Кроме того, те и другие вносили с каждого кешкеля султану еще по одному вьюку самана и, кроме того, по 5 чаныхов хлеба султанскому цирульнику и столько же султанскому поставщику ястребов¹. Султан получал особые налоги с 48 лавок кахского базара, в среднем по 15 рублей с лавки.

В сел. Алибегло (46 кешкелей) вносилось до 1830 г. по 1 таг. 6 чаныхов пшеницы и чалтыка, по 1 таг. проса с каждого кешкеля. Последний султан Даниель-бек (1830—1844 г.) обложил кешкельников новыми сборами: по 1— $\frac{1}{2}$ ст. шелка, по $\frac{1}{2}$ вьюка винограда с кешкеля. Кроме того, кешкельники должны были вносить малджаат ($\frac{1}{10}$ долю урожая) за пользование общинным полем Белюзек².

В селении Мешабаш, кроме упомянутых уже повинностей, установилась с XIX в. еще обязанность приносить султану в дни праздников и его семейных торжеств «добровольные приношения»—туговой водкой, орехами, уксусом и т. д.³.

Везде существовал особый сбор—даргалык. داروغى или داروعلى (на содержание даруга, управляющего именьями). Доходы с отдельных кешкелей султан передавал во временное пользование своим бекам и даже нукерам.

Во владении беков в Илисуйском султанстве находилось 14 селений: Абахло, Кичик-Котукло, Узун-Тала, Кара-Тала, Аманло, Кайсарло, Кипчах, Казмаляр, Дехми-Дагельды, Шахляр, Аламло, Байдарло, Онджало и Тахтанум; все они лежали на крайнем юге территории султанства. Кроме того, девяти бекам принадлежало 30 дымов в Кахе-ингилойском.

¹ ЦАУГ. Фонд Закатальской посл.-позем. к-ии, дело 25. Ведомость имению, поступившему в казенное ведомство после бегства в горы бывшего Елисуйского султана Даниель-бека (1858 г.)

² ЦАУГ. Фонд Закатальской посл.-позем. к-ии, дело 25.

³ Тоже.

В бекских селениях кешкельники несли в общем те же повинности, но размеры кешкельной подати были крайне разнообразны. Так, в сс. Ибахло и Узун-Тала вносились по 4 таг. хлеба и по 3 стилия шелка, в сел. Байдарло (до 1830 г.)—только по 15 чан. хлеба с кешкеля. Малджаат в сел. Кара-Тала равнялся $\frac{1}{7}$ части урожая, в сел. Казмалар— $\frac{1}{10}$ части.

Из прочих повинностей везде существовала обязанность приносить бекам «подарки» в торжественных случаях. Почти везде крестьяне обязаны были предоставлять лошадей и людей для перевозки и сопровождения беков в Илису и на кочевки. Эти повинности были в общем одинаковы с отмеченными уже повинностями кешкельников в Джарском обществе, но наряду с ними попадаются иногда и другие,—обязанность предоставлять бекам нукеров, давать конвой и упрощение в случае проезда бека в селение и т. д. Есть некоторые намеки на существование права родственного (но не тождественного) праву первой ночи, существовавшего кое-где и в Европе в эпоху расцвета феодализма. Так, в селение Беюк-Котукло (инпилойском)—жители жаловались на тяжесть «права беков... над вдовами и девицами», которых бек мог выдавать в замужество по своему усмотрению или брать себе в наложницы¹. Приношения, которые обязаны были доставлять бекам жители селения Казмаляр (мугалы) при каждой свадьбе (размер «приношений» определялся беком в зависимости от достатка семейств новобрачных), быть может, носил характер пережитка откупа от упомянутого права беков.

Барщины, как и в аварских джаро-белаканских вольных обществах, не существовало ни в султанских, ни в бекских селениях. Ни султан, ни беки своего отдельного хозяйства в крупных размерах не вели. Им, как и кешкелевладельцам джарских обществ, принадлежали сравнительно небольшие усадьбы и участки земли, работа на которых производилась домашней челядью, иногда с помощью бедняков-гулхадаров из Дагестана, нанимавшихся за ничтожную плату.

¹ ЦАУГ. Фонд Закатальской посл.-позем. к-ии, дело 39.

Усадьба самого султана в Илису состояла из двух каменных и одного деревянного домов, тутового сада, виноградника и огорода¹.

С XIX в. в султанстве, как и в Джаре, кешкелевладельцы (султан и беки) стали повсеместно стремиться к увеличению феодальных повинностей.

В этом отношении интересную картину дают показания поверенных с. Байдарло Закатальской сосл.-позем. к-ии. Селение это принадлежало нескольким владельцам: 9 кешкелей—Халил-беку, 5 кешкел.—Алхас-беку, 9 кешк.—Паша-беку и Сулейман-беку, 8 кешк.—Цахурам Рустам-ага, Ташим-ага и Юсуф-ага. Поверенные показывали: «Со вступлением же на султанство Даниель-султана мы были обложены... владельцами по 3 таг. хлеба и шелку 1 стиль в год с каждого дыма... увеличили наши владельцы подати им: мы стали платить по 1—1½ таг. дархалуха, кроме прежних 3 таг., по 1 стилю шелка, в Тахтануше (соседнее селение—И. П.) по 2 ст. шелка, по 2-3 стиля масла, потребное количество кур, яиц и разных овощей, кто сколько хотел... Жаловаться тогда было некому, так как владельцы наши были родственники Даниель-султана»—«Алхас-ага... вместо 2 ст. стал брать 3 фунта (4½ ст.) шелку... как при урожае, так и при неурожае, по 2 стиля вазу (двойной толстый шелк) и пины (вареные шелковичные коконы) не менее стиля, масла, сколько захочет, остальной доход хлебом, как и Халил-бек... по 1 курице с дыма и прочее, кто сколько может, масла непременно 2 стиля; у кого нет—должен купить»².

Такие сборы взыскивались с байдарлинцев, имевших 140 таг. посева, доход шелка колебался от 5 ст. до ½ батмана с дыма.

А вот показания одного из байдарлинских кешкелевладельцев—Халил-бека—той же Закатальской сосл.-позем. комиссии. «Нужно сказать, что до (султана) Ахмед-хана мы так же самоуправно поступали с нашими крестьянами, как грузинские князья. За женитьбу сколько хотел, столько и беру: лошадь, стоящую 100 р., беру буйволицу, корову, деньгами

¹ ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-позем. к-ии, дело 25.

² Там же, дело 39, л. 2 и сл.

до 100 р., 200 р. За невесту, ежели ее отдавали в другое селение, беру по 100 и больше рублей... (за выдачу замуж) в своем селении беру не более 30 руб., смотря по состоянию жениха... без моего согласия никто не смел жениться из подвластных крестьян»¹.

Вследствие борьбы кешкелевладельцев друг с другом, кешкельные селения нередко переходили из рук в руки, смена владельцев сопровождалась и изменением в повинностях, чаще всего в сторону увеличения. Интересен следующий пример.

Тюркские (мугальские) селения Аманло и Кайсарло в Илисуйском султанстве принадлежали бекам из фамилии Али-Султан-Ушаги—вассалам илисуйского султана, которым они вносили ежегодно от 5 до 15 чанахов хлеба с каждого кешкеля, выполняя и другие повинности. Отчасти вследствие усилившейся опасности набегов джарцев, отчасти, чтобы избавиться от притеснений своих беков, селения Аманло и Кайсарло в конце XVIII в. должны были признать власть джарских кешкелевладельцев. Джарцы уменьшили взнос до 6 чанахов хлеба с кешкеля. В начале XIX века, с усилением илисуйских султанов, ставших вассалами России, селения Аманло и Кайсарло были вновь переданы российскими властями «законным помещикам» из бекской фамилии Али-Султан-Ушаги (потомки Али-султанов), которая стала взимать с крестьян по 1 таг. 6 чан. хлеба и по 1 ст. шелка и, помимо этого, малджаат — 1/10 долю урожая с кешкеля. Кроме того, на крестьян была возложена обязанность доставлять бекам, при переездах их в Илису и обратно, перевозочные средства.

В общем, в социальном строе султанства мы находим то же сочетание явно феодальных черт с пережитками тохумного строя, как и в жаро-белаканских обществах. Феодальные отношения в султанстве могут быть предоставлены в виде следующей схемы.

1. Джарское вольное общество, как верховный сюзерен султанства.

2. Султан.

¹ ЦАУГ. Фонд Закатальской сосл.-позем. комиссии, дело 39, л. 2 и сл.

3. Беки-кешкелевладельцы (цахуры и тюрки).

4. Цахурские вольные общества — свободные собственники земли.

5. Маафы, муллы, сейиды — свободные держатели земли, служилые беки (мугалы и ингилои).

6. Раййяты (кешкельники) — прикрепленные к земле держатели султанской и бекской земли (мугалы и ингилои).

7. Рабы—челядь беков.

Сравнивая производственные отношения в султанстве и джаро-белканских обществах, мы приходим к выводу, что процесс развития феодальных отношений в султанстве продвинулся дальше, чем в джарских вольных обществах. Это выразилось прежде всего в том, что цахурские вольные общества лишились своей независимости, подчинившись султану. Беки цахурского происхождения, владевшие кешкельными землями, не остались в составе вольных обществ, как это было в Джаре, но совсем обособились от них.

Касаясь кешкельных, малджаатных и других повинностей раййятов, нужно отметить большее разнообразие их в султанстве по сравнению с джарскими обществами. Если бы мы, однако, захотели на основании этого видеть в социальном строе джарских обществ и султанства очень далеко отстоящие друг от друга стадии развития феодализма, мы бы впали в ошибку. Значительное на первый взгляд различие легко объясняется следующим обстоятельством. С начала XIX в., как мы уже отметили, кешкелевладельцы в вольных обществах и в султанстве — стремились к постоянному увеличению крестьянских повинностей и их размеров. Это явление более или менее общее для всего Закавказья в данный период, особенно для Грузии¹. Но илисуйские беки-кешкелевладельцы могли в этом отношении использовать очень благоприятную для себя обстановку, какой не было у джарских кевхов. Султаны илисуйские, начиная с Ахмед-хана (1805—1830 гг.), были верными слугами русского царизма. Ненависть к своему сюзерену, джарскому джамаату, заставляла султана броситься к ногам российских главноначаль-

¹ См. Махарадзе. Грузия в XIX в. — Труды 1 всесоюзной конференции историков-марксистов, т. I, стр. 488 и сл.

ствующих, которые затем использовали его, как орудие в борьбе против непокорных вольных обществ. Царские власти всячески старались укрепить власть султана и его вассалов-беков, которые, опираясь на такую поддержку, могли не стесняться со своими крестьянами. Недаром поверенные кешкельных селений султанства показывали Закатальской сосл.-позем. комиссии, что резкое увеличение повинностей и введение новых поборов началось именно с Ахмед-хана. Эти поборы и повинности и зарегистрированы комиссией в том виде, в каком они существовали при трех последних султанах.

Напротив, джарские кешкелевладельцы, хотя и усиливали эксплуатацию кешкельного крестьянства, однако далеко не чувствовали себя настолько свободно, как их илисуйские собратья. Джарские кевхи имели, помимо сильного внешнего врага—России (вассальная зависимость их с 1803 г. от России носила временами по крайней мере скорее фиктивный характер, и российские власти видели в джарцах возможного сильного противника), еще также врагов внутренних — массу вольных аварцев и, в особенности, кешкельников-мугалов и ингилоев, которых российские власти вплоть до 1830 г., до момента прочного покорения Джар, не переставали натравливать на аваров, не останавливаясь перед самыми демагогическими обещаниями. При таких условиях, джарские кешкелевладельцы не могли в усилении эксплуатации кешкельников зайти так же далеко, как илисуйские беки. После 1830 г., когда джарская знать вполне покорилась российской власти, последняя стала оказывать кешкелевладельцам в Джарах такое же содействие в защите их классовых интересов и владельческих прав, как и илисуйским бекам. Прёжние демагогические обещания «полной свободы» кешкельным крестьянам были теперь оставлены, и все новые оброки и повинности, появившиеся как в Джаро-Белакане, так и в Илису, вводились при прямом содействии российских чиновников. Кешкельное право просуществовало в крае до 1915 г. Разумеется, как ни поддерживали российские власти интересы любезных их сердцу больших и малых феодалов Закавказья, мы далеки от того, чтобы объяснить весь процесс неуклонного роста эксплуатации закрепощен-

ного крестьянства исключительно влиянием российской оккупации и правотворчеством чиновничества. Мы имеем здесь дело с процессом, общим (правда, в неодинаковых формах) для всего Закавказья и вызванным, с одной стороны, кризисом феодальной системы, не имевшей иного выхода кроме усиления эксплуатации крестьян, с другой стороны — развитием товарно-денежных отношений.

Возвращаясь к крестьянским повинностям, существовавшим до 1830 г., приходится сделать один вывод. Если исключить сборы и повинности, введенные в Илису с конца XVIII и особенно в течение первой трети XIX в. — платежи шелком, виноградом, маслом, свадебную подать и т. д., если не принимали во внимание малджаат, привившийся здесь в результате влияния азербайджанских феодальных порядков, то в Илусийском султанстве в основе повинностей кешкельных крестьян лежал тот же кешкельный сбор хлебом, что и в ингилойских и мугальских селениях аварских обществ. Размер этого оброка, колебавшийся от 1 (иногда размер был еще меньше) до 6 таг. хлеба (пшеницы, ячменя и чалтыка или прося), был приблизительно тот же, что и в джаро-белаканских обществах. Главные повинности работой, — доставка кешкелевладельцам перевозочных средств при переездах и перекочевках и строительных материалов, — также одинаковы в Джаре и в Илису. Не обнаруживают никаких различий и условия кешкельного держания, и правовое положение крестьян.

Значительного различия мы здесь усмотреть не можем. Если и можно говорить о более определенном процессе феодализации в Илису, то это утверждение может относиться скорее к яснее выраженному оформлению класса землевладельцев. Этому не мало помогло то обстоятельство, что, после сокрушения кахетинских феодалов, их феодальные права перешли не к цахурским вольным обществам, а к илусийским султанам, и новые феодалы-беки не были связаны джамаатными и тохумными пережитками, по крайней мере, не в такой степени, как в Джаре.

IV

ДЖАРСКАЯ ОБЛАСТЬ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬИ В НАЧАЛЕ XIX В.

Экспансия царизма в Закавказье в первой трети XIX в. проходила под знаком борьбы с Турцией и Персией за обладание Закавказьем. Эта борьба казалась для царизма тем серьезнее, что задачи России с самого начала не ограничивались овладением одним Закавказьем. Закавказье с самого начала нужно было России, как плацдарм для дальнейшего колониального расширения. Аннексия Грузии в 1801 г. была особенно важна, ибо через Грузию и Малую Азию еще с конца XVIII в. российское правительство стало нащупывать обходное движение к Стамбулу, когда выяснилась трудность движения через Балканы, прозившего постоянными конфликтами с Австрией. После 1801 г. российские владения в Закавказье начинают быстро расширяться и к юго-востоку и расти за счет азербайджанских ханств, номинально зависевших от Персии, захватывая Кубу, Гянджу, Шеки, Ширван, Карабаг, Талыш. Помимо интересов русского торгового капитала, стратегическое положение России побуждало ее к такому расширению. Не вытеснив персов из ханств северного Азербайджана, российское правительство далеко не могло считать своего положения в Грузии прочным и устойчивым. Здесь дело было не столько в угрозе со стороны персидских войск, сколько в обилии горючего материала в самой Грузии, как и в соседних ханствах. Аннексия Грузии сопровождалась очень резкой ломкой административной си-

стемы, права, культурных традиций; с 1802 г. крестьянские волнения, перераставшие в восстания и оппозиция отстраненного от политической власти феодального дворянства серьезно угрожали российской власти в Грузии.

Не укрепившись в достаточной мере в Закавказьи российское правительство тем более не могло считать себя хозяином положения здесь, пока в тылу русских войск, в области Большого Кавказа, оставались непокоренные горские народы. Эти «хищники» и «разбойники» были вечной угрозой, нависавшей над российским владычеством в Закавказьи с севера. Дагестан и прилегавшие к нему с юго-запада джаро-белаканские вольные области внушали особенно сильную тревогу. Стратегически выгодное положение джарских аваров на стыке вост. Грузии, Дагестана и Шекинского ханства и их политическое влияние делали их серьезными противниками. К тому же, джарцы не были одиноки. Помимо султана илисуйского, их фактического вассала, они располагали такими союзниками, как хан шекинский и целый ряд феодальных владетелей и вольных обществ непокоренного еще Дагестана. Российские власти не без основания боялись сочувствия, которые джаро-белаканские авары могли встретить в Грузии не только в крестьянской среде, но и в группировках феодальной оппозиции российским оккупантам. Все эти обстоятельства превращали джаро-белаканский вопрос в вопрос общекавказского значения.

Российские власти именно так и смотрели на джаро-белаканскую проблему. Еще с 1801 г. они ожидали «хищников-лезгин», т. е. джаро-белаканских аваров. Уже в апреле 1801 года полк. Карягин, стоявший в крепости Сигнахе, доносил тогдашнему русскому главноначальствующему на Кавказе ген. Кноррингу о двух партиях «лезгин», численностью в 4.000 человек, готовящихся напасть на Кахетию¹. «Лезгины», однако, обманули ожидания Карягина; тем не менее, и в июне ген. Лазарев приказывал Карягину «иметь недреманное смотрение о всем, за Алазанью происходящем»². В августе подполк. Солениус извещает Лазарева, что «Лезгинская хищническая партия в числе не менее четырех

сот человек в скором времени будет проходить из Ахалциха...»¹. В октябре 1801 года эта постоянная тревога российских оккупационных властей перед «нашествием» прорывается рескриптом Александра I на имя Кнорринга с предписанием, в случае, если «таковые покушения лезгин не прекратятся... наказывать репрезалью всякое их предприятие во владения наши»². Не располагая значительными военными силами, русский главноначальствующий пока не мог позволить себе сразу такой роскоши, как «репрезаль», т. е. карательная экспедиция в Джар. Тем сильнее была боязнь нападения. В поисках опоры против «лезгин» русские власти обращаются даже к турецкому вали в Ахалцихе Шериф-паше с просьбой не допускать прохода «лезгин» через турецкую границу; не забудем, что Ахалцих был излюбленным пунктом движения джарцев, которые в Турции могли продавать захваченных в Грузии пленников.

Страхи русских властей оказались преувеличенными. Ни об одной крупной экспедиции джаро-белаканцев или дагестанцев за весь 1801 год документы не упоминают. Были лишь движения мелких групп и отрядов в поисках добычи, никакой опасности для владычества России в Грузии не представлявшие.

Это не мешало русским властям и весь 1802 и начало 1803 г. провести в ожидании вторжения в Грузию крупных сил джарцев и дагестанцев. Так было при Кнорринге, то же повторяется и при его преемнике ген. Цицианове. Не в меру прославленный российскими официальными историками «неустрасшимый» Цицианов поддался тому же паническому страху. Едва успев вступить в командование русскими войсками в Грузии, он уже отдает распоряжение об организации отпора ожидаемому со стороны Джара нападению. Цицианов приказывает, чтобы «в местах лесистых и наиболее подверженных неприятельскому нападению устраивались засеки, шириною не менее сажени, а в местах открытых рылись волчьи ямы в три ряда и в шахматном порядке»³.

¹ А. К. А. К., т. I, № 909.

² А. К. А. К., т. I, № 914.

³ Предписание Цицианова ген. Лазареву 14 дек. 1802 г., цитир. по Дубровину, т. IV, стр. 74.

¹ А. К. А. К., т. I, №№ 901, 902.

² А. К. А. К., т. I, № 905.

Не дождавшись нападения, российские власти ждут его в январе 1803 г. Его не последовало и теперь, но власти твердо верили в то, что вторжение неизбежно, объясняя себе оттяжку его тем, что «лезгины», мол, ожидают прибытия своих дагестанских союзников и откладывают нападение до весны¹.

Тревога Цицианова, однако, имела более глубокие основания, чем только боязнь вооруженного столкновения с джарцами. Страшно было то сочувствие джарцам, которое проявлялось уже в Грузии и которое могло вылиться в настоящее восстание. О сочувствии кахских крестьян аварским вольным обществам нам уже приходилось говорить. В 1802 г. восстание было уже не призраком. И не одних грузинских крестьян приходилось опасаться оккупантам, но и дзорянской оппозиции. Члены прежней грузинской царской фамилии, царицы Александр и Юлон, стоявшие во главе активно враждебной России феодальной группировки, поддерживаемые Персией, развивали в этот период активную деятельность. Царевич Александр находился в это время в Белакане и действительно вел переговоры с джамаатом о совместных действиях против России. Ген. Гуляков сообщал Цицианову, что эмиссары Александра стараются склонить жителей Кахетии на сторону «лезгин» и что «многие из дворян и князей кахетинских» уже отправились в Джаро-Белакан². Возможность волнений в Грузии и поддержка со стороны Персии придавали Джару с его вассалами значение крупной политической величины.

При такой внутренней и внешне-политической обстановке в Закавказье не только нападение «лезгин» на оккупированную Россией территорию, но и самое независимое существование Джарского общества с его вассалами становилось опасным для российской власти. Не удивительно поэтому, что эта власть в первые же годы, не укрепив еще своих позиций в Грузии и Азербайджане, поставила в поря-

док дня вопрос о военной экспедиции в Джар и осуществила ее, как только представилась возможность.

Но для завоевания Джара нужно было—в видах внешнеполитических—подыскать для этого идеологические мотивы.

У российских властей в Закавказье вошло в традицию объяснять все военные экспедиции против Джара и других горских обществ благородными мотивами—желанием защитить «новых подданных России» от «хищничества и набегов лезгин». В действительности это был только предлог. В данном случае русским властям приходилось думать не столько о защите жизни и имущества «обывателей грузинских», сколько о том, чтобы помешать союзу этих «обывателей» с «лезгинами». Грузины—«народ, мятежами внутренними¹ и внешними обуреваемый»,—внушали не меньшее опасение, чем джарцы и дагестанцы.

Разумеется, наиболее опасной казалась перспектива крестьянского восстания и союза крестьян с джарцами; российские власти так же боялись этой возможности, как в 1783 г., во время нашествия джарцев и дагестанцев во главе с Омма-ханом аварским.

Именно эти опасения, а не желание защитить «мирных подданных», заставили российские власти подумать об экспедиции в Джаро-Белакан. Если непосредственным мотивом было желание укрепить власть России в Грузии, то основной причиной было желание обезопасить тыл от сильного врага в будущих войнах с Турцией и Персией.

Что же касается «защиты жизни и имущества обывателей грузинских», то это было лишь лицемерием. Легенда об исторической миссии России, как охранительницы культуры от варварства на Кавказе, впоследствии усердно поддерживалась историками великодержавной школы. В действительности «нашествия» не последовало, а мелкие набег отдельных отрядов джарцев с целью угона людей и скота, сами по себе мало беспокоили правительство. К тому же набег были сплошь и рядом делом обоюдным. Вот один из примеров нападения российской военщины на группу мир-

¹ А. К. А. К., т. I, № 1381. Рапорт ген. Лазарева Цицианову от 24 дек. 1802 г. См. также у Дубровина, т. IV, стр. 74.

² Рапорты Гулякова Цицианову от 16 и 17 февраля 1803 г. У Дубровина, т. IV, стр. 75.

¹ А. К. А. К., т. II, № 1. Рескрипт Александра I на имя Цицианова от 8 сентября 1802 г.

ных аваров, отмеченный ни кем иным, как главноначальствующим ген. Кноррингом: «Жителями селения Гавази взяты шедшие в Белаканы с товарами 10 человек лезгин и по дозволению майора Апалева преданы все смерти, а товары их остались (в руках частью некоторых грузин, а частью и майора Апалева. . .»¹.

Русские историки великодержавной школы любили объяснять те или иные действия российских властей в Закавказьи особой политической линией разных главноначальствующих (впоследствии наместников). Ошибки и неудачи России объяснялись дряблостью и неспособностью отдельных генералов. Наоборот, любимцам великодержавной историографии (Цицианову, Ермолову, Паскевичу) неизменно приписывалась твердая и стойкая политическая линия. В действительности в политике России по отношению к закавказским феодалам при всех главноначальствующих можно отметить одну и ту же тенденцию (по временам, по тактическим причинам, сдерживаемую) — лишать феодалов политической власти, превращая их в обыкновенных помещиков, но при этом вотчинные, сеньериально-помещичьи права их почти всегда охранялись Россией. В этом отношении М. Н. Покровский был совершенно прав, говоря, что «Закавказье завоевывала не буржуазная, а еще дворянская Россия и ее отношение к своим приобретениям было в высокой степени «феодалным»². Колебания же и отклонения от этой линии вытекали из изменений в обще-политической ситуации. По отношению к джаро-белаканским вольным обществам русские главноначальствующие и наместники с самого начала поставили своей целью подчинить их и лишить значения самостоятельных политических единиц.

Но покорение Джара должно было обеспечить немалые выгоды и торговле. Не забывал этого и Цицианов: «Занятие сих постов», — писал Цицианов, «и вкупеводворение оружия в Джарской области, для подлежащих видов нужного сообщения Грузии с Бакою, доставить могут спо-

¹ А. К. А. К., т. I, № 916. Предписание ген. Кнорринга ген. Лазареву от 9 ноября 1801 г.

² М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России, стр. 184.

собнейший путь через Нуху и Шемаху, без затруднительных через реки переправ, каковые встречаются с левого берега на правый и с правого опять на левый берег реки Куры идучи известным путем через Гянджу»¹. Здесь шла речь не только о стратегическом пути, но и о пути торговом.

Военная экспедиция в Джар была решена в начале 1803 года, как только у русских представилась возможность выделить для этого нужные силы, хотя джарцы так и не напали на Грузию первыми и не подали повода к войне. Нельзя сказать, чтобы русские главнокомандующие не имели иных выходов, кроме открытых военных действий. Была полная возможность договориться с джарцами, и влияние среди них царевича Александра можно было парализовать. Сами вольные общества далеко не всегда стремились к военным действиям, как изображали историки великодержавной школы, а наоборот не раз предлагали главноначальствующим упрочить мирные отношения. Еще в 1801 г. джарские и белаканские старшины писали об этом Кноррингу². Но при этом они ясно давали понять, что хотят мира на основе независимости, а не подчинения России. Несколько иные нотки звучали в письме тальских кевхов — Хаджи-Курбан-аги, Али-аги, Абдуррахман-аги. «Мы все, жители тальские, со своими крестьянами придем к вам, и как приказание ваше будет, так будем послушны и будем служить, как воля есть е. и. в.»³. Упоминание здесь о «своих крестьянах» довольно определенно указывает, что авторы письма принадлежали к группе кешкелевладельцев. Люди этого социального слоя вполне могли бы договориться с русскими властями, тем более, что мотивом их покорности могло быть и желание избавиться от опеки Джарского общества.

Но российские власти выставляли неприемлемые для джамаатов требования полного подчинения России и выдачи аманатов (заложников)⁴.

Подготовив экспедицию в Джарскую область, Цициа-

¹ А. К. А. К., т. II, № 1387. Рапорт кн. Цицианова Александру I от 17 апреля 1803 г.

² А. К. А. К., т. I, № 899.

³ А. К. А. К., т. I, № 917.

⁴ А. К. А. К., т. I, №№ 915, 922.

нов поставил ген. Гулякова во главе отряда из 1482 нехотинцев с 8 орудиями, двух сотен казаков и 4500 человек «грузинских князей, дворян и обывателей кизихских», т. е. грузинской милиции. Мы не будем здесь передавать подробности похода Гулякова; внешняя, фактическая сторона его достаточна полно изложена Дубровиным¹. Ограничимся здесь общей передачей фактов и рассмотрением политической обстановки, в которой протекала первая попытка завоевания Джара и Белакана.

Официально Гулякову было приказано выяснить предварительно политические настроения джарских джамаатов и предложить им мир на условиях выдачи ими царевича Александра; в случае отказа джарцев Гуляков должен был пригрозить им, что «не оставит у них камня на камне»². Предложение мира было с самого начала лицемерием, так как еще до начала похода русские власти решили присоединить Джаро-Белакан к России. В предписании Гулякову предлагалось «всемерно воздержать грузинцев от грабительства деревень, а нашим строго воспретить, поелику сия провинция предназначается к подданству российскому, а по той причине лучше иметь неразоренную, нежели ограбленную, и чтоб оным не ожесточить жителей».

Гуляков двинулся со своим отрядом, как мы видели, по численности достаточным для оккупации Джар 2 марта 1803 г. Скоро обнаружилось, что на грузинском отряде отразились оппозиционные политические настроения в Грузии, и доверяться «грузинцам» нельзя. По совету грузинских князей Гуляков решил переправиться через Алазань у Анаги, но затем убедился, что «был обманут»: дорога оказалась непроходимой, а не доходя Белакана, в лесу, русских встретила пехота и конница аваров. Гулякову удалось нанести аварам поражение и вслед за этим занять Белакан. Удерживать «грузинцев» от грабежа и «свирепств» при этом не пришлось—они вообще участвовали в походе неохотно. За то российские регулярные войска разрушили и ограбили селение, обратив его «в ничто совершенно»;

¹ Дубровин, указ. соч., стр. 75—81.

² А. К. А. К., т. II, № 1382. Предписание кн. Цицианова ген. Гулякову от 4 февраля 1803 г.

уцелело только несколько каменных домов. Во время сражения и при взятии Белакана русскими было убито до 500 аваров (в том числе и мирных жителей) и взято в плен 44 мужчины, 92 женщины и, кроме того, 2 беглых грузинских князя. Это не помешало впоследствии Александру I благодарить Цицианова за то, что при завоевании Джарской области якобы была «предупреждена гибель жителей и разорение их селений»¹.

После первого успеха Цицианов раскрыл карты, и намерение присоединить Джар к российским владениям уже не скрывалось. Были выставлены след. условия мира: 1) отказ в праве убежища Александру и прочим грузинским эмигрантам-феодалам; 2) принятие в Джар и Белакан русских гарнизонов «на собственном содержании для неотягощения жителей»; 3) уплата всеми вольными обществами ежегодной дани шелком, какою эта область когда-то платила грузинским (т. е. кахетинским) царям; 4) выдача в качестве аманатов пяти человек из знатнейших фамилий. В случае принятия этих условий джарцам давалось «верное слово и обещание», что внутренний уклад вольных обществ останется неприкосновенным².

Падение Белакана крайне ослабляло позицию Джарского и других вольных обществ. Внешне-политическая обстановка также складывалась не в их пользу. Рассчитывать на непосредственную помощь Персии в этот момент было нельзя. Точно также нельзя было надеяться на помощь из Дагестана: Главный Кавказский хребет в это время года покрыт снегом и непроходим.

Джарцы, надеясь на помощь Мамед-Хасан-хана шекинского, не согласились на принятие этих требований, и военные действия возобновились. Исход их был предрешен уже занятием и разрушением Белакана и изменой хана шекинского, пришедшего было на помощь джарцам с войсками и двумя пушками, но сбежавшего во время боя при сел. Катехи. Вяло и нерешительно держал себя и другой вассал Джара—султан илисуйский. После этого джарцам ничего

¹ А. К. А. К., т. II, № 1390. Рескрипт Александра I Цицианову от 23 мая 1803 г.

² А. К. А. К., т. II, № 1383. Письмо Цицианова к Мамед-Хасан-хану-Шекинскому от 21 марта 1803 г.

не оставалось, как сдаться. 29 марта Джар был занят Гуляковым, а вслед за этим старшины вольных обществ подписали с Гуляковым мир на условиях, продиктованных Цициановым. Размер ежегодной подати был установлен в 1100 груз. литр шелка (220 пудов) с уплатой в два срока. Уполномоченные и старшины должны были согласиться на принятие русского подданства (официально говорилось о присоединении «к царству Грузинскому отторгнувшейся в прошлом столетии Джарской провинции»). Все мирные условия были выражены в форме не двустороннего договора, а прошения на имя Цицианова. В прошении содержалось и место, которое должно было теперь стать своего рода «конституционной хартией» для вольных обществ: «Главкомандующий именем его императорского величества благоволил согласиться оставить народ Джарской провинции и все наши вольные общества на прежних правах и преимуществах, не входя во внутреннее народа нашего управление»¹. Выработанные условия распространялись и на Илисуйское султанство, которое было включено «в общее верноподданство» якобы по просьбе всех уполномоченных; самого султана Гуляков не нашел нужным и спрашивать, — настолько мало значил в тот период этот вассал Джарского джамаата.

Русские историки великодержавной школы полны жалоб на «вероломство» и «неблагодарность» коварных джарцев, не оценивших благодетельных забот о себе русского начальства. Все конфликты между русскими властями и аvaraми объяснялись этими историками (Дубровин, Линевиц, Кублицкий, Волконский и др.) исключительно ничем не оправданным упорством джарцев. Насколько такие объяснения проникнуты определенной классовой тенденцией, заметить не трудно. Если, с одной стороны, вольные общества действительно отстаивали свою свободу, то, с другой стороны, и Россия не долго довольствовалась установлением вассальных отношений. Вопреки заключенному условию, русские власти вмешивались во внутренние дела вольных обществ и всегда, когда были в состоянии подкрепить

¹ А. К. А. К., т. II, № 1387. Клятвенное обещание поверенных вольных обществ Джарской провинции.

свои требования посылкой военной силы, старались дать почувствовать «лезгинам» их зависимое положение.

Прежде всего, российские власти предъявляли вольным обществам требования, которых они при всем желании выполнить не могли.

• Требовали, чтобы джарцы оказывали вооруженный отпор дагестанским «хищникам», проходившим через их территорию, чтобы Джар превратился в оплот российских интересов на границах Дагестана.

Каждый из таких набегов давал повод Цицианову писать к джарцам письма, стилизованные под язык восточного феодала; эти литературные упражнения главнокомандующего должны были производить впечатление грозной силы; которой в действительности тогда у Цицианова не было. Вот их образец: «Ждите времени, сберите всех дагестанцев и готовьтесь перемерзнуть в снегу..., буде устоять устраситесь. Не обманете вы меня в другой раз, истреблю вас с лица земли, и не увидите вы своих селений; пойду с пламенем по вашему обычаю, и хотя русские не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками и водворюсь навеки в вашей земле... Знайте, что писав сие письмо к вам, неблагодарным, кровь моя кипит, как вода, члены все дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю с войсками, а сам пойду... и т. д.»¹.

Цицианов не получал исправно от джарцев наложенной на них феодальной дани шелком. В марте 1804 г. Цицианов писал в обычном своем стиле: «Неверные мерзавцы... Богом вас уверяю, не будете вы есть джарского хлеба, пока не заплатите требуемого. Вот вам последнее мое слово»². Но и после этого «последнего слова» он продолжал то угрожать, то уговаривать. Наложенную на джарцев дань шелком Цицианов считал «неотяготительной» для них; джарцы, наоборот, жаловались на то, что они бедны и не имеют шелку. В 1804 г. джарцы объясняли неполную выплату дани тем, что Али султан Илисуйский не внес следуемой с него доли. Эти грозные фразы мало могли по-

¹ А. К. А. К., т. II, № 1397. Ответствие кн. Цицианова Джарским жителям от 3 октября 1803 г.

² А. К. А. К., т. II, № 1401. Приказ кн. Цицианова всем джарским обществам от 31 марта 1804 г.

мочь делу, пока джарцы имели основание надеяться на помощь дагестанцев. Ожидаемая война с Персией и события в Дагестане (выступление Сурхай-хана казикумухского) укрепили положение Джаро-Белакан и усиливали их сопротивление, не принимавшее, однако, пока форм открытого неповиновения.

Что касается одного из главных предметов недовольства русских—вторжений дагестанских «глуходаров» и союза с Сурхай-ханом казикумухским, то здесь были заинтересованы торговцы скотом и невольниками, в частности, некоторые белаканские старшины, без коммерческого участия которых ни один набег дагестанцев не обходился. Даже Цицианов понимал это, говоря, что у джарцев «бунтуют купцы», которые хотят «чужими руками (т. е. руками дагестанцев) жар загребать»¹. Но купцами в Джаре были кевхи, прекрасно понимавшие, что вассальная зависимость—только переходная ступень к превращению в российскую губернию. Пока кевхи отстаивали права джамаатов, они пользовались поддержкой массы вольных аваров.

Позиция России была в особенности ослаблена тем поражением, которое ее войска потерпели в начале 1804 г. Гулякову была поручена новая экспедиция против джарцев и был дан в командование отряд, численностью до 2500 человек. Оттеснив стоявшего на Алазани Сурхай-хана казикумухского, а затем и джарцев, вынужденных взяться за оружие для защиты, Гуляков занял Джар, оставленный жителями; но, углубившись при преследовании джарцев в Закатальское ущелье, был окружен со всех сторон; весь отряд обратился в бегство, а Гуляков был убит (15 января 1804 г.). Все же русским удалось, хотя и с трудом и с потерями, вырваться из западни.

Это поражение заставило Цицианова отказаться от немедленного присоединения Джарской области, но не освободило ее от вассальной зависимости от России. России вновь помогли внутренние трения между Джаром и остальными вольными обществами, тяготившимися гегемонией джарцев. Появление русского отряда под командой ген. кн.

¹ А. К. А. К., т. II, № 1396 Обещание кн. Цицианова белаканцам от 3 октября 1803 г.

Орбелиани, оказалось благовидным предложением для обществ Тальского, Мухахского и Джинихского для измены. Старшины этих обществ явились к Орбелиани для мирных переговоров, так же, как и представители вольного селения Чардах, находившегося в союзных отношениях с Мухахским обществом; все они сваливали вину на джарцев, согласившись возобновить присягу¹. Орбелиани, не ожидавший такого оборота дела², принял их с распростертыми объятиями.

Историки великодержавного лагеря молчат о том, что и на этот раз Россия была обязана своим успехом внутренним раздором в лагере ее противника. У Дубровина этот успех после закатальского поражения кажется ничем не вызванным и неожиданным. В действительности мы можем лишь догадываться о причинах распада джарско-дагестанского союза. Колебания феодалов Дагестана и Азербайджана в борьбе с русскими вызывались двойственным характером политики России по отношению к ним: Россия охраняла их сеньериальные права, лишая их в то же время политической власти. В борьбе с Россией феодальные элементы, таким образом, далеко не рисковали потерять всего, и это обстоятельство настраивало их в тех случаях, когда борьба становилась затяжной или исход ее казался сомнительным, на мирный тон. Сурхай-хан, желавший в начале лишь набега на Грузию, не думал о длительной войне ради независимости Джара; не малое влияние имело на него, повидимому, обещание Цицианова «вознести его выше всех дагестанских владетелей силою непобедимого оружия»³. Измена трех вольных обществ и Алисултана илисуйского была вызвана стремлением избавиться от зависимости от джарцев и ослабить их политическое влияние. Наконец, 23 джарских кевха заключили мир с Ор-

¹ Дубровин, т. IV, стр. 396-397.

² Настроение русского командного состава после поражения было пессимистическое. Участник экспедиции гр. Воронцов писал Цицианову: «Снарядов, а паче патронов у нас мало. Провианту не более, как на 9 дней, отступать же не хочется, да и стыдно»... Цитир. по Дубровину, т. IV, стр. 395.

³ А. К. А. К., т. II, № 1591. Письмо кн. Цицианова Халид-аге от 2 апреля 1804 г.

Орбелиани. Русские удовлетворились возобновлением прошлогоднего соглашения между Гуляковым и джарцами, дав при этом отсрочку для уплаты подати шелком. На большее после закатальского поражения трудно было и рассчитывать.

В следующие годы отношения между русской властью в Закавказьи и вольными обществами в Джарской области оставались такими же напряженными. Попрежнему джарцы вносили подать неохотно, прибегая во всех случаях, когда это было можно, к пассивному сопротивлению. Попрежнему российские власти продолжали угрожать и требовать. В 1806 г. в Джар была направлена новая военная экспедиция.

Русские начинают, вопреки условиям заключенного Гуляковым с джарцами мира, вмешиваться во внутренние дела вольных обществ. В 1805 г. джарский джамаат лишил власти Али-султана илисуйского и заменил его Ахмед-ханом, который и был возведен на престол покорным воле джарцев илисуйским джамаатом. Хотя такая смена должна была показаться русским властям актом вполне лояльным, джарцы, объясняли ее тем, что Али-султан не внес следуемой с его доли подати и тем задержал внесение подати русским со всей области¹ (действительной причиной было, вероятно желание джарцев избавиться от неверного вассала, каким показал себя Али-султан во время экспедиции 1804 г.). Цицианов, повидимому, неправильно понявший донесение Орбелиани и вообразивший, что Ахмед-хан избран чем-то вроде ха́на — главы вновь созданной федерации всех джаро-белаканских обществ, не на шутку испугался². В действительности здесь была лишь смена илисуйского султана, федерация вольных обществ не была создана, как и Ахмед-хана никто из джарских старшин не думал делать своим ханом и ставить его выше джамаата. Но испуг Цицианова показывает, насколько

ко российская власть боялась объединения вольных обществ в одну политическую единицу. Даже признав вассальную зависимость от России, Джарское общество сохранило значительную долю прежнего политического влияния и все еще могло быть опасным для русского владычества на Кавказе, особенно в период войны с Персией (1804—1813 гг.). Негодование Цицианова было бессильным: в этот период в русских войсках, находившихся в Грузии, состояло налицо только 7118 чел.; кроме 878 донских казаков¹, которые были в большинстве отвлечены войной с Персией. Цицианову пришлось поэтому примириться, скрепя сердце, с фактом.

Русские власти пробовали ослабить Джар различными способами. Одним из наиболее действенных средств казалось возбуждение против вольных обществ их кешкельных крестьян—ингилов и мугалов. Характерно, что николаевское правительство, всегда становившееся на сторону «законных» и «богопоставленных» угнетателей и видевшее революцию даже в возмущении Мухаммед-Али египетского против Турции, не считало нарушением принципа легитимизма подстрекательство джарских кешкельников против их вполне «законных» с феодальной точки зрения владык. С «ворами» и «хищниками», какими были в глазах царских властей авары, церемониться было нечего, здесь можно было покрасоваться в роли «освободителей» ингилов от власти «лезгин». Попытки российских властей в этом направлении ни к чему не привели, тем более, что русские ничего и не сделали для освобождения ингиловцев, если не считать очень неопределенных обещаний и посылки православных миссионеров, не имевших в то время никакого успеха.

За то русским властям удалось нанести джарцам другой удар. Султаны илисуйские, стремясь освободиться от вассальных отношений к Джару, переходят вполне на сторону России и становятся ее верными слугами. Первый шаг в этом направлении сделал никто иной, как Ахмед-хан, прибывший в Тифлис в 1807 г. лично засвидетельствовать свои верноподданнические чувства. То обстоятельство, что и Ах-

¹ Дубровин, т. IV, стр. 437.

¹ Об этом джарцы писали Цицианову в 1804 г. См А. К. А. К., т. II, № 1404.

² А. К. А. К., т. II, № 1409. Предписание кн. Цицианова кн. Орбелиани от 14 октября 1805 г.

мед-хан, начавший свое правление в качестве друга и ставленника джарцев и сменивший «руссофила» Али-Султана, изменил джарцам, показывает, что дело здесь было не в личных симпатиях султана, а в интересах илисуйских султанов, как феодальных владетелей. Зависимость от более далекой России казалась им менее стеснительной, чем зависимость от Джара. Не рассчитывая на верность своих вассалов и подданных, находившихся в значительной части под влиянием джарцев (в особенности, цахурские общества), султан просил ввести в его владение русские войска и построить крепость. Султан держался настолько униженно, что сам предложил оставить своего сына в Тифлисе аманатом. Такие «искренно выраженные усердие и верность» были оценены главноначальствующим Гудовичем, выхлопотавшим Ахмед-хану полковничий чин и жалование в размере 1200 рублей в год.

В дальнейшем, вплоть до 1830 г. султаны илисуйские держали себя неизменно преданными слугами России, поддерживая русских при всех конфликтах их с вольными обществами. В свою очередь и русские власти оказывали султанам полную поддержку против притязаний джарцев, вассалами которых султаны фактически перестали быть.

Подданные и вассалы султана (если не считать, конечно, беков) далеко не разделяли верноподданнического усердия своего повелителя. Волнения в Джаре обычно отражались и на Илису. В набегах джарцев и других дагестанцев на Грузию очень часто попадались цахуры и другие илисуйцы. Однако, российское правительство, для которого «набеги» и «грабежи» обыкновенно служили только предлогом для вмешательства во внутренние дела джарцев, смотрели сквозь пальцы на грабежи илисуйцев, тем более, что султаны в таких случаях отреклись от «шалостей» своих «мятежных подданных» и заверяли правительство в своей преданности.

По отношению к Джару при преемниках Цицианова в русской политике заметны и некоторые новые нотки. Было бы ошибкой думать, что «политика Цицианова» была заменена «политикой Гудовича, Тормасова», а впоследствии «политикой Ермолова». Здесь меньше всего можно говорить

о личном оригинальном, связанном с деятельностью того или иного генерала. Новые черты, которых нам придется коснуться, знаменуют изменения не в принципах, а в тактической линии политики России по отношению к Джаро-Белакану. Эта новая тактика вызвана, прежде всего, слабостью военных сил России, занятых сначала на персидском фронте, затем и в Дагестане. Русские главнокомандующие уже на опыте экспедиций Гулякова могли убедиться, что для занятия, а тем более для прочного удержания Джарской области нужны значительные силы. Не осталось без влияния и то обстоятельство, что в период 1807—1814 гг. наполеоновские войны сильно поколебали международное положение России, что не могло не отразиться и на престиже ее и на Кавказе и вообще на Ближнем Востоке. Наконец, во время походов 1803—1804 гг. русские власти могли убедиться, что социальные верхи вольных обществ—кевхов, кешкелевладельцев—можно приручить, постаравшись при их помощи сдерживать недовольство массы вольных аваров

Изменился прежде всего тон русских властей при сношениях с вольными обществами. В письмах к джарцам Тормасова мы уже не находим грубой ругани Цицианова; напротив, в них заметны, особенно по отношению к джамаатной и тохумной знати, и заискивающие нотки¹. «Неверные мерзавцы» превратились, таким образом, в «верных» и «добрых» джарцев не потому, чтобы они действительно стали руссофилами, а потому, что России приходилось изменить свою тактику по отношению к ним.

Даже на набеги джарцев или других дагестанцев русские власти старались смотреть сквозь пальцы или принимали благодушный тон главноуправляющих. Так, Тормасов писал 11 мая 1809 г. «почетным старшинам, духовенству и всему Джарскому обществу»: «...Я требую, чтобы почтенное Джарское общество непременно обязало всех и каждого надзирать друг за другом и один другого удерживать от подобных шалостей (речь идет о набегах джарских жителей на Шекинское ханство—И. П.) ...Я надеюсь, однако же, и уверен, что почтенное Джарское общество... не допустит меня никогда до принятия насильственных мер»².

¹ См. А. К. А. К., т. IV, №№ 804, 810.

² А. К. А. К., т. IV, № 801.

Стремясь приручить к себе отдельных кевхов, русские главнокомандующие делают вид, что дают им возможность попрежнему играть известную роль в политических комбинациях в Закавказьи. В 1909 г. часть джарских старшин обратилась к Торماسову с просьбой утвердить шекинским ханом известного сторонника Персии Мамед-Хасан-хана. В ответ на это прирученная русскими властями часть кевхов писала Тормасову, что они об этой просьбе ничего не знали и, со своей стороны просили признать ханом Джафар-Кули.

Тормасов утвердил Джафар-Кули-хана и стоявших на его стороне кевхов, тем более, что утверждение Джафар-Кули-хана соответствовало и русским интересам¹.

Покровительство царской власти кевхам выразилось в ряде предоставленных им льгот. Было позволено заменить внесение наложенной на Джар подати шелком или деньгами—хлебом по существующим в Джаре ценам²; не забудем при этом, что значительные запасы хлеба могли скапливаться, главным образом, у кешкелевладельцев, получавших со своих крестьян прибавочный продукт именно хлебом. Был обещан ряд льгот торговцам—торговлей в Джаре в значительной мере занимались те же кевхи и владельцы кешкелей. Крупным скотоводам, которыми опять таки были те же кевхи и владельцы кешкелей, давалось разрешение «пригонять (скот) на земли, обильные паствою, состоящие в пределах Российской империи...»³.

Те же черты сохраняла политика русских властей по отношению к Джару и Белакану и при преемниках Тормасова. И в этот период русская власть предпочитала мирные отношения с джарцами, стараясь при случае пользоваться вольными обществами в качестве орудия русской политики, направленного против непокоренных еще дагестанских горцев. Одним из примеров таких попыток использования Джарского юб-ва служит письмо главноначальствующего

¹ См. переписку Тормасова с джарскими кевхами — А. К. А. К., т. IV, №№ 805, 806, 807.

² А. К. А. К., т. IV, № 811.

³ А. К. А. К., т. IV, № 812. Обещание ген. Тормасова джарцам от 31 января 1811 г.

Ермолова к Анцухскому обществу (1816 г.) «...Но я джарцам и белаканцам, давно ищущим вашей гибели, прощу все их преступления... с тем только, чтобы они при подкреплении войск Российских устремились на истребление жен, жилищ и детей ваших...»¹. Особенно блестящих результатов эта тактика не давала, и джарцы часто обманывали ожидания русской власти, но последняя чаще вынуждена была мириться с этим. Такие отношения между русской властью и джарцами сохранились вплоть до конца второй войны с Персией (1826—1828 гг.).

Война с Персией создала в 1826 г. новую политическую обстановку. Вступление персов на территорию русского Закавказья и их значительные успехи на первых порах должны были оживить в Закавказьи притихшие было оппозиционные настроения. На Кавказе русским властям приходилось считаться с двумя струями враждебных настроений.

Прежде всего, вторжение персов окрылило вновь надежды ханов и других феодалов Азербайджана на восстановление их политической власти. В Дагестане нарастало уже движение, опиравшееся на другие социальные слои и с иной идеологической окраской—мюрудизм, который уже тогда начинал принимать характер политического движения мелких земельных собственников, торговцев, ремесленников, направленного одновременно и против «своих» дагестанских феодалов, и против русских оккупантов. Мюрудизм уже в двадцатых годах XIX века имел прочные связи с Азербайджаном и, в частности, с местностями, лежавшими по соседству с Джаром: его распространителем здесь был Хаджи-Шафи-бек самухский, находившийся в дружбе и в сношениях с муллою Мухаммедом ярагским и другими дагестанскими вождями тарикатского (мюрдского) движения.

Оба эти движения отразились на Джаре. Движение феодальных и полуфеодальных групп Азербайджана нашло себе сторонников среди кевхов и других представителей знати. Многие из них, считавшиеся в течение ряда лет

¹ А. К. А. К., т. VI, ч. II, № 67.

друзьями русского правительства, теперь становятся в оппозицию к нему (Хаджи-Махмуд, кевха тохума Чемчели и Оден-оглы, кевха тохума Нугли, оба пользовавшиеся значительным влиянием). Эта группа поддерживала тесные сношения с Селим-ханом шекинским. Масса вольных аваров была настроена гораздо решительнее.

С самого начала российско-персидской войны обе борющиеся стороны придавали немалое значение политической ориентации Джара. Российская власть в лице главнокомандующего Ермолова, не располагая силами для занятия Джарской области (русского гарнизона здесь не было), старалась избегать конфликтов с Джаром и удержать его от враждебных выступлений¹. Наоборот, персы прекрасно понимавшие, что Джар—ворота и в Дагестан и в Кахетию, с самого начала принимали меры к тому, чтобы склонить джарцев к выступлению против русских. Царевич Александр, давно уже живший в Персии, был предназначен к посылке в Джар для возмущения аваров². Значение, которое могло бы иметь восстание джарцев в тылу у русской армии, понимали и стоявшие за спиной Персии представители английского капитализма: посланный шах-заде Аббас-Мирзой полковник английской службы Монтис был еще раньше в Джаре инкогнито, а в начале 1826 г. поддерживал сношения с Хаджи-Махмудом³.

Общий джамаат всех вольных обществ, на котором большинство высказалось за выступление против русских, и отправил к Аббас-Мирзе депутацию с просьбой направить в сторону Джар войска. Такая же депутация была послана в Нуху, к сыну Селим-хана шекинского с приглашением прибыть в Джары. Эти акты были, повидимому, делом рук антироссийски настроенной группы кевхов, как и приглашение известного врага русских, Сурхай-хана, бывшего хана казикумухского.

¹ А. К. А. К., т. VI, ч. II, № 1181. Прокламация ген. Ермолова Джарским и Белаганским лезгинским обществам.

² Материалы к истории персидской войны 1826—1828 гг., № 38. Кавк. Сборн., т. XXIII.

³ См. Война на вост. Кавказе в связи с мюридизмом. Кавк. Сборн., т. XI, стр. 18.

Пассивность Ермолова легко объясняется не только отсутствием свободных войск в тылу, но и общим политическим положением в Закавказьи: враждебные русским настроения были сильны и в Азербайджане, и в Грузии. Положение в Кахетии тем отличалось от 1803—1812 гг., что теперь дворянство, сохранившее верность русскому правительству, было изолировано от массы крестьянства, восстание которой легко могло вспыхнуть при появлении в Кахетии персов или джарцев. Неуклюжие попытки телавского и синахского уездных начальников бороться с движением еще более усилили антирусские настроения; о них российский генерал и кахский помещик кн. Эристов писал Ермолову: «С ними я наживу здесь беду себе и народу»¹ (под «народом» понимались, конечно, прежде всего, помещики). Кахетинским дворянством овладела паника—боялись восстания крестьян при появлении джарцев. При таком положении Ермолову ничего не оставалось, как держаться примирительной линии по отношению к джарцам, пытаться отговорить их кевхов от нападения; не имея возможности снарядить войска против джарцев, он вынужден был делать вид, что не замечает брожения в Джаре.

Между тем, движение в Джарской области ширилось, захватив и общества Тальское, Мухахское и Джинихское.

10 августа русский лагерь в Карагаче подвергся нападению и был сожжен. В конце августа русскими было перехвачено письмо персидского шаха к джарскому джамаату; в письме выражалось недовольство тем, что джарцы еще не начали военных действий с «бежавшими из Шеки неверными»².

В Джаре старшины действительно, колебались. Победа русских при Шамхоре (3 сентября 1826 г.) и смерть Сурхай-хана казикумухского (одного из наиболее стойких врагов России из феодального лагеря) усилили эти колебания. Царевич Александр, этот «презрительный бродяга» в глазах Ермолова, и «хан-вали» в глазах шах-заде

¹ Война на вост. Кавказе. Кавк. Сборн., т. XI, стр. 21.

² Материалы к истории персидской войны, № 200. Перевод с арабского письма, перс. шаха, 1242 г. хиджры.

Аббас-Мирзы¹, правда, прибыл, но действовал крайне вяло и нерешительно. Робость этого старого врага России в самый разгар борьбы объясняется, быть может, тем, что в случае вторжения в Кахетию ему пришлось бы там опираться на крестьян и иметь на этот раз против себя помещиков (к этому времени он мог уже убедиться в этом) — роль не совсем приятная для Багратиона. Джамаат в Джаре не мог притти ни к какому определенному решению.

Положение несколько изменилось с прибытием хана шекинского. В Илису его появление вызвало возмущение беков и вольных цахуров против прислужника России Ахмед-хана, который вынужден был бежать. Илисуийский джамаат заменил его одним из членов султанской семьи, Бала-Ага-беком, получившим от шаха фирман на звание хана.

В сентябре месяце в Джаре создалась своеобразная группировка сил. В массе вольных членов цахуров настроение оставалось резко враждебным русским, боевым. «Толпы злонамеренных лезгин», поддерживаемые новым илисуийским султаном Бала-Ага-беком, который, повидимому, был ставленником вольных цахуров, требуют немедленного выступления в Кахетию². Эти настроения проявились и на джамаате, созданном в Тасмало. Наоборот, Селим-хан шекинский, царевич Александр и некоторые джарские старшины колебались и высказывались против всяких решительных действий, считая их преждевременными и отказываясь выполнить постановление джамаата о выступлении. Наконец, царевич Александр, как сообщал Ермолову кн. Эристов, «отделясь от сорища Лезгинского со свитой из 70 человек, поспешно отправился в Нуху» и там, соединившись с ханом шекинским, он бежал в Персию. Кн. Эристов, а вслед за ним и официальный военный историк Волконский, объясняют поведение обоих феодалов тем, что они, мол, получили известие о новом поражении

¹ Материалы к истории персидск. войны. № 200. Перевод с арабского письма, шаха 1242 г. хиджры. Письмо Аббас-Мирзы к даргинским казиям, старшинам и народу.

² А. К. А. К., т. VI, ч. I, № 1183. Рапорт ген. кн. Эристова от 19 сентября 1826 г.

персов при Гяндже (13 сентября). Но, если бы дело было в этом, то трудно было бы объяснить боевое поведение Александра-хан-вали в Джаре после шамхорского поражения, когда дело казалось уже наполовину проигранным. Скорее здесь могли действовать классовые мотивы; феодалы могли убедиться, что вторжение джарцев должно было вызвать в Кахетии крестьянское движение, направленное против помещиков; становиться во главе такого движения Александр не желал.

Не совсем одинаково относились к движению в Джаре и в противоположном лагере. Напуганные перспективой крестьянского восстания в Кахетии помещики и кн. Эристов — «надежда дворянства», буквально осаждали Ермолова просьбами о разрешении организовать карательную экспедицию в Джары. Насколько страх, что вторжение джарцев может вызвать крестьянские волнения в Кахетии был велик, показывает запрещение кахетинским жителям собираться на традиционный алавердский праздник (14 сентября)¹. Ермолов продолжал держаться пассивно, делая вид, что «не может верить, чтобы чарцы продолжали глупое свое намерение напасть на наши войска»². Конечно, Ермолов не был так наивен, чтобы действительно не верить в способности «чарцев» напасть, наоборот, его донесения царю доказывают, что он считал такое нападение вполне вероятным³. Но при численной слабости русских войск экспедиция в Джар могла бы неблагоприятно отразиться на ходе войны с персами. Как ни близко к сердцу принимало русское правительство интересы кахетинск. помещиков, но ими приходилось поступиться, раз самое господство России в Закавказьи оказывалось под угрозой. Ермолов сознательно откладывал военный поход в Джар, рассчитывая на стоворчивость и покорность джа-

¹ А. К. А. К., т. VI, ч. II, № 682. Рапорт ген. Ховена ген. Вельяминову.

² Предписание Ермолова Эристову от 1 октября 1826 г. Война на вост. Кавказе. Кавк. Сборн., т. XX, стр. 29.

³ См. А. К. А. К., т. VI, ч. II, №№ 661, 675, 681, 692.

маатов и прежде всего старшин и тохумной знати. Эрнстов же продолжал настаивать на экспедиции¹.

Вступление в Джарскую область отряда Эрнстова, получившего, наконец, благословение Ермолова, положило конец колебаниям старшин. Белакаанские старшины первые выразили покорность. Вслед за этим объединенный джамаат всех вольных обществ послал к Эрнстову тальского и белакаанского главных кевхов с предложением заключить мир на следующих условиях: вольные общества удаляют дагестанских «глуходаров», выдают аманатов из знатнейших семейств и возмещают убытки, причиненные во время набегов в Кахетию с тем, чтобы Эрнстов объявил полную амнистию и отвел войска к Алибад².

Ермолов не решился предъявить джарцам чрезмерные требования. Прибыв в Джар лично во второй половине декабря, он принял джарских старшин, изъявивших покорность и объявил амнистию, ограничившись тем, что на джарцев была возложена обязанность доставлять продовольствие четырем русским полкам в течение всей зимы.

Зато в Илису, политическое влияние вольных обществ которого было незначительно, поступили более круто. Султанский «престол» был возвращен «законному владельцу» Ахмед-хану, который и приступил к расправе со своими «клятвопреступными» подданными. Неудачный претендент Бала-Ага-бек, закованный в кандалы, был доставлен в Метехский замок.

К концу 1826 г. антироссийское движение в Джаре затихло. В этом движении приняли уже некоторое участие дагестанские тарикатисты (мюриды) — Бейбулат, сподвижник известного мюришида (шейха) муллы Мухаммеда майюртупского; несколько позднее, в 1827 г. в Джарах побывал и другой видный тарикатист Хаджи-Шафи-бек. Не видно, однако, из источников, чтобы мюридизм уже в этот период пустил в Джарской области глубокие корни. О его

влиянии не упоминают русские официальные акты, не пытались использовать идеологию мюридизма в своих целях и персы. Правда, к мюридам относились в Джаре с уважением; однако, представителями мюридизма в Джаре являлись дагестанцы, сами же джарцы оставались скорее его попутчиками в борьбе с русскими.

В следующие годы до конца персидской войны джарцы не доставляли больших хлопот русским. Благоприятный ход войны укрепил положение России в Закавказьи. Неудача и бегство в Персию таких вождей тюрко-азербайджанской феодальной знати и антироссийского движения 1826 г., как ханы ширванский, шекинский, карабагский, произвели подавляющее впечатление и на джарскую знать, которая вплоть до конца войны не переставала заверять российскую власть в своей преданности и не участвовала в движении дагестанцев в Кахетию в 1827 г. и 1828 г.

instituteofhistory.ru

¹ А. К. А. К., т. VI, ч. I, № 1184. Донесение кн. Эрнстова ген. Ермолову от 19 ноября.

² А. К. А. К., т. VI, ч. I, № 1185. Донесение кн. Эрнстова ген. Ермолову от 6 декабря 1826 г. См. также донесение его же от 16 декабря, А. К. А. К., т. VI, ч. I, № 1186.

V

ОККУПАЦИЯ ДЖАРСКОЙ ОБЛАСТИ РОССИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ В 1830 Г.

Благополучный для России исход персидской и турецкой войн привели к новому изменению тактики русских властей по отношению к «горским народам». Войска теперь не были отвлечены войной, их было достаточно, опасаться массового восстания в Азербайджане не приходилось—можно было, наконец, подумать и о присоединении Джара к России. Но для оккупации Джар и введения там российских учреждений нужен был, по заведенному русскими порядку, благовидный предлог,—и этот предлог старались найти.

В Джаре настроения в среде знати и вольных аваров были далеко не одинаковы. Политическая позиция знати, колеблющаяся и в 1826 г., к 1830 г. значительно изменилась, даже среди той части знати, которая в 1826 г. была настроена антироссийски.

Главою этой группировки знати был Хаджи-Махмуд, кевха тохума Чемчели в Джаре. По рождению он, собственно, не принадлежал к родовой знати,—был человеком «низкого происхождения». Но его положение владельца кешкелей и торговые операции сближали его с аристократической верхушкой.

Он часто менял ориентацию, склоняясь то на сторону России, то на сторону Персии. Перед массой, однако,

он имел обыкновение выступать в роли противника русских, а в тех случаях, когда ему приходилось входить в сношения с российскими властями, он делал это осторожно и тайком от джамаата.

Старым сторонником русской ориентации в Джаре считался кевха тохума Чапар-Али-Мамед (Мухаммед)—Вели-Чанка-оглы. Богатый кешкелевладелец и торговец хлебом, он пользовался влиянием исключительно, как глава сильного тохума, но никакими выдающимися личными качествами не обладал. Преданный российским властям, у которых он был на жаловании, он благодаря старости не мог особенно активно выполнять свою роль агента.

Семья Чанка-оглы и после русского завоевания владела многими кешкелями и, пользуясь покровительством русских властей, увеличивала размеры кешкельных повинностей¹. В 60 гг. фамилии Чанка-оглы принадлежало много кешкелей в сел. Алиабад, Энгян, Верхян, Лалало и др.

Во главе Белаканского общества стоял кевха тохума Тебели Мамед (Мухаммед) Муртуз-Али-оглы. Происходя из старой знати², он вел значительную торговлю и был относительно значительным земельным собственником. Фамилия Муртуз-Али была в числе видных организаторов набегов на Кахетию и торговли похищенными невольниками и скотом, что не мешало Муртуз-Али-оглы быть агентом российской власти. Мамед Муртуз-Али-оглы находился в давнишней вражде с джарцами, чему отчасти способствовали и отношения кровного мщения между ним и Хаджи-Махмудом, а следовательно и с тохумом Чемчели в Джарах. Российские власти старались щадить и оберегать Мамеда Муртуз-Али-оглы, так как с его смертью могли бы прекратиться полезные России трения между Джаром и Белаканом.

В начале 1829 г. ген. Раевский прибыл с небольшим конвоем в Белакан—белаканцы пользовались славой пер-

¹ Дело Закавказской сосл.-позем. к-ни, № 40, л. 55.

² См. А. К. А. К., т. I, № 915.

вых участников и организаторов набегов; созвав джамаат, повидимому, общий для Белакаан, Джара и Катехи, потребовал от него «полного удовлетворения» за грабежи и набеги не только белакаанцев, но и всех вообще горцев за последнее время. Дадим слово Паскевичу: «Джамаат сейс величайшим усердием приступил к разбору претензии; им рассмотрены дела 400 человек претендателей из Грузии и всем назначено удовлетворение. Две трети онога падают на Белакаанское общество, едва имеющее 600 дворов, но принужденное уплатить до 2.000 рублей серебром... по распоряжению коего (джамаата)... сожжены дома и вырублены дома 9 человек, наиболее замешанных в грабительстве; также выдано нам четыре главных разбойника, чего до сего никогда не делалось»¹.

При этом обнаружилось любопытное обстоятельство: в числе четырех указанных джамаатом «разбойников», т.е. организаторов набегов и торговли невольниками, оказался друг русских властей, один из белакаанских кевхов Мамед-Муртуз-Али-оглы. Пришлось ему внести наложенный на него джамаатом штраф в 200 рублей (которые попали затем в карман другого русского агента—кевхи, муллы Юсуфа). «Личное же наказание сего старшины» ген. Раевский, по вполне понятным для русского правительства соображениям, отклонил².

Как ни тяжелы и явно несправедливы эти требования, «знатнейшим старшинам» ничего не оставалось делать, как «добровольно» согласиться на них. Российские власти не могли обманывать себя,—спокойствие и лояльность вольных обществ были только вынужденными. И в самом деле, несколько раньше убийства Грибоедова в Тагеране разнеслись слухи о войне и приближении персидского шаха с войсками, что не замедлило отразиться на настроениях джарцев. Паскевич писал: «Лезгинны белакаанские и джарские, которые прежде сами просили позволения (в действительности их обязывали «просить» об этом

¹ А. К. А. К., т. VII, № 377. Отношение гр. Паскевича к гр. Несельерде от 8 февраля 1823 г.

² Там же.

русские генералы—И. П.) составить ополчение против турок, начали под разными предложениями от сего уклоняться и вообще изменились в своих поступках». Джарский джамаат постановил считать изменником старшину «руссофила» Мамед-Вели-Чанка-оглы до тех пор, пока он не снимет и не возвратит русским полученную от них медаль. Чанка-оглы медаль снял, но не возвратил ее. Но слухи о войне с персами не оправдались, и джарцы снова вернулись к тактике лояльности.

Любопытно, что русское правительство, ища предлога для вмешательства в джарские дела, не забыло, что за джарцами числятся значительные недоимки. Действительно, к 1 января 1830 г. соотношение доходов и недоимок по Закавказью давало такую картину¹.

Провинции	Доходы	Недоимки
1. Всего по Грузии . . .	311.729 р. 49 1/2 к. сер.	210555 р. 69 к. сер.
2. По Джарской и Белакаанской провинции . . .	13.200 р. сер.	47054 р. 52 к. сер.
3. Всего по мусульманским провинциям . . .	640.104 р. 53 3/4 к. сер.	604190 р. 02 1/4 к. сер.

Таким образом, недоимки Джаро-Белакаанской области более чем в три с половиной раза превышали доходы, чего не было ни с одной из провинций Кавказа. Но до тех пор, пока российское правительство не чувствовало себя достаточно сильным на Кавказе, оно не слишком часто напоминало джарцам об их обязанности вносить дань аккуратно. И сейчас недоимки были лишь предлогом для военной экспедиции, для окончательного присоединения Джара к России.

Эта экспедиция вытекала не только из желания российского правительства укрепить свое стратегическое положение в Закавказьи, но и была частью намеченного Паске-

¹ А. К. А. К., т. VII, № 21. Ведомость казенной экспедиции о поступлении доходов и об остатках к 1 января 1830 г.

вичем плана покорения Дагестана, которое должно было начаться с юго-западной части этой страны.

План этот показывает слабую еще в то время осведомленность российского правительства о движении мюридизма в Дагестане; игнорируя успехи пропаганды первого имама всех мюридов Дагестана, Кази-муллы, Паскевич составил план покорения Дагестана не с востока, где движение развивалось и где жили по мнению Паскевича будто бы «преданные нам шамхальцы», а с запада, с Джарской области. Если Джары завоевать и удалось, хоть и не без труда, то покорение Дагестана было завершено только через 30 лет.

Паскевич не забывал и об интересах русского торгового капитала. Царю он писал о выгодах, ожидаемых от полного покорения Джар: «Торговые сношения с Нухинскою и Ширванскою провинциями совершенно обезопасятся от грабительств хищников...; понизовья Куры снабдятся лесом, в коем весьма нуждаются, а самая Джарская область в оборотах свободной торговли под покровительством справедливых и кротких законов неминуемо в скором времени приобретет средства к возвышению своего благосостояния»¹.

Военная экспедиция была решена уже к началу 1830 г. Как уже говорилось, Паскевич в это время почти ничего не знал о распространении мюридизма в Дагестане². Тем не менее, он допускал возможность прихода подкрепления к джарцам со стороны «загорных лезгинских племен» и поэтому назначил экспедицию на февраль месяц, когда перевалы Главного Кавказского хребта еще покрыты снегом, а леса на равнине, еще не покрытые листьями, не могут служить для обороны или убежища. Паскевичу повезло: не только джарцы оказались изолированными и были вынуждены сдаться, но на долю русских властей выпал, совершенно неожиданно для них и без всякого усилия с их стороны, другой крупный успех, значение которого тогда они

¹ См. рапорт Паскевича Николаю I от 11 марта 1830 г. А. К. А. К., т. VII, стр. 963.

² Это видно из того, что Паскевич в своем рапорте царю о покорении Джарской области ни одним словом не упоминает о связи этого похода с борьбою против мюридов. См. А. К. А. К., т. VII, стр. 959—963.

едва ли могли вполне оценить. Именно, имам мюридов Кази-мулла подвергся полному разгрому при попытке взять штурмом Хунзах, столицу врагов мюридизма—аварских ханов, отчасти в связи с джарской экспедицией Паскевича¹. Когда слухи об этой экспедиции стали известны в Джаре, еще в январе 1830 г. джарцы обратились к Кази-мулле с просьбой о помощи; имам рискнул организовать зимою поход на Хунзах без предварительной подготовки, чтобы отвлечь внимание русских от Джара — настолько важное значение придавалось последнему.

Русские войска были собраны Паскевичем в лагере Степан-Цминда в Кахетии к 17 февраля 1830 г. Перед выступлением Паскевич выпустил длинную прокламацию ко всем джаро-белаканским обществам, которая должна была оправдать русское вторжение в Джар.

Прокламация Паскевича содержала не одни угрозы. В ней ясно подчеркивалось, что с политической независимостью вольным обществам придется расстаться, став российской областью, управляемой царскими чиновниками. Но, наряду с этим, в прокламации были и обещания, рассчитанные явно на социальную верхушку — знать; ей давали, правда, понять, что политической роли ей играть уже не придется, но, по крайней мере, ей гарантировались ее классовые привилегии — «примирительный суд-шаро» (в котором, как мы видели дела разбирались не только по шарриату, но и, главным образом, по адату) и сохранение кешкельного права².

24 февраля Паскевич переправился через Алазань у сел. Муганло. Здесь прибыли к нему старшины вольных обществ для переговоров. Отказавшись от переговоров, Паскевич передал им по одному экземпляру своей прокламации, переведенной на тюркский яз. и предложил обсудить ее на джамаатах, собранных отдельно по каждому из вольных обществ. И здесь у Паскевича был вполне определенный расчет на разногласия между отдельными обще-

¹ См. А. К. А. К., т. VII, № 468. Рапорт майора Корганова гр. Паскевичу от 15 марта 1830 г.

² А. К. А. К., т. VII, № 379.

ствами, тогда как общий джамаат непременно прошел бы под знаком гегемонии джарцев. Русские войска Паскевича тем временем подвинул к Алиабаду — крупнейшему из ингилойских кешкельных селений, несомненно для того, чтобы припугнуть кевхов перспективой утраты кешкельных селений; ингилойцам российские власти все время лицемерно обещали освобождение от кешкельных повинностей, гарантируя в то же время кешкелевладельцам сохранение их прав в случае покорности.

Как и при предыдущих экспедициях, власти рассчитывали не столько на сражение, сколько на благоприятную обстановку и колебания старшин. С этой же целью Паскевич избрал для движения на Джары самую дальнюю дорогу Муганло — Падар — Али-Абад — Тала — Джар. Это движение отрезывало Джар от подвластных им кешкельных селений и зимних пастбищ (кишлагов), т.е. от источников продовольствия. Кроме того, при этом оказывались отрезанными от Джар общества Тальское, Мухакское и Джинихское, что и должно было повлиять на решения их джамаатов.

Тем временем джарский джамаат, заседавший непрерывно днем и ночью, проходил очень бурно. Все политические и военные известия докладывались джамаату и обсуждались на нем. Если в начале движения русских на джамаате не было открытых сторонников капитуляции, то после опубликования прокламации Паскевича и движения русских к Тала, эти сторонники появились. Прения резко разделили участников джамаата на два лагеря, совпадение которых с классовым делением общества достаточно выяснилось. Паскевич впоследствии писал, что часть джамаата, «состоящая из людей менее достаточных и более буйных, не соглашалась повиноваться безусловно и намеревалась защищаться в Закаталах (крепость Джара—И. П.) до последней капли крови»¹.

Сторонниками сдачи были представители знати. Не-

которых из них удерживала боязнь за целостность своих земель, имуществ и кешкельных прав. Их колебаниям положил конец выступивший неожиданно в защиту предложения сдать Хаджи-Махмуд. Он доказывал тем старшинам и земельным собственникам, которые не доверяли вполне прокламации Паскевича и «дерзали сомневаться в великодушных поступках российского правительства», что русские власти вообще имеют обыкновение охранять права имущих и не трогать собственности сдавшихся, как это и было при занятии русскими Эрзерума и Тавриза¹. Эти речи Хаджи-Махмуда, который в глазах российской власти сразу же превратился из «возмутителя» в «старца почтенного, приобретшего своими добродетелями и благоразумием всеобщее в народе уважение», возымели свое действие; знать вся примкнула к сторонникам капитуляции, а масса, изолированная и лишенная союзников (к этому времени стало уже известно об измене остальных вольных обществ), оставалось только покориться. Решение о капитуляции было принято 27 февраля.

Что заставило старшин и старого оппортуниста Хаджи-Махмуда так быстро решиться на сдачу? Несомненно, здесь сыграла роль и военно-политическая обстановка, — полная изоляция Джарского общества, — но едва ли можно видеть причину только в этом. Ведь большая часть главных кевхов во главе с Хаджи-Махмудом сохранила затем верность российскому правительству и во время июльско-октябрьского восстания джарцев, когда обстоятельства складывались весьма удачно для восставших и не в пользу русских. Едва ли приходится сомневаться в том, что Хаджи-Махмуд и другие кевхи и владельцы кешкелей были напуганы движением «людей менее достаточных», находившихся под влиянием воззваний Кази-муллы; позиция знати в этом случае вполне соответствует ее позиции в июле—октябре 1830 г.

¹ Волконский (Война на вост. Кавказе. Кавк. Сборн., т. XI, стр. 177—179) приписывает эту речь старшине Мамед-Вели-Чапка-оглы из тохума Чапараля, но во «всеподданнейшем» рапорте Паскевича (А. К. А. К., т. VII, стр. 962) ясно говорится об «убедительных внушениях одного из старшин, по имени Хаджи-Махмуд из Тохума».

¹ А. К. А. К., т. VII, стр. 962.

Еще раньше, 26 февраля, к Паскевичу прибыли старшины обществ Тальского, Мухахского, Джинихского, Катехского и Белаганского и привезли с собой постановления своих джамаатов о сдаче. На этих джамаатах старшинам было тем легче добиться постановления о сдаче, что недовольство гегемонией Джарского общества здесь проявлялось и раньше. Как кажется, в обществах Мухахском и Джинихском и влияние мюридизма в это время было слабым.

Заняв Джар и боясь нового возмущения «некоторых из беднейших и более наклонных к буйству жителей», Паскевич поторопился выбрать место для будущей крепости и оставил значительный гарнизон (до 2 полков).

Начальником вновь образованной Джаро-Белаганской области был назначен генерал кн. Бекович-Черкасский — назначением этого горца по происхождению хотели отчасти польстить самолюбию тохумной знати. 4 марта ему были сообщены «правила для управления Джарской и Белаганской областью», повторявшие почти буквально декларацию Паскевича. Социальный смысл их довольно интересен. Вот извлечения из них.

«Правила для управления Джарскою и Белаганскою областью»¹

«...Для управления сею областью по гражданской части под его (Бековича-Черкасского—И. П.) председательством учреждается Временное Правление.

«Членами в сем Правлении назначаются два Российских чиновника по моему (Паскевича—И. П.) назначению и 6 из природных жителей из числа почтеннейших старшин по выбору обществ, с моего утверждения. Члены из Российских чиновников... имеют голос, утверждающий их определение; члены же из природных земских старшин имеют только голос совещательный...

«4) Предоставляя Джарам и прочим обществам сохранение прежних прав и преимуществ, поколику сие будет

¹ А. К. А. К., т. VII, № 380.

согласно с общими законами и уставами Российской империи, позволить им иметь на прежнем основании национальный медиаторский и примирительный суд, называемый шаро...; суждение уголовных дел исключительно одному Областному Временному Правлению...

«6) Учредить между ними (ингилоями—И. П.) свободное отправление веры и богослужения христианской религии... и к сему оказывать со стороны правительства всевозможное средство и покровительство.

«7) Джарская провинция по нынешнему положению разделяется на 2 класса людей: господствующих владельцев, состоящих из природных Лезгин, которые всегда были к нам неприязненны, и поработенных ими некогда бывших Грузин, обращенных ими... разными утеснениями в мухамеданскую веру, которые по сему уже одному должны быть к нам привержены,—а потому цель правительства должна быть: поддержать приверженность сего последнего класса людей распространением их выгод и тем ослабить владычество неприязненных Лезгин... Сообразно сему политическому положению, немедленно привести в известность права старшин и других знатнейших лиц Джарского и прочих обществ в отношении управления их Али-Абадскими Грузинскими деревнями..., чтобы обыватели подвластных им Грузинских деревень Ингелой платили определенную подать от семейств или домов, не подвергаясь произвольным налогам владельцев. Подати сии должны поступать к сельскому начальству, долженствующему учредиться в тех деревнях, а оным должны быть выдаваемы владельцам земель под надлежащие квитанции; в случае же несвоевременной уплаты, не делая от себя никаких лично взысканий, (кешкелевладельцы) относятся к Обл. Правлению, которое должно... делать должное понуждение.

«Жителям сих деревень предоставить след. права: 1) личную свободу, если пожелают переселиться, куда заблагорассудят со всем своим собственным (движимым) имуществом, но в таком случае дома, сады и земли должны всегда оставаться в пользу владельцев (кешкелевладельцев—И. П.) или самих деревень, когда они захотят взять на себя ту плату, которую вносили переселяющиеся жители; 2) всем

вообще сего рода людям предоставить право, уплатив за дом, сад, земли и другие угодья десятилетний доход, обратив все сие в свою собственность и 3) с сим вместе избавляются они уже от всякой зависимости от своих прежних хозяев.

«10) Возобновление торговых сношений с нашими провинциями...

«13) Приведение в покорность соседственных горских народов...

«14) ...Поставить правилом, чтобы за всякий разбой отвечали жители ближайших деревень...

«18) От деревень, на благонамеренность и преданность коих нельзя положиться, брать аманатов из значительнейших в обществе семейств, по крайней мере 3-х от целого общества и отправлять их в Тифлис.

«22) Принять деятельнейшие меры для узнания посредством надежных лазутчиков о всех сборах неприятельских со стороны горских народов, об их предприятиях и намерениях.

«23) Елисейское султанство, хотя остается под распоряжением своего султана на прежнем основании, но входит... в состав Джарской области и поступает так же, как и юное, под непосредственное управление сего Областного Временного Правления на изложенных правилах».

«Правила» Паскевича, вводя в Джарской области русские учреждения, все же сохраняют некоторые внешние формы прежних вольных обществ — областное правление, суд шаро. Конечно, это были только внешние формы, ибо правила подчеркивали, что в учреждения привлекаются «знатнейшие лица», при том утверждаемые русской властью, а не представители народа. Но и эти «знатнейшие» обречены были только на роль второстепенных русских чиновников, не больше. Гораздо большее значение имело сохранение (правда, только для гражданских дел) суда шаро возглавляемого казием и кевхами, которые, благодаря этому сохраняли значительное влияние на местную жизнь.

Обещание сохранить «прежние права и преимущества» вольных обществ было сплошным лицемерием, ибо

Деятельность джамаатов и даже пережитки патриархальной демократии трудно было согласовать с «общими законами и уставами» крепостнического и бюрократического царского государства. Джамааты должны были теперь превратиться в простые сельские сходы, разбирающие лишь мелкие местные вопросы и вполне зависящие от воли начальства. Что российская власть не намерена была считаться сколько-нибудь серьезно с правами вольных обществ, можно судить по тому, что у Паскевича с самого начала был готов проект отобрания у джарцев лучшей части земель для устройства здесь военных поселений из казачков; эта мера должна была помочь превращению Джарской области в настоящую российскую губернию¹. Проект этот, впрочем, как и многие другие проекты российского правительства, не был осуществлен.

Таким же сплошным лицемерием было и обещание «распространить выгоды» на ингилов; поскольку кешкельные повинности сохранялись в полной неприкосновенности, предоставление им «личной свободы» было пустыми словами, как и обещание избавить от «произвольных налогов владельцев»: достаточно познакомиться с делами Закавказской сосл.-позем. комиссии, чтобы видеть, как эти «произвольные налоги» безудержно росли именно при российском владычестве, при прямой поддержке властей.

Правом же выкупить кешкели (ингилой и раньше имели это право) путем уплаты десятилетнего дохода с них, или уйти со своей земли, оставив ее кешкелевладельцу, почти никто из ингилов в начале не мог воспользоваться². Точно так же право свободного исповедания христианской веры немного стоило: даже Бекович-Черкасский выражал сомнение в том, что «проповедники наши торжественно были бы приняты Ингелойцами, которые в продолжении полутора века, отпав от православной церкви, исповедуют ислаимизм»³.

¹ А. К. А. К., т. VII, № 293. Всепод. рапорт Паскевича от 22 мая 1830 г.

² Эсадзе, указ. соч., т. I, стр. 482.

³ А. К. А. К., т. VII, № 385. Докладная записка ген. кн. Бековича-Черкасского от 25 апреля 1830 г.

Если «правила» действительно ограждали чьи-либо права, то только аварских кешкелевладельцев и знати. Не только все кешкельные права сохранялись, но на областное правление возлагалась обязанность «понуждать» неисправных кешкельников—ингилоев и мугалов — к выполнению ими своих повинностей. Знать, хотя и лишалась прежней роли в общественной жизни (если не считать суда шаро и пародии на сословное представительство в виде временно-го областного правления), за то ей оставлялись все ее классовые права и привилегии. В этом отношении российское правительство проводило в Джаре ту же классовую политику, что и везде в завоеванных им областях. С ингилоями же русская власть поступила так же, как в конце XVIII в. с украинскими и белорусскими крестьянами, которым она до присоединения Польши обещала покровительство, как «единоверцам», а после раздела Польши оставила в крепостном рабстве у польских помещиков.

Русское правительство сделало не мало для того, чтобы привлечь на свою сторону представителей знати. Уже Бековичу - Черкасскому «вменялось в особую обязанность открывать намерения правительства главнейшим лицам, имеющим на простой народ влияние» и «кроткое обращение со старшинами и важнейшими духовными лицами»; для «приласкания» этих «полезных людей», также и лазутчиков, Бековичу отпускались средства «из экстраординарной суммы»¹. О «приласкании» джарской знати заботился не только Паскевич, заботились об этом и в Петербурге. Гр. Чернышев писал уже 4 апреля 1830 г. Паскевичу: «Г. и. предоставляет вам избрать из среды их (джаро-белаканцев) трех депутатов из знатнейших фамилий, известных по личным своим достоинствам и пользующихся особенным уважением народа и прислать в СПб для представления е. в., а вместе с тем уведомить, какие по мнению вашему можно оказать им монаршие милости, пожалованием их чинами и другими наградами, которые со-

ответствовали бы их званию»¹. Кроме того, рекомендовалось избрать «из лучших фамилий джаро - белаканцев до 12 молодых людей» для воспитания в «казенных учебных заведениях» Петербурга.

Старшины и другие представители знати в подавляющем большинстве держали себя после присоединения области к России вполне верноподаннически. Паскевич был вполне доволен ими, «милости знатнейшим фамилиям» не пропадали даром. В одном из рапортов царю Паскевич писал: «Народ сей (джарцы—И. П.) в настоящее время с самого начала учреждения нашего правительства показывает расположение и готовность к кроткой жизни и повиновению»². Надо знать официальный способ русских властей выражаться, чтобы понять, что под «народом» подразумеваются кевхи—владельцы кешкелей.

Русское правительство пользовалось старшинами и для распространения своего влияния на соседние племена и области. Политика покровительства «знатнейшим» была в данном случае не только проявлением социально-политических традиций русского царизма: за Главным хребтом лежали непокоренные еще области юго-западного Дагестана. Казалось очень заманчивым использовать влияние джарских и белаканских кевхов для привлечения «загорных» вольных обществ на сторону России. А так как российское правительство в своей классовой ограниченности вообще склонно было переоценивать влияние «почетных лиц» и старшин, то оно и пыталось действовать среди этих обществ одним излюбленным способом — сношениями с их старшинами и тохумной знатью через посредство своих покорных слуг из джарских и белаканских кевхов. Так, уже в мае 1830 г. Бекович-Черкасский отправил в горные общества Анжратля, насчитывавшего до 70 селений и игравшего видную роль в организации набегов на Кахетию, белаканского кевха Мамед-Муртуз-Али-оглы со специаль-

¹ Предписание гр. Паскевича г.-м. кн. Бековичу-Черкасскому от 4 марта 1830 г. А. К. А. К., т. VII, № 380.

¹ А. К. А. К., т. VII, № 383.

² Всепод. рапорт гр. Паскевича от 17 апреля 1830 г. А. К. А. К., т. VII, № 384.

вой миссией — убедить их подчиниться России и выдать аманатов; Муртуз-Али-оглы, действительно, убедил в этом загорные общества Таш и Тебель¹. И впоследствии также поручения не раз давались ему и другим кевхам, в частности, дипломатические способности Муртуз-Али-оглы всегда высоко ценились русскими властями.

Конечно, мы далеки от утверждения, будто все старшины и представители знати не за страх, а за совесть стали служить русской власти. Не забудем, что процесс феодализации джаро-белаканских вольных обществ далеко не был закончен. Некоторые старшины впоследствии приняли участие в восстании против русских, но в нем они не играли видной роли, а скорее плелись в хвосте движения. Главные же кевхи и казии занимали по отношению к восстанию определенную враждебную позицию.

Несколько слов об Илисуйском султанстве. Совершенно естественно, что султан Ахмед-хан, связавший всю свою судьбу с поддержкой России и воевавший на ее стороне в 1826 г., остался верен царю и в 1830 г. Но отношение к султану со стороны российской власти уже начало меняться. Как мы видели, § 23 «правил об управлении Джарской областью» подчинял Илисуйскую область (а следовательно и самого султана, хотя об этом из вежливости и не упомянули) «непосредственному управлению сего Областного Временного Правления». Мотив, конечно, был чисто феодального порядка: зависимость султана от джарского джамаата, формально признанная Россией в 1803 году, никаким официальным актом не была уничтожена, а областное правление являлось преемником джамаата, и, следовательно, наследником его прав сюзерена. Но султан уже в течение 20 лет, опираясь на Россию, фактически не подчинялся Джару, подчинение его власти начальника области и областного правления теперь, конечно, не могло быть ему приятно. Правда, в первое время на практике положение дел мало изменилось и Ахмед-хан подчинялся областному начальнику только в военном отношении. Но

¹ Война на вост. Кавказе, Сборн., т. XII, стр. 35-36.

«правила» оставляли русским властям лазейку для ограничения султанской власти в будущем.

Далее, бросается в глаза, что «правила» умалчивают о порядке замещения султанского престола. Такое «упущение» не было случайным. Мы видели, что прежде султаны номинально избирались илисуйским джамаатом. Ахмед-хан, как и оба его преемника, добивались у русских властей превращения своей власти в наследственную. Российское же правительство предпочло, не связывая себя никаким определенным порядком, присвоить назначение султанов себе; так, в 1830 г. оно, не считаясь ни с илисуйским джамаатом, ни с правами старшего сына Ахмед-хана Иман-аги передало султанскую власть младшему сыну Ахмед-хана Муса-аге.

Такое охлаждение российского правительства к столь обласканным им прежде илисуйским султанам вполне понятно. Поддерживать султана и усиливать его власть казалось выгодным только в противовес мятежным джарцам. С ликвидацией же последних остатков независимости когда-то грозного джарского общества, илисуйские султаны становились просто не нужны. Конечно, их не предполагали сразу лишить политической власти, но на них теперь должна была распространиться общая тактика России по отношению к ханам и бекам: политическую власть султанов теперь стали постепенно урезывать, что, разумеется, не мешало России поддерживать их права, как помещиков. Проведение в жизнь этой линии затем несколько задержалось, так как во время июльско - октябрьского восстания джарцев илисуйские султаны еще разгодились и сослужили службу России.

Покорение Джарской области казалось русскому правительству законченным. Царь выражал полное удовлетворение действиями Паскевича и благодарил его за «усмирение племени самого буйного и своевольного, приведенное в действие без всякого кровопролития»¹. Правительство

¹ Отношение гр. Паскевича к гр. Чернышеву от 8 января 1831 г., А. К. А. К., т. VII, № 392.

считало, что привлечение на сторону России старшин вполне достаточно для того, чтобы спокойствие области было обеспечено. Оно проглядело развившееся в Дагестане мюридское движение, уверенное, что с завоеванием Джара «подчинение прочих непокоренных народов Кавказа будет достигнуто скоро».

VI

ИЮЛЬСКО-ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830 Г.

Формальное присоединение Джаро - Белаканской области к России не могло еще ни укрепить российского влияния здесь, ни тем более примирить массу вольных аваров с русским владычеством. Русскому правительству удалось, благодаря удачно сложившейся обстановке, оккупировать Джарскую область быстро и сравнительно легко. Но эта легкость имела для России и отрицательную сторону: силы аваров, не разгромленные в сражениях, были сохранены, и при иной, более благоприятной обстановке, можно было ожидать нового восстания. Власть могла опереться лишь на численно небольшую группу знати и отчасти официального духовенства. Ни на массу вольных аваров, ни на ингилов - кешкельников, кругом обманутых русской властью, последняя рассчитывать не могла.

Пропаганда мюридизма в области, особенно в обществах Джарском, Белаканском, Катехском, делает в этот период очень быстрые успехи.

Рассматривать джаро - белаканское восстание 1830 г. невозможно вне связи с движением конца 20—30 гг. в Дагестане. Связь эта выражается не только в том, что к восставшим в Джаре пришли на помощь массы дагестанцев под предводительством вождей тарикатского движения — Гамзат-бека и шейха-Шабана, — но и во влиянии на джарское движение идеологии дагестанских борцов мюридизма (тарикатизма).

Дагестанский мюридизм, каким он сложился в первой трети XIX в., не был движением единым. В рядах мюридов мы находим разные социальные группы — купцов, ремесленников, крестьян.

Несомненно, в дагестанском мюридизме, особенно на ранней стадии его, было течение, представлявшее массовое движение, направленное и против колониальной эксплоатации, и против «своих» феодалов. Борьба с Россией, «врагом ислама», тем более должна была стать центральным пунктом программы мюридов, что крупные дагестанские феодалы почти все связали свою судьбу с интересами России: ханы аварский, кюринский, мехтулинский, шамхал тарковский, уцмий каракайтагский, беки казикумухские, табасаранские и др. были преданными слугами русских генералов¹.

Лозунг борьбы с российскими оккупантами и их приспешниками — ханами и способствовал превращению мюридизма в массовое движение и привлек к нему многочисленных попутчиков.

Со стороны идеологии под мюридизмом понимались также разные настроения. Здесь можно было встретить и обычный, несколько вульгаризованный суфийский мистицизм (в его среднеазиатской, накшбендийской форме), в котором политическая сторона — борьба с Россией — на третьем плане или даже вовсе отсутствует (шейх Джемаледдин казикумухский²). Очень мало общего имеет с ним мюридизм, как массовое движение, возглавлявшееся Кази-Мухаммед-муллою, Гамзат-беком, Шамилем.

В этой форме мюридизма суфийская мистика («тарикат» — *تريقت* — «путь») не отвергается, но признается стадией, доступной лишь для немногих, избранных;

¹ Эту социальную тенденцию мюридизма поняли, — правда, не сразу, — и русские власти. См. напр., «Прокламацию всем племенам, обитающим в Дагестане»: «некоторые из возмутителей желают возгордиться и возвысить власть свою над вольными обществами и, под предлогом шариата, намерены искоренить роды старших обществ и знатных фамилий, ханов и владельцев»... Дело 2 отд. ген. штаба, 1831 г., № 7. Материалы к истории покорения вост. Кавказа и борьбы с мюридизмом. Кавк. Сборн., т. XXII, п. I, стр. 47.

² См. напр., Абадуль Марзия, шейха Джемаледдина Казикумухского. Сборн. сведен. о кавк. горцах, вып. II.

массе же рекомендуется, как предварительная стадия, строжайшее соблюдение шариата — общемусульманского закона. Действительно, строгое выполнение всех правил шариата и полное отвержение обычаев — адатов характеризует все действия мюридских «имамов» («мюршидов», тюркизованное перс. *مرشد* — «наставник», «старец»). Кажущееся противоречие такой приверженности к шариату (который у персидских и даже у средне-азиатских суфиев вовсе не в почете) со стороны тарикатистов Кази-муллы и Шамиля легко объясняется тем, что в условиях Дагестана, где господствовали адаты, шариат один мог облегчить проникновение мюридских идей в массы. Старые адаты, выросшие в условиях родового строя, были затем приспособлены феодальной знатью к своим интересам. Феодалы и юпивавшееся на них мусульманское официальное духовенство в Дагестане создали здесь смешанное право, основанное на адате с примесью тех положений шариата, которые отвечали интересам дагестанских феодалов. Тот же неурезанный шариат, который проповедывали мюриды, казался в сравнении с феодальным шариатом, разбавленным адатами, чем то новым. Мюридский шариат, таким образом диалектически претворился в орудие борьбы против феодалов и остатков родового строя.

На место феодальной системы, тохумных и джамаатных перегородок, мюридизм, в особенности при Шамиле, при котором он достиг расцвета, ставил как политический идеал теократическое государство; это государство должно было возглавляться имамом, достигшим мистического соединения с богом, что и делало авторитет имама божественным, непререкаемым.

Мюридское государство должно было уничтожить не только феодальный строй, но и пережитки патриархальных родовых отношений с ее джамаатами и тохумами. Поэтому называть мюридизм движением демократическим мы можем лишь очень условно; «демократический» на ранней стадии своего развития (при Кази-мулле), при Шамиле он диалектически превратился в господство сравнительно не-

большой группы мюридов, возглавляемой имамом, над массой дагестанских крестьян.

Нужно подчеркнуть, что в мюридизме религия превратилась в полном смысле в служанку политики. Социально-политическую программу мюридизма и его религиозные требования совершенно невозможно отделить друг от друга. По учению мюридов, истинным последователем тариката и даже просто правоверным мусульманином имел право называться только тот, кто боролся за теократию и неурезанный шариат в мюридском его истолковании. Тот, кто признавал над собой господство какого-либо иного, будь то адаты или законы русского самодержавия, переставал быть мусульманином.

Мюридизм раннего периода, как движение, направленное против русских завоевателей, имел многочисленных попутчиков — общества и этнические группы, как чеченцев, целиком находившихся в стадии родового строя. Чеченцы не знали еще, что такое феодализм, и поэтому тарикат и теократические идеалы Шамиля их мало привлекали, но зато они находились под угрозой порабощения и чуть ли не физического истребления их русскими, — и этого было довольно для того, чтобы превратить их в сторонников мюридизма, тем более, что русская власть пробовала подчинить их своему вассалу — шамхалу тарковскому (одному из крупнейших дагестанских феодалов)¹. Сложный характер движения, объединявшего племена и общества с противоречивыми интересами, был причиной частых колебаний среди его последователей, приливов и отливов, сопровождавшихся то успехами, то поражениями мюридов.

Возвращаясь к джаро-белаканскому движению 1830 года, необходимо отметить, что оно совпало с ранней стадией развития мюридизма. Тогдашний имам дагестанских мюридов, Кази Мухаммед-мулла (1827—1832) получил звание мюршида от известного мюршида, муллы Мухаммеда ярагского, который в свою очередь получил эту степень от азербайджанца, шейха Хаджи-Исмаил-эффенди кюрдамир-

¹ См. А. К. А. К., т. VII, №№ 879, 890.

ского в 1822-23 году. Кази-мулла, имя которого стало знаменем в борьбе против России, уже в 1828 г. пользовался популярностью в Джарах. В 1829 г. в Джаре проживал один из деятелей дагестанского мюридизма, Хаджи-Яхья.

Влияние мюридизма в Джаре заметно уже в февральско-мартовских событиях 1830 г. Уже тогда оно проявилось здесь в борьбе масс не только против русских, но и против своей знати. Но вполне подчиняется влиянию мюридизма движение несколько позднее, с октября 1830 г. Притеснения русских чиновников и солдат (постой, насилия над женщинами) не могли не вызвать усиления влияния мюридизма. Но, — нужно оговориться, — как ни значительно было влияние мюридизма в Джаре и Белакане в 1830 г., у нас нет данных, которые позволяли бы думать, что это влияние было глубоким. Здесь усвоили боевые лозунги мюридизма, призыв к священной войне с русскими, здесь популярна была антифеодалная тенденция мюридизма, но «теоретическая» сторона мюридизма — мистика тариката, проповедь строгого соблюдения шариата, теократические идеалы, — как и организация мюридизма с его старцами — мюршидами и послушниками — мюридами, не могли здесь привиться в этот период.

Уже в мае 1830 г. вождь мюридов в ю.-з. Дагестане, шейх Шабан, прислал джарцам воззвание, в котором, призывая массы к борьбе с неверными, проклинал «джентило (ингилоев), берущих взятки (т. е. надеявшихся на получение свободы от российских завоевателей—И. П.) и прочих, явивших себя неверными»¹. Едва ли приходится сомневаться, что под «прочими» подразумевались Хаджи-Махмуд, Чанка-оглы, Муртуз-Али-оглы и др. кевхи и знатнейшие, перешедшие на сторону России.

Экземпляр этого воззвания был передан джарскому казию. Его отношение к мюридам было вполне под-стать позиции и дагестанского высшего духовенства. Он созвал джамаат и, прочтя на нем прокламацию Шабана, произнес очень резкую речь, направленную против мюридов и «лже-святого» Шабана; в заключение он разорвал прокламацию

¹ Война на вост. Кавказе. Кавк. сборн., т. XII, стр. 109-110.

и топтал ее ногами¹. Эффект, однако, был совсем не тот, какого ожидал казий: многим прокламация пришлась по сердцу, хотя на джамаате никто пока не решался выступить открыто. Белаканский старшина Мамед-Муртуз-Али-оглы, соперничавший с казием в угождении российским властям, переслал склееную прокламацию Бековичу - Черкасскому. Генералу оставалось только негодовать по поводу «конституционного» поступка недогадливого казия, создавшего джамаат вместо того, чтобы попросту передать прокламацию «по начальству».

Бекович не знал ничего определенного об успехах мюридов, пропаганде же их не придавал большого значения. Он, как и другие представители русской власти, считал влияние тохумной знати в народе безграничным и верил в способность старшин «успокоить» массу. Русская власть в апреле — мае 1830 г. не только не ожидала взрыва в самой Джарской области, но надеялась, опираясь на таких дипломатов, как джарские и белаканские кевхи, подчинить российскому влиянию загорные общества — Тебель, Таш, Анкратль и др. Миссии такого рода обыкновенно возлагались на Муртуз-Али-оглы. Благодаря его стараниям, ряд загорных кевхов (Захал-Махди-Мухаммед-оглы ташский, Хочерой-Мухаммед тебельский и др.) заявили о преданности России от имени своих джамаатов, которые им якобы «удалось убедить». Русским властям казалось, что этого вполне достаточно, — и они успокоились. В действительности, старшины не пользовались уже в это время в своих обществах почти никаким влиянием; в обществе Анкратль «буйные толпы, увлеченные фанатизмом» Шабана, поклялись в верности шариату, совершенно отказались от адатов (что было равносильно непризнанию авторитета тохумной знати) и надели чалмы на головы.

Избранное Паскевичем для крепости место близ Старой Закаталы (собств. Закатала) при пересечении двух путей, проходивших чрез Джар, господствовало над Джарским ущельем. Российские власти располагали здесь к маю

¹ Война на вост. Кавказе. Сборн., т. XII, стр. 111

1830 г. силами в 4.561 солдат при 10 орудиях. Если принять во внимание, что вся Джарская область не могла выставить больше 6-7 тысяч вооруженных воинов, то надо признать, что силы русских, при их явном техническом превосходстве, были вполне достаточны для подавления восстания, если бы оно носило чисто местный характер. Дело могло принять другой оборот, если бы из-за Главного Кавк. хребта на помощь джарцам появились большие отряды мюридов.

Только в начале июня русские власти убедились, наконец, что опасность восстания серьезнее, чем они могли думать. Дагестанское войско, о котором мюридский шейх Шабан писал джарцам, было уже совершенно готово и стояло в Джурмуте, к северо-западу от Джара, за хребтом; в его состав входили мюриды из целого ряда загорных вольных обществ — Джурмута, Канадаля, Таша, Анкратля, Анцуха, Капучи и др. В Джаре и Белакане брожение среди «людей менее состоятельных» обозначилось очень ясно. Представителями руссофильской части знати овладела паника; этим паническим настроением только и можно объяснить, что трезвый и хитрый Муртуз-Али, обычно располагавший верными сведениями из Дагестана, доносил Бековичу о «скопицах, численностью до тридцати тысяч человек, готовых будто бы вторгнуться в Джарскую область; ими предводительствовал якобы сам Кази-мулла, который в действительности находился в это время в Гимре.

Ген. Сергеев, сменивший тем временем Бековича в должности нач. области, стал лихорадочно готовиться к отражению «скопица глуходаров», получив подкрепление до 1.000 чел. и построив наскоро укрепление в Белакане.

Около 12 июня первые отряды шейха Шабана перешли Главный хребет и заняли гору Муров-даг (в 15 км. к с. от Белакана). Но дальнейшее движение Шабан задержал на целую неделю, — и эта задержка привела для него к губительным результатам, так как русские, уже осведомленные о движении, могли за это время подтянуть и перегруппировать войска, приготовившись к отражению нападения. Повидимому, Шабан, хотел, прежде вполне убедиться в том, что белаканцы восстанут и окажут ему активную поддержку.

В течение недели между Шабаном и вольными обществами, в первую очередь Белаканами, происходил обмен письмами¹.

В массе белаканцев воззвание Шабана и приближение его мюридов вызвало немедленный отклик, — почти все хотели доказать свое желание остаться в исламе. Население стало отказываться выполнять требования русского пристава и начальника белаканского укрепления, майора Бучкиева, стало отказываться от наложенных на жителей русскими властями повинностей, вроде доставки подвод и т. д.

Сергеев и его помощники попробовали было затем обратиться к испытанному средству русской политики — посредничеству тохумной знати и официального духовенства. Сергеев побудил Хаджи - Махмуда, Мамед-Вели-Чанка-оглы и других джарских старшин написать послание к восставшим мюридам и самому Шабану от имени «чарских ученых (т. е. официальных улемов—И. П.), старшин и общества» с просьбой отказаться от мысли о походе в Джарскую область и вернуться за Большой хребет, дабы не нарушать мира и избавить население от разорения и убытков².

Вместе с тем, эти кевхи желая не слишком скомпрометировать себя уподобием перед русскими и оставить себе лазейку на случай победы Шабана, сделали к письму двусмысленную приписку: «Мы за долг себе поставили, по приказанию управляющего нами генерала, писать это письмо». Слова эти, смотря по обстоятельствам, могли быть истолкованы или, как выражение преданности «управляющему генералу», или как намек на насилие над старшинами, вынужденными писать против своей воли, под давлением русских начальников.

Как и следовало ожидать, письмо «ученых и старшин» не произвело на мюридов никакого впечатления. В от-

ветном письме Шабан, делая вид, что не замечает «руссофильского» тона письма кевхов, писал джарским старшинам и всему обществу: «Свидетельствуем вам наше почтение и вместе с ним просим всевышнего бога, чтобы вы были победителями неверных».¹

После новой неудачной попытки переговоров с Шабаном через джарских кевхов, а потом и кевхов загорных джамаатов, обе стороны стали готовиться к сражению.

В своем донесении Паскевичу Сергеев уверял, что его переговоры с Шабаном через посредство кевха Джурмутского общества Дибир-Мухаммеда увенчались было успехом, и что Шабан будто бы согласился прекратить борьбу и даже вступить в русское подданство при условии предоставления ему приличной пенсии, Шабана будто бы подстрекала к борьбе джарская и белаканская «чернь», не желавшая допустить построения русскими крепости в Новых-Закаталах. Сергеев, по его словам, уже условился было с Шабаном о личном свидании в Катехах для окончательных переговоров, но — «до возвращения сего последнего старшины Дибир-Магомета», — писал Сергеев начальству, — «белаканцы прибежали к шейху (Шабану)... просили его, чтобы он поспешил итти навстречу (майору) Бучкиеву, захватил бы его в лесах и вырезал, уверяя, что все белаканцы готовы примкнуть к нему»². Поддавшись их уговорам, Шабан будто бы нарушил данное обещание прибыть для переговоров и, неожиданно для Сергеева, перешел к враждебным действиям.

Верить этой версии Сергеева мы не можем. Шабану не было никакого смысла в решительный момент перед самым сражением прибегать к хитрости и вступать в переговоры, раз он не использовал этой хитрости раньше, когда можно было таким путем удержать русских от приготовлений к обороне. Надо думать, что обещание Шабана положить оружие и перейти в русское подданство было мифом. Может быть, Сергеев в данном случае был введен в заблуждение хвастливыми сообщениями кевхов-диплома-

¹ Письмо Шабана приведено в «Войне на вост. Кавказе, Кавк. Сборн., т. XII, стр. 116.

² Там же, стр. 117.

¹ Там же, стр. 118.

² Там же, стр. 121.

тов. Скорее всего, весь рассказ о мирных предложениях Шабана — плод фантазии самого Сергеева, который, уверяя начальство, что он ожидает сдачи Шабана, хотел этим оправдать свою прежнюю бездеятельность (меры были приняты им только в самые последние дни) и свои нелепые попытки подействовать на мюридов при помощи джарских кевхов.

Сражение произошло 21 июня. Мюриды, пройдя Капитзара, подошли к Белакану. По пути к ним присоединялись «толпы джарцев, катехцев, белаканцев и закательцев».

Сражение окончилось победой русских, имевших артиллерию. Донесение Сергеева Паскевичу отмечает необычайное мужество глуходаров и восставших белаканцев. Но победа далась русским не дешево; правда, потери людей были ничтожны — русский гарнизон расстреливал из-за стены укрепления мюридов почти в упор, — но за то русским пришлось отразить ряд штурмов, выпустить 13.412 ружейных патронов и произвести 113 орудийных выстрелов.

Не малое значение для успеха русских сыграла позиция главных кевхов, сохранивших преданность России. Не довольствуясь простой лояльностью, некоторые кевхи помогали русским властям, чем могли. Сергеев просил Паскевича наградить за оказанные России во время восстания услуги кевхов Мухаммеда — Али-Оцо-оглы, муллу Али-оглы Цетова, Хаджи — Махмуда, — на этот раз не проявившего никаких колебаний и резко выступившего против мюридов, — муллу Мухаммеда, наконец, Мамед-Муртуз-Али-оглы, медалями. Особенно ценные услуги русской власти оказал Муртуз-Али-оглы. Он помог выловить всех главных участников белаканского «возмущения» — их оказалось до пятидесяти человек. Список был представлен Паскевичу, который распорядился — всех «подлецов» и «разбойников» предать военному суду. Среди них были и отдельные представители тохумной знати примкнувшие к движению.

Подавление первой вспышки восстания вызвало, как

и следовало ожидать, у русского «начальства» прилив административной энергии. Покончив с арестами «разбойников», бывших при шейхе во время нападения на Белаканы «и вообще всех заподозренных в измене» (кроме, разумеется тех, которым удалось бежать в горы), русские власти стали собирать с населения налоги и недоимки и требовать наложенных на «обывателей» повинностей, связанных с постройкой крепости, как доставка ярб, леса и других строительных материалов. Самую постройку крепости стали производить ускоренным темпом, занимая на подсобных работах большое количество людей. Конечно, тяжесть этой повинности чувствовала на себе масса аварских крестьян, тогда как владельцы кешкелей перекладывали все работы на подвластных им кешкельников.

Но и после июньского восстания положение в Джарской области оставалось очень напряженным. Момент нового взрыва неизбежно зависел от той обстановки, какая могла сложиться за хребтом, у «глуходаров»: русские власти имели в области в своем распоряжении силу, превосходившую численностью общее количество способных к ношению оружия мужчин джаро-белаканцев и имевшую поэтому возможность подавить движение, если бы оно было чисто местным. Это понимали и сами джарцы и все свои надежды возлагали на развитие движения за Главным хребтом. Некоторое оживление деятельности Кази-муллы и его сторонников, начавших оправляться после кунзахского поражения в августе 1830 г., сказалось и на настроениях в Джаре.

Успехи мюридского движения в Джаре сказались в ряде тайных собраний, о которых Сергеев доносил грузино-имеретинскому ген.-губернатору Стрекалову, и в ряде писем джарцев ко многим загорным обществам с призывом к общему выступлению против России. Письма эти пропитаны уже чисто мюридскими религиозно-политическими взглядами.¹

Если в июне инициатива исходила от дагестанских

¹ См. письма к обществам Анкратль, Канадаль и Джурмут. Война на вост. Кавказе. Кавк. Сборн., т. XII, ст. 133 и сл.

«глуходаров» и Шабан во время своего похода на Белаган не чувствовал полной уверенности в том, что к нему примкнет все население, то теперь обстоятельства изменились. Теперь, наоборот, джарцы звали к себе дагестанцев на помощь и говорили в своих письмах очень боевым языком. Джаро-белаканцы теперь не ожидали пассивно прихода мюридов из-за хребта, но сами готовились к восстанию.

При сложившихся обстоятельствах Сергеев не считал возможным слишком раздражать население репрессиями: он просил Паскевича не наказывать участников июньского восстания (не все из них были арестованы); в крайнем случае Сергеев предлагал обмануть привлеченных к следствию, подав им надежду, что наказание так и не будет приведено в исполнение, а затем наказать их позднее, в январе, когда волнения улягутся, и русские окажутся господами положения в области. Паскевич не был доволен такой «мягкостью» Сергеева и настаивал на том, чтобы наказать «главных разбойников» и, кроме того, арестовать всех находившихся в Тифлисе аманатов джарских и загорных обществ. Только после усиленных просьб Сергеева, указывавшего, что такие меры раздражат недовольных еще больше и заставят их бежать в Дагестан и «там вновь волновать умы», Паскевич согласился поступить с бунтарями «великодушно»... отложив наказание до 1 января 1831 г. При этом Паскевич указывал Сергееву, что, так как у него войск больше, чем область может выставить вооруженных людей, то церемониться с джарцами нечего и можно действовать гораздо более круто.

Вообще, и Паскевич, и Стрекалов не переставали сначала выражать недовольство, а затем и возмущение «нерешительностью» и «преступной снисходительностью» Сергеева. Официальный историк Волконский повторяет эти обвинения, объясняя в значительной мере и самый факт восстания «милостивым» отношением Сергеева к «открытым врагам» русского правительства.¹

В действительности Сергеев был не более «мягок» и «снисходителен», чем любой царский генерал на Кавказе.

¹ Война на вост. Кавказе. Кавк. Сборн., стр. 132.

Что же касается нерешительности, то в ней были одинаково повинны как Сергеев, так и Стрекалов с Паскевичем, которые, осуждая Сергеева, не могли дать ему никаких твердых указаний и в своих распоряжениях постоянно противоречили самим себе.

Причиной такого положения были не личные качества русских генералов, а прочные традиции российской политики на Кавказе, проводниками которой и были генералы-администраторы. Русское правительство привыкло все движения на Кавказе, дружественные или враждебные России, считать делом рук только феодально-аристократических элементов, видя в крестьянстве пассивную, аморфную массу, слепо идущую за знатью. Такая близорукость не была чем-то случайным, она объяснялась классовой ограниченностью. Такую же линию, направленную на раскол движения и привлечение на свою сторону знати, царское правительство вело и в других национально-колониальных движениях, направленных против колониальной эксплуатации, напр., в байкирском восстании 1755 г., в движениях поволжских татар, казаков и др. в период пугачевского восстания.

Сергеев всю свою административную энергию тративший на «приласкание» старшин и кешкелевладельцев, на переговоры со старшинами загорных обществ, действовал в духе тех же традиций, порожденных классовой природой русской политики на Кавказе, и если он никак не мог понять, что верхушечные комбинации в данных обстоятельствах не могут остановить движения, то причиной этого была новая, совершенно необычная и непонятная для российских властей обстановка, когда социальные низы выступали самостоятельно, а влияние тохумной знати стремительно падало.

В начале сентября вооруженные мюриды снова стали собираться в «глуходарских» обществах. Была налажена связь с бунтарями в Джаре и Белагане. Во главе движения стал Гамзат-бек, будущий преемник Кази-муллы на посту имама мюридов (с 1834 г.).

О приготовлениях Гамзат-бека Стрекалов был преду-

прежде через генерала Краббе известным сторонником российского правительства араканским казием Сейидом-эффенди, но и Стрекалов, и Сергеев продолжали верить, что «известие сие не может иметь ничего важного», и надеяться на замирение джарцев и «глухадаров» при помощи кевхов. Поэтому известие о переходе Гамзат-бека 12 сентября через Главный хребет застигло Сергеева врасплох, хотя об этом было известно заранее в Джаре. Силы мюридов доходили до 2.000 чел. Появление их на плоскости вызвало волнения вольных аваров. Российские войска были сильно деморализованы эпидемией холеры¹. Постройка крепости Нов. Закатал приостановилась. Но Гамзат-бек, как в июне Шабан, откладывал нападение на русских. Зная отлично, насколько ненадежны кевхи и предполагая, что их влияние на массы еще могло проявляться, Гамзат известил джарцев, что необходимым условием помощи им он считает выдачу ему джарских аманатов². Когда «немногие старшины, остававшиеся преданными» России, попробовали было «образумить» массы и побудить их «обратить оружие... против дагестанцев», попытка эта кончилась самым позорным провалом.

Решение выдать аманатов было принято сходами в Джаре, Катехи и Мацехи.

Паскевич посылал истерические приказы, требуя ареста всех «обывателей», заподозренных в измене, не понимая, что в таком случае пришлось бы арестовать почти все население, за исключением немногих «знатнейших» кевхов. В ответ на это Сергеев писал, что «вторжения неприятеля и удержание жителей от общего возмущения по местным обстоятельствам предупредить не было возможности». К 10 октября Стрекалов направил к Джару новые подкрепления и прибыл туда сам.

Между тем русским властям предстояло немало неожиданностей. Центр области Джар, всего в 5 км. от Нов. Закаталы, восстал, впусив к себе дагестанцев. Мурад-бек, брат Гамзата, занял Катехи и этим прервал правильное со-

общение с Белаканом. В Тале и Белакане восстания можно было ожидать со дня на день. Восстание перебросилось и на территорию султанства Илисуйского, где султан и беки были едва ли не единственными лояльно настроенными по отношению к России элементами. Цахурское общество первое отказалось признавать власть султана, выслало отряд на помощь джарцам и Гамзат-беку. Джарский джамаат призвал к восстанию и зависевшие от Джар кешкельные селения ингилоев и мугалов. Боязнь, что возмущение охватит и их, заставило российскую власть в лице Сергеева снова воспылать симпатиями к «угнетенным джарцам» ингилоям и снова, как и до завоевания области, обещать им свободу, разумеется, при условии, если они «вооружатся для отражения бунтовщиков и их союзников». Сходы ингилоев дали «весьма утешительный» ответ, но только ответом и ограничились; практических результатов воззвание Сергеева не дало.

План Гамзат-бека, к которому тем временем присоединился и шейх Шабан, сводится к тому, чтобы укрепившись в Джаре, блокировать с частью войск все еще недостроенную крепость в Новых Закаталах, отрезав их от Белакана, подождать, пока восстание охватит всю область и пока придут подкрепления из Дагестана, поставив под угрозу вторжения и Кахетию.

К 13 октября крепость оказалась почти отрезанной от внешнего мира. Окрестные леса были заняты мюридами, которые нападали на русских солдат при каждой попытке добыть для крепости продовольствие или дрова. Стрекалов, успевший вновь прибыть в крепость 10 октября со значительными подкреплениями (до 1.500 чел. при 4 орудиях) писал Паскевичу: «Все работы (по сооружению крепости) приостановились; мы же должны были каждую потребность свою омыывать кровью». Али-абад и другие ингилойские селения прекратили доставку продовольствия российским властям и перестали подчиняться им.

Единственным средством выйти из положения блоки-

¹ Письмо Стрекалова. См. Война на вост. Кавказе. Кавк. Сборн., т. XII, стр. 148-149.

¹ См. А. К. А. К., т. VII, №№ 163—180.

² Война на вост. Кавказе, Кавк. Сборн., т. XII, стр. 139.

руемых Стрекалову казался переход в контр-наступление и взятие штурмом Стар. Закаталы, которая, как мы уже упоминали, вместе со своим замком, прикрывала Джар. Взятие и разрушение этого «разбойничьего гнезда» Стрекалов признавал центральной операцией, которая должна была нанести восставшим решительный удар. Штурм старых Закатал и центрального сел. Джара Стрекалов назначил на 15 октября.

Ингилои не торопились «вооружаться против своих утеснителей» — аваров, что, впрочем, было и вполне понятно, ибо наиболее крупные «утеснители» кедхуды находились не в рядах восставших, а в одном лагере с русскими генералами, уже обманувшими однажды надежды кешкельников. Но Стрекалов объяснил это тем, что обещания, данные Сергеевым ингилоям и мугалам, были недостаточно заманчивы и определены. Он послал к ним еще одно воззвание, обещая всем тем кешкельникам, «которые пребудут верными», — освобождение от «рабства», т. е. кешкельной зависимости, и предлагал им составить отряды для борьбы с восставшими.

Джарский джамаат, как коллективный «сеньер», и отдельные кешкелевладельцы, бывшие в рядах восставших, послали в кешкельные селения письменные приказания подвластным им кешкельникам — доставить определенное количество продовольствия и исполнить беспрекословно все требования начальников повстанческих отрядов, которые прибыли бы в эти селения. Кешкельники в большинстве подчинились. Воззвание Стрекалова не помогло, и понадобилась помощь со стороны более крупных кешкелевладельцев-руссофилов, чтобы воздействовать на ингилоев. Группа известных уже нам прислужников российской власти — джарские кевхи Оцо-оглы, Хаджи-Махмуд, мулла Цетов, джарский казий Юзбаша-оглы и мулла Мухаммед послали к мугалам и ингилоям воззвание с призывом не подчиняться мятежному джарскому джамаату и мятежным «помещикам»:

«Извещая вас о переменах и о возмущении, предупреждаем: сохраните спокойствие ваше, не склоняйтесь ни на ка-

кие предложения возмущившихся дураков, лишившихся рассудка; преимущественно отвергайте предложение к вспомоществованию им жизненным продовольствием, и все требования помещиков: ваших мимо нас не исполняйте и не давайте хлеба»¹.

Это использование вражды между этническими группами, как и социального антагонизма, прикрытого этой враждой, в целях раскола движения — старый прием русских колонизаторов, применявшийся ими раньше и в восстании Батырши в Башкирии в 1755 г., и в пугачевском движении, и позднее — в борьбе с мюридизмом в Дагестане.

Стрекалов разработал план штурма Ст. Закатал, сводившийся к тому, чтобы выступив из крепости, медленно подвигаться по Джарскому ущелью, разрушая по дороге каменные стены, преграждавшие ущелье, вырубая сады и строя укрепления по дороге².

Составленный Стрекаловым план, как и все вообще действия русских властей во время восстания, показывают полное непонимание обстановки и неумение в ней ориентироваться. Он мог бы привести к успеху лишь при условии, если бы восставшие ограничились пассивной обороной, в условиях партизанской войны подобные действия негодились, и Паскевич впоследствии резонно на это указывал Стрекалову; впрочем, его благие советы подчиненным запоздали.

Стрекалов взял с собой в поход около 2.500 солдат, т. е. менее половины сил, которыми можно было располагать. Судя по поведению и тех солдат, которые приняли участие в сражении, по той панике, которая овладела ими, можно думать, что остальные части были еще более деморализованы, и Стрекалов предпочел их не вводить в дело.

Не приводя здесь всех подробностей сражения 15 октября, полное описание которого дает Волконский³, ограничимся здесь лишь самым общим изложением.

¹ Воззвание кевхов см. Война на вост. Кавказе, Кавк. Собрн., т. XII, стр. 162.

² См. «Диспозицию на 15 октября 1830 г.», приведенную в Кавк. Собрн. т. XII, стр. 213—215.

³ Война на вост. Кавказе, Кавк. Собрн., т. XII, стр. 151—156.

Русские войска выступили утром 15 октября по назначенным направлениям. Дух разложения чувствовался среди русских, их выступление началось с разногласий и резких пререканий между Стрекаловым и его подчиненными — Сергеевым и кн. Дадиани — из-за выбора позиции. Стрекалов занял высоту в 2 км. от крепости, влево от катехской дороги, поднимавшуюся крутыми лесистыми обрывами, казавшуюся недоступной. Заняв высоту и кладбище и выставив вперед цепь стрелков, Стрекалов приказал части войск заняться постройкой укреплений и вырубкой леса, а сам уехал в крепость. Днем работавшие войска и батальон, стоявший на кладбище, были окружены большим отрядом до 3.000 человек (возможно, что Стрекалов в своих донесениях Паскевичу преувеличивал численность неприятеля, чтобы несколько смягчить впечатление от поражения русских войск), которые, быстро сбив русских, разделили их; после двух отбитых атак, мюриды обратили русских в бегство. Русские отряды едва успели сделать два-три выстрела, как стремительно напавшие мюриды перебили находившихся при них офицеров и солдат и овладели орудиями.

Отряд Сергеева, находившийся на высоте, также обратился в беспорядочное бегство, оставив своего начальника с батареей и 40 саперами. Окруженный со всех сторон Сергеев не мог пустить в ход батарею, людей которой мюриды перебили в 2 минуты. Оставшись под конец всего с 18 солдатами, Сергеев, раненый в пятку, бежал в крепость. По дороге Сергеев и полк. Дадиани не могли собрать и привести в порядок даже одной роты — настолько бегство было паническим. Только, в виду крепости беглецы, наконец, остановились.

Поражение русских войск было полным. Потери их, по масштабам тогдашних кавказских сражений, казались необычайно большими; русские потеряли 6 офицеров и 243 солдата убитыми и 10 офицеров и 141 солдата ранеными, а всего было выведено из строя до 400 человек. Все орудия, взятые Стрекаловым с отрядом, достались мюридам.

Что было причиной поражения российских войск? Ге-

нералы сваливали вину друг на друга. Паскевич признал виновником поражения Стрекалова: «Главнейшею причиною сего несчастья генерал-адъютант Стрекалов тем, что слишком раздробил отряд и завел малыми частями в такое место, где невозможно было действовать. Малочисленная команда, будучи рассылана в стрелках и для срубки дерев, внезапно была окружена со всех сторон многочисленным неприятелем, и при сем случае не была в свое время подана им помощь»¹. Волконский также считает единственной причиной поражения ошибочную диспозицию Стрекалова.

В действительности и Стрекалов, и Сергеев одинаково проявили полную растерянность. Их нелепые действия, конечно, и сами по себе могли привести к поражению русских. Но все же остается непонятной та легкость, с какой мюриды окружили российские войска, овладели орудиями, вызвали панику и бегство солдат. Даже, если предположить, что мюридов было действительно 3 тысячи, а русских около 2½ тысяч, то ведь нельзя упускать из виду техническое превосходство русских. У русских было 6 орудий, у мюридов их не было вовсе. Если выбранная Стрекаловым возвышенная позиция была неудобна для дальнейшего развития операций, то она во всяком случае давала русским полную возможность отбивать атаки мюридов. Поражает полная растерянность и солдат, и командиров; обоими батареями — на кладбище и на высоте — мюриды овладели голыми руками в несколько минут.

Может быть, все это объясняется обстоятельством, о котором официальные документы стараются умалчивать и лишь изредка глухо намекают на него — разложение русских войск. Русские солдаты, набранные из крепостной деревни, никогда не проявляли на Кавказе особого рвения к защите интересов государства помещиков — крепостников. Несмотря на железную дисциплину, случаи дезертирства солдат и казаков и бегства к дагестанцам и вообще горцам

¹ Письмо гр. Паскевича гр. Чернышеву от 31 декабря 1830 г., приведено в «Войне на вост. Кавказе», Кавк. Сборн., т. XII, стр. 159.

(в одиночку и группами) были не редки¹. Войскам, посланным в Джарскую область, в 1830 г. пришлось впервые столкнуться не с «сарбазами» азербайджанских ханов, не с малочисленными отрядами горцев, а с совершенно новым массовым движением — мюридизмом, с крестьянским восстанием, охватившим всю область и сжавшим русские части в кольцо. Если от русского солдата, выходца из крестьянства, — тогда еще «класса в себе», — солдата, вымуштрованного в николаевской казарме, и нельзя было ожидать активного протеста, то все же непривычная обстановка борьбы с мюридами, блокада крепости, недостаток продовольствия и снарядов, растерянность и нелепые распоряжения командиров должны были подействовать на этого солдата дезорганизующе. Не настаивая на таком объяснении, мы считаем его одним из возможных.

Как бы то ни было, крупное поражение 15 октября, какого русским давно не приходилось нести в Закавказьи, имело не только военное, но и политическое значение. Положение восставших укрепилось и полная ликвидация самого восстания была отсрочена до конца года. Пресловутый «престиж русского оружия» был сильно поколеблен везде в Закавказьи и Дагестане, а последнее поражение русских не мало помогло усилению влияния Кази-муллы и мюридов. Полк. Меддокс доносил Паскевичу из Дербента: «...Сим честь имею донести, что Джарское дело² имело некоторое влияние и на здешних жителей Дагестана...»³. Отголоски 15 октября были заметны в мусульманских провинциях, и в Карабахе, а также в Кахетии, где дворяне по почину кн. Андроникова поспешили собрать милицию. Закавказское поражение встревожило и Петербург, и царь «с крайним прискорбием и неудовольствием усмотреть изволил», что русский отряд «ныне, в деле 15 октября против лезгин, оставил вверенные ему орудия в руках неприятеля

¹ Характерный случай приводит Гаджи-Али-чохский, указ. соч., стр. 41-42: «В 1268 г. (1851), 20 казаков... с 2 священниками пришли в Дарги-Ведено и просили у Шамвиля земли, чтобы поселиться. Он указал им место, где бы они могли построить дома и церковь».

² Речь идет именно о закавказском поражении 15 октября; рапорт Меддокса — ответ на предписание Паскевича 14 ноября.

³ А. К. А. К., т. VII, № 470. Рапорт подполк. Меддокса гр. Паскевичу от 8 февраля 1831 г.

и, не внимая гласу начальников своих, обратился в бегство, будучи преследуем незначительным числом горцев»; царь, «не постигая, какие обстоятельства могли побудить русских солдат к столь постыдному бегству»¹, требовал от Паскевича подробных объяснений.

Ближайшим следствием победы мюридов 15 октября было распространение восстания вширь. Тальское общество до этого времени хотя и было захвачено брожением, но держалось дружественного по отношению к мюридам нейтралитета, теперь же прямо перешло на сторону восставших; вскоре после этого тальцы появились в отрядах Гамзат-бека. Движение в Белакане усилилось, несмотря на все старания угодника русских кевхи Мамеда-Муртуз-Али-оглы, по доносу которого был арестован и заключен в тюрьму за сношения с Гамзат-беком «обыватель» Мамед-Кара-Али-оглы. Усердие по начальству, проявленное Муртуз-Али-оглы, вызвало благосклонный отзыв Стрекалова, находившего, что он «поведением своим заставил просить о награждении его и ныне один из тех старшин, кои заслуживают внимания начальства». Положение русских после 15 октября было настолько шатким, что они с трудом могли удержаться в Ново-Закатальской крепости. Оно улучшилось не только благодаря прибытию подкреплений, — очень значительных — до 4.500 человек, но и благодаря тому, что Гамзат-бек не использовал своей победы 15 октября и не занял Белакана и приазанских ингилойских селений.

Попытки нападений на русских в начале ноября запыздали, да они и не удались, так как Стрекалов был заранее предупрежден о них белаканским кевхой Муртуз-Али-оглы. Повидимому, Гамзат-бек, не надеясь на возможность взятия Нов. Закаталы, рассчитывал на постепенное действие блокады и дальнейшую деморализацию русских частей, ожидая вместе с тем дальнейшего распространения восстания на новые районы. Но его медлительность повредила ему, она расхолаживала даже готовые восстать массы¹. Неизвестно, какими силами располагали мюриды к

¹ Письмо гр. Чернышева к Паскевичу, см. Война на вост. Кавказе. Кавк. Сборн., т. XII, стр. 158.

концу октября; в своих донесениях Стрекалов то уверяет, что отряды Гамзат-бека редеют, то, наоборот, насчитывает до 10 тысяч мюридов, то есть больше, чем их было в октябре. Вероятнее всего, впрочем, что Стрекалов преувеличивал численность мюридов по крайней мере вдвое.

С начала ноября положение восставших изменилось к худшему. Прибытие к русским больших подкреплений и артиллерии позволило им отрезать мюридов от хлебных кешкельных алиабдских селений и приступить к истреблению лесов и садов, лежавших вокруг Джара. О взятии крепости и даже о продолжении блокады при наличии вокруг нее столь значительных русских сил мюридам нечего было и думать. Мало того, мюриды сами начали терпеть голод; от болезней (малярия) непривычные к долгому пребыванию на плоскости дагестанцы давно страдали. Начало холодов застало мюридов неподготовленными: борьба затянулась, а о возможности зимней кампании никто раньше не думал; многие дагестанцы стали расходиться.

Стрекалову удалось вновь занять территорию Тальского о-ва и др. районы. 8 ноября Стрекалов мог уже перейти в наступление.

С этого времени положение мюридов уже не могло улучшиться. Но решительный удар восстанию нанесло разложение в их лагере; его начали покидать попутчики, не желавшие разделить участь восставших до конца. Здесь получилось то же, что не раз в последующие периоды истории мюридизма приходилось испытывать и Гамзат-беку, и Шамилю: неудача вызвала отлив от движения тех, которые готовы были сражаться вместе с мюридами против русских, но не связывали вполне своей судьбы с движением.

Такой удар нанес восстанию шейх Шабан. Уже 9 ноября он обратился к Стрекалову, — так передают русские источники, — с предложением вступить в переговоры. Судя по тому, что роль сводника в этом случае сыграл никто иной, как Мамед Муртуз-Али-оглы белаканский, можно думать, что инициатива переговоров принадлежала не Шабану,

¹ См. «Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана». Кавк. Сборн. т. XXXI, стр. 6-7.

ну, а российским генералам, хотя русские источники, естественно, об этом умалчивают. В русском лагере прекрасно понимали, что уход Шабана и тех отрядов, которые прибыли с ним из Дагестана, и ослабит мюридов, и ускорит моральное разложение движения. Для переговоров, поэтому, был послан Стрекаловым к Тала сам генерал Сергеев, который — «совершенно успокоил шейха насчет его дальнейшей участи», но предупредил, что амнистия распространится только на него и на его отряд, но не на «мятежников-джарцев». 10 ноября шейх увел из Стар. Закаталы дагестанские отряды, находившиеся под его непосредственным начальством. Выведенные им дагестанцы получили возможность немедленно удалиться за Главный хребет, а Шабану пришлось остаться в Нов. Закатале.

На другой день вступил в переговоры и Гамзат. У обоих мотивы были разные. Если Шабан затем превратился в русского агента, на жаловании¹, то Гамзат-бек при первой же возможности возобновил борьбу с русскими и дагестанскими ханами и всей своей последующей жизнью доказал, что его убеждения и его воля к борьбе не поколебались. Повидимому, убедившись в невозможности удержать в своих руках Джаро-Белаканскую область, он видел в сдаче русским лишь тактический прием. На жарцев он смотрел, как на попутчиков, на их восстание — лишь как на один из этапов «джихада» — священной войны, и во все не желал лечь костью при защите Джар. В виду явной неудачи восстания, Гамзат-бек хотел сохранить силы своих мюридов для будущей борьбы с русскими, которая должна была развернуться в Дагестане², где положение имама Кази-муллы уже значительно укрепилось. Конечно, жарцы участники восстания не хотели и слышать о сдаче и приложили все усилия к тому, чтобы отговорить Гамзат-бека от его плана². Но сдача Шабана слишком повлияла на дагестанцев, среди которых и без того уже разложение и дезертирство были сильны, чтобы у Гамзат-бека могли

¹ См. по этому поводу А. К. А. К., т. VIII, № 411. Рапорт ген. Панкратьева гр. Чернышеву от 3 октября 1831 г.

² Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана, стр. 7.

оставаться какие-либо иллюзии относительно исхода борьбы. Только такие мотивы и могут объяснить прекращение Гамзат-беком борьбы. Объяснение Стрекалова, что сдача Гамзат-беком — «уловка и обман с целью выманить... подарки», разумеется, нелепо.

Если Шабан при сдаче думал только о себе и своем отряде, то Гамзат выставил требование о полной амнистии для всех участников восстания, в том числе и джарцев. Отказ русских генералов заставил его медлить еще три дня и решиться окончательно на сдачу только тогда, когда русские готовились уже к штурму Джар. Но Стрекалов, сначала давший согласие на беспрепятственный вывод дагестанцев и самого Гамзата, задержал Гамзата, объявил его вместе с Шабаном военнопленными и отправил их в Тифлис.

14 ноября российские войска подошли к Джарам с трех сторон. Джарцы и дагестанцы оказали стойкое сопротивление, но, окруженные и обойденные, они были вынуждены, бросив главную твердыню — замок Стар. Закатала, отступать по ущелью за Главный хребет. Взятие Стар. Закаталы и Джара превратилось в настоящую бойню восставших: русские, превосходившие их по численности, по крайней мере вдвое, обстреливали ущелье с трех сторон. Отделавшись незначительными потерями (3 убитых, 21 раненый), они выпустили по восставшим 140 орудийных выстрелов и 43.187 ружейных патронов. Конечно, восставшие, численно ослабленные и оставшиеся без вождей, даже несмотря на храброе сопротивление, долго защищаться не могли.

Сейчас же после победы, Стрекалов приказал «снести с лица земли Джары», что и было довольно быстро приведено в исполнение. Беглецам, скрывавшимся в засыпанной снегом верхней части ущелья (только части их удалось скрыться за Главный хребет), ничего не оставалось, как сдаться. Им были обещаны только жизнь и смягчение наказания, но не помилование. Завоеватели продолжали разрушение домов и истребление садов даже после того, как всякое сопротивление прекратилось, и большинство беглецов вернулось обратно.

Главные «зачинщики мятежа» — или те, которых русское правительство считало зачинщиками, — в числе тридцати двух, были арестованы и отправлены в Тифлис. Среди арестованных были джарцы из тохумов Чапар-Али, Нугли и Чемчели, катехский старшина Кутур-Сулейман-оглы, житель Катех Ибрагим-Загер-оглы, «опасный разбойник», давно считавшийся врагом русских, серебряных дел мастера Абдулла и Сафар-Аджи-оглы — главные пропагандисты мюридизма в Джарской области.

Неудача восстания стала фактом, хотя оно дало еще последнюю вспышку в декабре 1830 г. В немалой степени эта запоздалая вспышка, которая явно уже была обречена на поражение, была вызвана самими российскими властями. Белакан, занятый значительным русским отрядом, не мог присоединиться к восстанию и внешне «порядок» здесь не был нарушен. Для российских властей, однако, не было секретом сочувствие огромного большинства жителей Белакана — самого небогатого из вольных обществ — джарско-закатальским повстанцам. Повидимому, русским властям казалось полезным совершить в Белакан карательную экспедицию, так как без всякого видимого повода Стрекалов отправил туда Сергеева с 2 батальонами, казаками и 2 орудиями. Сергеев, предъявивший требование выдать аманатов, явно придрался к тому, что это требование было исполнено не немедленно, и арестовал семь человек, давно заподозренных русским правительством в неблагонадежности и занесенных в проскрипционный список.

В то время около Белакан в горах скрывался небольшой партизанский отряд во главе с известным пропагандистом мюридизма Хала-Мухаммедом. Если в начале деятельность его, как кажется, не была слишком успешна — впечатление от джарско-закатальского разгрома было слишком сильно, — то после карательной экспедиции Сергеева сильное возбуждение в Белакане сделало шансы Хала-Мухаммеда более благоприятными. Закрепив некоторые связи в Белакане, Хала-Мухаммед вернулся за Главный хребет, в Джурмутское общество, где в селении Кашлуг (в нем собирал силы и Гамзат-бек перед сентябрьским походом в

Джарскую область) формировались уже отряды из джарских беглецов и немногих дагестанцев. Белад Аличулла-Мухаммед из Богоза (впоследствии наиб Шамиля), известный мюрид, принял начальство над четырьмя сформированными в Кашлуге отрядами. К 10 декабря к ним присоединились анцухцы, и численность «скопища», по донесениям Сергеева, дошла до 2000 человек¹. Аличулла, готовясь к походу, выпустил к белаканцам воззвание в обычном мюридском духе².

Предприятие Аличуллы было явно обречено на неуспех. Его подготовка доказывала уже не силу противников русских, а только то, что горючего материала в Дагестане было слишком достаточно. Участие в рядах Аличуллы джарских беглецов было с их стороны проявлением отчаянной решимости: им было нечего терять, но русские власти в Джаре, получив сообщение, — конечно, от преданных им старшин, — о готовящемся новом «вторжении», долго не хотели верить слуху; настолько невероятным казался поход Аличуллы после подавления джарского восстания, снежной зимой, когда переход через Главный хребет крайне опасен. 15 декабря Аличулла выступил из Джурмута, а уже через три дня мюриды были на южной стороне Главного хребта и заняли селение Цаблуани, Белаканского общества; жители селения целиком (кроме русского прислужника кевхи Кураб-Мухаммеда) примкнули к мюридам. «Суровый Аличулла» послал к белокаганскому джамаату и его главному кевхе Муртуз-Али-оглы требование немедленно присоединиться к его отряду. Неизвестно, почему Сергеев, приготовив для похода на Белакан около 3000 солдат, т. е. имея значительно больше бойцов, чем мюриды, не вступил в Белакан, и выжидал и «всматривался в мысли жителей». Можно думать, что российские власти Джарской области сознательно не мешали мюридам занять Белакан: сколько-нибудь значительной опасности здесь не могло быть, в ви-

¹ Паскевич утверждал, что «лезгин» было всего 1.000 человек. См. А. К. А. К., т. IX, дополнения, № 18.

² Оно приведено в «Войне на вост. Кавказе», Кавк. Сборн., т. XII, стр. 194.

ду явного численного превосходства русских (всего в области их было не менее 6000), зато создавался предлог для кровавой расправы с белаканцами, которая казалась властям совершенно необходимой.

Мюриды Аличуллы вместе с джарскими беглецами уже в ночь на 19 декабря подошли к Белакану. В противоположность Шабану и Гамзат-беку, Аличуллу нельзя обвинять ни в медлительности, ни в нерешительности.

Джамаат в большинстве принял решение присоединиться к мюридам. Потребовали присоединения и от кевхи Мамед Муртуз-Али-оглы, однако, он слишком уж скомпрометировал себя своей верной службой «неверным» и предательством по отношению к повстанцам. Именно это обстоятельство делало для него невозможной измену русским. Поэтому он категорически отказался подчиниться, и, собрав до 600 членов своего тохума Тебели, главой которого он был, решил вместе с ними защищаться от мюридов в своей фамильной боевой башне. Но классовые интересы оказались сильнее тохумных связей — и стоило только мюридам появиться на окраине Белакана, как все тебелейцы перешли на их сторону, оставив своего кевху одного с его семьей и челядью. Муртуз-Али-оглы попробовал было запереться в крепкой башне, обнесенной стеной и там отсиidеться до прихода русских войск. Но мюриды и сами белаканцы подожгли замок, и «бедного верного Муртузали» постигла смерть в огне.

Для Паскевича известие о новом «бунте» послужило предлогом для того, чтобы отделаться от Сергеева, которого казалось удобным изобразить главным виновником всех неприятных для русской власти событий в Джаро-Белаканской области. Управление областью было поручено генералу бар. Розену, который и был немедленно командирован в Нов. Закаталу. Между тем, Сергеев не знавший еще, какие отклики вызвало в Тифлисе занятие Аличуллой Белакана, готовился к бою не торопясь. Только 22 декабря его части подошли к Белакану с двух сторон.

Паскевич так изображал в донесении петербургскому правительству последнюю борьбу джаро-белаканских пов-

станцев: «Глуходары защищались упорно и к вечеру, ни мало не ослабевая в своей дерзости, бросились с саблями и кинжалами на три роты пехотного имени моего полка. Наступившая ночь принудила прекратить дело, и горцы, пользуясь темнотою, поспешили предпринять... отступление в горы. Преследование с нашей стороны было замедленно, ибо неприятель не потерпел поражения во время бегства и сами жители белоканские успели скрыться в лесах с семействами и имуществом»¹.

Таким образом, сам Паскевич признавал, что мюриды не были разбиты русскими, а были вынуждены отступить благодаря потерям и численному превосходству русских войск². Много джарских и белоканских беглецов, отступив с глуходарами, нашли себе приют в Дагестане; впоследствии они, связав свою судьбу с делом мюридизма, играли довольно активную роль в предприятиях Кази-муллы³.

Остановимся на причинах неудачи восстания. Великодержавная историография, как и во всех подобных случаях, не задавалась этим вопросом. Она признавала единственное объяснение — блестящие победы русского оружия.

В действительности, основная причина неудачи восстания 1830 г., как и других крестьянских движений, направленных против колониальной эксплуатации XVIII—XIX в., коренилась в неорганизованности этих движений и невозможности для них разрушить существовавшие производственные отношения, перерасти в социальную революцию.

Обобщая исторический опыт этих восстаний, Ленин писал: «Все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по своему направить экономикой и политике, кончилась крахом»⁴.

Помимо этого, можно отметить еще следующие моменты, облегчившие русским подавление восстания. Прежде

¹ А. К. А. К., т. IX, дополн., № 18. Отношение гр. Паскевича к гр. Чернышеву от 8 января 1831 г.

² См. там же.

³ Арх. окр. штаба 2 отд. ген. шт., 1832 г. № 3. В «Материалах к истории покорения вост. Кавказа». Кавк. Сборн., т. XXXII, ч. I, стр. 168—170.

⁴ В. И. Ленин. Собр. соч., т. XXVI, стр. 290 (изд. 3).

всего, массовое антирусское движение могло привести к успеху только в том случае, если бы оно встретило более действенный отклик в Азербайджане, и, особенно в Дагестане. Одновременно вспыхнувшее массовое восстание в этих областях действительно поставило бы российское правительство в очень затруднительное положение. Между тем, этого то и не было. Не говоря уже об Азербайджане, даже большая часть Дагестана оставалась в этот период спокойной.

При таких условиях движение, оказавшись изолированным, должно было сравнительно скоро истощить свои силы.

Для успеха восстания необходимо было, чтобы во главе восставших стоял организованный центр, крепкое ядро. Но мюридизм в этот период далеко еще не получил того организованного оформления, какое у него было впоследствии при Шамиле; стройная организация мюридов с наибями, со строгой дисциплиной сложилась только при последнем имаме. В 1830 же году Кази-мулла, хотя и признавался всеми имамом, но в действительности не принимал почти никакого участия в руководстве событиями. Отдельные мюридские шейхи — Гамзат-бек, Шабан, Хаджи-Яхья, Аличулла Мухаммед, действовали независимо от него. Их разновременные, не согласованные одно с другим действия против царских войск не могли дать того эффекта, который был бы результатом движения, руководимого из одного центра.

Очень тяжело отразилось на восстании то обстоятельство, что вожди-шейхи не сумели сплотить участников этого разнородного по своему составу движения, создать из них единое целое. Даже на рядовую массу джаро-белоканцев, участников восстания, дагестанские мюриды смотрели, как на попутчиков, относясь к ним иначе, чем к своим соотечественникам. Это подтверждает наше предположение, что пропаганда мюридизма в этот период не пустила еще глубоких корней среди джаро-белоканцев, и их сочувствие делу мюридов ограничивалось только непосредственным желанием борьбы с русскими и отчасти со своей

тохумной знатю, собственно же идеология тариката не укрепилась здесь.

Если действия вождей мюридов были разрознены и не согласованы, то же можно сказать, и о действиях самих джаро-белаканских повстанцев. И здесь мы не видим сплоченного руководящего ядра. Джарцы, хотя и сражались очень храбро и оставались непримиримыми до последней возможности, но инициативу действий они уступили дагестанцам. Самое восстание распалось на ряд разрозненных вспышек, пусть и довольно сильных — в Белакане и Катехи в июне и декабре, в Джаре и Тала — в сентябре — ноябре 1830 г. Общества Мухакское и Джинихское и султанство Илисуйское были слабее захвачены восстанием; правда, и из них довольно много повстанцев приходило в лагерь Гамзата и Шабана, но непосредственно на территории их восстание не распространилось, если не считать загорного Цахурского общества.

Остановимся еще на вопросе, не опровергает ли участие в восстании отдельных кевхов нашего утверждения, что джаро-белаканское восстание — в основном движение социальных низов вольных обществ, мелких свободных держателей земли, отбросившее большую часть кевхов и кешкелевладельцев в российский лагерь. Вообще говоря, отдельные факты такого рода также мало противоречили общему характеру движения, как участие отдельных дворян, напр., в Гурийском восстании 1841 г. не мешало последнему быть крестьянским движением, направленным в основе против колониального угнетения и крепостничества¹.

Но, помимо этого, некоторые факты заставляют нас не вполне доверять всем русским официальным сообщениям об участии старшин в восстании и об их роли в нем. Источники называют представителя знати муллу Цетова (крупного кешкелевладельца, о котором мы уже упоминали), бежавшего после поражения джарцев в Дагестан, «одним из

главных возмутителей». Именно в качестве такового его и предали военному суду после поимки в 1832 г.¹ Но мы знаем, что мулла Цетов, еще после поражения русских 15 октября, был открытым врагом восстания и принял вместе с Хаджи-Махмудом и другими кевхами-русофилами участие в составлении письма к кешкельникам-ингилойцам с призывом не давать продовольствия мюридам (см. выше); еще раньше Сергеев ходатайствовал перед Паскевичем о награждении того же Цетова медалью за услуги, оказанные России во время июньского восстания. На сторону мюридов Цетов перешел только в ноябре перед самой ликвидацией восстания в Джаре. Уже по одному этому он не мог быть «главным возмутителем», а был лишь попутчиком движения. Что заставило его перейти в лагерь восставших? Может быть, здесь сыграли роль интриги других кевхов-русофилов, его соперников, оклеветавших его перед властями и спровоцировавших на переход к Гамзат-беку. Мы знаем, что именно такой прием провокации вынудил илисуйского султана Даниель-бека, человека с законченной феодальной идеологией, перейти в 1844 г. к мюридам Шамиля. Во всяком случае, здесь скорее всего имели личные, а не идейные мотивы.

С таким же недоверием мы вправе отнестись и к другим русским официальным сообщениям о старшинах — главарях «бунта». Привычный трафарет этих донесений, до эпохи мюридизма по крайней мере, был таков, что во главе всех народных движений должны были стоять ханы, беки, а где их не было — старшины; и вот, каждого кевху, ставшего случайным попутчиком движения масс, фантазия российского «начальства» немедленно превращала в «главного виновника возмущений».

В виде общего вывода, мы можем сказать, что джаро-белаканское восстание 1830 г. было, в основе своей, национально-колониальным движением (понимая это выражение в том смысле, в каком В. И. Ленин называл «тенденцию всякого отпора национально-угнетенного населения» нацио-

¹ См. А. К. А. К., т. VIII, № 435, также Материалы к истории покорения вост. Кавказа, Кавк. Сборн., т. XXXII, ч. I, стр. 173.

¹ См. Г. В. Хачатурядае. Гурийское восстание 1841 г.

нальным восстанием¹, направленным против российских колонизаторов. Как и большинство таких движений в Закавказьи, оно приняло широкий крестьянский характер, отбросив большую часть знати — кевхов, в лагерь завоевателей. Нужно впрочем, оговориться: социальные низы, участвовавшие в восстании, почти исключительно авары, мелкие свободные держатели земли; держатели кешкелей — ингилой и мугалы за немногими исключениями не приняли непосредственно участия в восстании: не пользуясь никакими правами в вольных обществах, они не были заинтересованы в сохранении их независимости и их внутреннего строя. Во всяком случае, кешкельники не оказали активной помощи и царским войскам.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

¹ В. И. Ленин. Собр. соч. т. XVII, стр. 428 (изд. 3).

VII

ИТОГИ ВОССТАНИЯ 1830 Г

Борьба джаро-белаканских обществ с завоевателями продолжалась больше четверти века (1803—1830 гг.). Джаро-белаканское восстание 1830 г., несмотря на ошибки своих руководителей, продолжалось целых полгода (с июня по декабрь 1830 г.), заставив сильные своей численностью русские войска приложить много усилий и понести жертвы. Тем охотнее принялись российские власти после ликвидации восстания за выполнение карательных функций. Умеренность теперь казалась уже не нужной, поэтому еще после занятия Ст. Закаталы и Джара, в половине ноября, эти селения были разрушены, а имена их приказано было «передать забвению». Жителей их предполагалось расселить на плоскости, в районе хуторов Таначи и сел. Тогами, частью даже выселить в Грузию. Хотя джарцы лишились большей части своего имущества, им все-таки велели уплатить военные издержки, внести суммы для выкупа пленных, находившихся в горах у дагестанцев и, кроме того, покрыть все числившиеся за ними недоимки. Они были лишены права носить оружие. Нечего говорить, что их обязали выдать аманатов (36 юношей и мальчиков), которых они вдобавок должны были содержать на собственный счет.

Но во-всю русские власти развернулись после удаления Аличуллы из Белакана. Паскевич предписал Розену «без снисхождения отнестись к бунтовщикам». В Кахетии, в Царских Колодцах, был военный суд, в который уже к кон-

цу декабря было доставлено «до 80 человек из захваченных главных мятежников»¹. Сел. Белаканы, Цаблуани, Рекатала были также разрушены, жители переселены на низменность². 25 декабря 1830 г. была опубликована прокламация Паскевича, в которой говорилось:

«1) Каждый из лезгин, имевший доселе какую-либо власть над энгилоями и ениселями, лишается отныне таковой, и племена сии должны уже будут впредь вносить в казну все подати, кои платились ими до сего времени лезгинам.

2) Главнейшие возмутители и зачинщики бунта, обнаруженные областным правлением, предаются военному суду, как нарушители общественного спокойствия, изменившие присяге...» и т. д.³

«Правила управления Джарскою и Белоканскою областю» были теперь, наконец, введены в действие. Прежние независимые республики превратились в скромные «обывательские общества», а когда-то полновластные джамааты — в простые сельские сходы, подчиненные наблюдению магальных приставов. В таком виде существование этих пережитков прошлого не казалось уже опасным русским властям.

Кевхи и кешкелевладельцы, как классовая группа, не пострадали. Шариатский суд, их права и привилегии были сохранены. Что же касается столь торжественно прокламированного Паскевичем уничтожения кешкельного права и освобождения ингилоев и мугалов, то оно оказалось таким же очередным лицемерием, как и прежние обещания русских. Правда, официально, были объявлены свободными не только жители кешкельных селений, но и крепостная дворня кевхов (см. выше). В действительности эта мера была проведена только по отношению к тем немногим кешкелевладельцам, которые принимали участие в восстании. Кешкелевладельцам же, оставшимся «верными присяге» — а таких было большинство, — официально было обещано на-

¹ А. К. А. К., т. IX, доп., № 18.

² А. К. А. К., т. IX, доп., № 19.

³ Прокламация Паскевича от 25 декабря 1830 г. Война на вост. Кавказе. Кавк. Сборн., т. XII, стр. 204-205.

значить взамен доходов от кешкельных повинностей пенсии, но «временно», впредь до установления размеров «пенсий», им предоставили право взимать с кешкельников прежние кешкельные сборы и повинности. Как и следовало ожидать, «временное» положение обратилось в постоянное, что и получило потом официальное признание. Уже в 1838 году главноначальствующий Головин, «чтобы дать лезгинам способ к безбедному содержанию и упрочить благосостояние сих новых сынов России», закрепил окончательно кешкельные права за кешкелевладельцами. О свободе ингилоев и мугалов уже не поднималось речи. В следующем, 1839 г., кешкельные права и доходы были возвращены даже тем джарским кешкелевладельцам, которые принимали участие в восстании 1830 г., причем им было позволено возвратиться на места их прежнего жительства и восстановить свои разрушенные усадьбы¹.

Не только права кешкелевладельцев были восстановлены полностью, но с этого времени царские власти неизменно помогали кешкелевладельцам повышать размеры кешкельных повинностей. Усиление эксплуатации кешкельников стало явлением повсеместным в Джаро-Белоканской области, подобно тому, как оно, с ростом денежного хозяйства, наблюдалось и в других районах Закавказья. Приведем один лишь типичный пример. Кешкельники с Карабалдур в 1872 г. показывали Закатальской сосл.-позем. к-тии: «Когда (кевха) Мухаммед Джанка (-оглы) возвратился из Петербурга, стал требовать за свои 7 кешкелей по 4 тагара за кешкель. Карабалдурцы долго сопротивлялись, наконец... велено было им платить по 4 таг., вследствие распоряжения (нач. округа) кн. Меликова»². Подобными примерами пестрят все дела Закат. сословно-позем. комиссии. Ни работа этой и нескольких других комиссий, ни крестьянская реформа 60-х гг., не коснулись кешкельных прав, просуществовавших до 1915 г.

Царская власть, подавив восстание 1830 года, не добилась прочного замирения Джаро-Белоканской области.

¹ См. Эсадзе, указ. соч., т. I, стр. 842.

² ЦАУГ. Дела Закатальской сосл.-позем. к-ии, № 40, л. 55.

Правда, Розен, — тогда уже главнокомандующий на Кавказе, — писал в конце 1831 г. в Петербург, жалуясь на кавказских чиновников, что из кавказских российских владений «одна Джарская область щастлива: Реутт (тогдашний начальник области. — И. П.) заслужил общее уважение и доверие»¹. Но это было даже не самообольщением, а только лицемерием. Розен прекрасно знал, что все вольные авары (кроме знати) попрежнему настроены враждебно к России и что пропаганда мюридизма, как и прежде, находит отклик в области. Почти одновременно он писал, забывая о том, что противоречит сам себе, о возможности нового восстания, в Джарской области². Для поддержания русского владычества Розен находил необходимым держать в Джарской области 7 батальонов войск, а в крепости Нов. Закатала — не менее 2.500 солдат (3 батальона)³.

Но и при таких условиях российские власти не были гарантированы от неприятных неожиданностей. Если область и не могла бороться с русскими своими силами, то достаточно было вторжения значительных отрядов мюридов из Дагестана, чтобы восстание вновь вспыхнуло. Такой случай и представился уже летом 1832 г., и на этот раз движение развивалось под знаменем мюридизма. Гамзат-бек, вырвавшийся из русского плена, вместе с группой джарских «мухаджиров» — беглецов, участников восстания 1830 года, подготовил новый поход на Джарскую область. В июне 1832 г. значительные массы дагестанцев, под предводительством Гамзат-бека, вступили в область через Мухахское ущелье. Их появления было достаточно для того, чтобы большое количество мухахцев, тальцев и джарцев присоединилось к мюридам. Повидимому, джарские авары были подготовлены агитацией мюридов, да и «мухаджиры» поддерживали из Дагестана сношения со своими землями. Как

¹ А. К. А. К., т. VIII № 5. Письмо бар. Розена к гр. Чернышеву от 12 декабря 1831 г.

² Материалы к истории покорения вост. Кавказа. Кавк. Сборн. т. XXXII, ч. I, стр. 80-81. Письмо Розена к Чернышеву от 13 декабря 1831 г.

³ А. К. А. К., т. VIII, №№ 252, 253. Письмо Розена к Чернышеву от 12 и 13 декабря 1831 г.

и в 1830 году, дело не ограничилось только борьбой между русскими войсками и вторгнувшимися дагестанцами; как и тогда, вступление отрядов Гамзат-бека вызвало новое восстание вольных аваров, хотя и далеко не столь значительное, как восстание 1830 г., и захватившее теперь преимущественно восточные районы Джаро-Белаканской области¹. Это объясняется быть может, тем, что силы аваров западных районов, участвовавших в движении 1830 г., были слишком истощены и подавлены репрессиями царских властей; но новое восстание, быть может, распространилось бы и на другие районы, если бы русская власть, наученная опытом 1830 года, не подтянула сразу значительных подкреплений. Илисуийский султан Даниель-бек, присоединившийся было к русским войскам со своими беками и «милицией», должен был вернуться обратно — усмирять восстание, вспыхнувшее в самом султанстве, в среде цахурских обществ. Как и два года тому назад русским удалось благодаря своей многочисленности нанести поражение войску Гамзат-бека, на этот раз еще до того, как восстание успело охватить всю область.

Новые восстания в Джарской области в 1852 году — во время вторжения туда имама Шамиля, — в 1863 году, проходили под влиянием мюридизма. Но в основном исход борьбы был уже решен, и российское владычество в этой области закрепилось. Насколько стратегическое значение области и обладание ею казались царским властям важными, показывает то обстоятельство, что Джаро-Белаканская область (впоследствии округ Закатальский) продолжал занимать в административном делении Кавказа особое место, не соответствовавшее принятым царской властью представлениям об административной симметрии.

Для характеристики внутренней политики царизма в Закавказьи интересна судьба одной части Джарской области — султанства Илисуийского. И в 1830 г., и в 1832 г., и позже султан Муса, а затем и его преемник Даниель

¹ Об этом восстании см. ст. Кублицкого в «Войне на вост. Кавказе», Кавк. Сборн., т. XVIII; Материалы к истории покорения вост. Кавказа. Кавк. Сборн., т. XXXII, ч. I; А. К. А. К., т. VIII, № 435.

остались верны русскому правительству и помогали ему против своего исконного недруга и прежнего сюзерена — Джара в июне 1832 г.

Но сокрушение Джарского общества, чего добивались султаны илисуйские, оказалось в конечном счете ударом и для самого султанства: раз Джар, как политическая единица, исчез — становился лишним и султан, которого раньше царские власти поддерживали, как соперника джарцев. Правда, под непосредственным впечатлением восстания, царское правительство дало султану не малые награды (селения и чины), но в дальнейшем отношение к нему изменилось. Конечно, русское правительство и не думало лишать султана его прав помещика над кешкельными селениями и его доходов и чинов (Даниель — султан усердной службой самодержавию дослужился до чина генерал-майора), но оставление его в роли хотя бы вассального и мелкого, но князька, «государя», казалось теперь правительству не нужным и даже не безопасным. Если бы илисуйский султан согласился удовлетвориться положением генерала и помещика и «добровольно» отречься от своих прав государя (как это сделал Дадиан мегрельский в 1864 году), он мог бы кончить свою жизнь спокойно, вероятно щедро вознагражденный царским правительством.

После 1830 г. права султана стали урезывать. Тогда же султан был подчинен начальнику Джаро-Белаканской области, но это подчинение долго ограничивалось только военными вопросами. Султану даже не мешали сокрушать последние остатки власти илисуйского и других цахурских джамаатов и устанавливать у себя порядок управления по образцу прежних ханств Азербайджана¹.

В 1840 г. султан был превращен в участкового заседателя илисуйского участка нового округа (сохраняя, впрочем, султанский титул). На этот раз даже всегда покорный

¹ Это благоволение русского «начальства» к нему выразилось, между прочим, в том, что когда в 1832 г. возникло дело об убийстве Даниель-беком своих братьев Халиля и Мухаммеда (по жалобе матери убитых), то начальник Джаро-Белаканской области дал заключение, что Даниель-султан не может быть предан суду, т. к. он, «по своей преданности и усердию русскому правительству весьма для нас полезен, то и следует его освободить... от подозрения». А. К. А. К., т. VIII, № 394.

султан протестовал решительно. Его протесту вняли и от исполнения роли участкового заседателя освободили, но все же в 1842 году его снова подчинили военно-окружному начальнику Джаро-Белаканского округа, генералу Шварцу, который принялся очень энергично ограничивать права султана. Сопротивление Даниель-султана и его нежелание входить в непосредственные сношения с Шварцем и погубили султана. В 1842 году он обратился к царю с письмом, в котором, правда, в крайне униженных выражениях, но все же достаточно определенно называл себя султаном «по праву наследства» (как мы видели, царское правительство как раз и не желало признать этого «права», и в «правилах» 1830 г. порядок замещения султанского «престола» умышленно не был установлен) и просил царя снабдить его «новой высочайшей грамотой на владение... повелев записать... в число князей двора... на правах мингрельского князя Дадиана»². Именно это письмо и внушило, повидимому, русскому правительству мысль избавиться от слишком притязательного султана.

Переход султана на сторону мюридов в 1844 г. русские авторы изображали или как сознательную измену султана³, — совершенно не вытекавшую из его прежнего поведения, — или как результат обиды.³ Нам думается, однако, что все дело об «измене» султана можно рассматривать, как сознательную провокацию со стороны русских властей. В Тифлисе сделали вид, что поверили доносу ген. Шварца, обвинившего султана в сношениях с мюридами, в Илису был послан военный отряд. Даниель-беку не оставалось ничего другого, как защищаться. Разбитый русскими, Даниель с немногими беками бежал по Сарыбашскому ущелью через Главный хребет в Цахур, а оттуда к мюридам; после этого султанство было объявлено уничтоженным.

Что присоединение султана к мюридам было вынужденным, легко доказывается тем, что Даниель-бек и служа

¹ Цитир. по Линевицу, указ. соч., стр. 47 и сл.

² Линевиц, ст. 51, и сл. См также А. К. А. К., т. IX, №№ 616—625.

³ Эсадзе, указ. соч., т. I, стр. 487.

Шамилю не раз делал попытки вступать в переговоры с русскими властями ¹. Имам Шамиль и другие деятели мюридизма не доверяли ему вполне ². Как только представился благоприятный случай для измены, Даниель-бек перешел снова на сторону России (в 1859 году), ему вернули генеральский чин, ордена, пенсию, но, разумеется, и не подумали возвратить его «наследственное владение».

Уничтожение султанства было вполне последовательным актом с точки зрения принятой царизмом в отношении закавказских феодалов линии — лишать их политической власти, охраняя одновременно их права, как помещиков.

Движение массы крестьян вольных аваров после 1830 года, направленные против русского владычества, никогда не ориентировались на илисуйского султана, а всегда смыкались с мюридизмом, пропитываясь его идеологией все больше и больше. Это обстоятельство находится в связи не только с пропагандой мюридизма, шедшей из Дагестана, но и с дальнейшим разложением после 1830 года остатков тохумного строя, которые были существенным препятствием к усвоению джаро-белаканцами идеологии тарикатистов. Под сильным влиянием мюридизма действовали и участники закатальского восстания 1863 года.

Но эти движения уже не имели прежнего значения в истории Закавказья и не являются предметом нашего исследования.

¹ А. К. А. К.т. X, №№ 351—353.

² См. Гаджи-Али, указ. соч., стр. 45.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

1. Центральное архивное управление ССР Грузии (ЦАУГ). Дела фонда Закатальских сословно-поземельных комиссий.
2. Акты Кавказской Археографической Комиссии, т.т. I—X (в сокращениях—А. К. А. К.).
3. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. Сост. фон-Климан, Н. Волконский, Кублицкий (по материалам архива штаба Кавк. округа, б. ч. не сохранившимся). Кавказский Сборник, т.т. X—XX, преимущественно т.т. XI—XII.
4. Материалы к истории покорения восточного Кавказа в связи с мюридизмом. Кавк. Сборн., т. XXXII, ч. II.
5. Материалы по истории персидской войны 1826—1828 гг. Кавк. Сборн., т.т. XXIII—XXV.
6. Адамы дагестанских племен и Закатальского округа, под редакц. Сандрыгайло.
7. Хроника войн Джара. Под ред. В. Хулуфлу и с прим. Е. Пахомова. Баку, 1931.
8. Бутков. Материалы по новой истории Кавказа, т.т. I—III.
9. Аббас-Кули-ага Бакиханов-Кудси. Гулистан-и ирам. Баку, 1926 г.
10. Х. Алькадари. Асар-и Дагистан. Махач-Кала, 1926.
11. М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX в.
12. Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т.т. IV—VI.

13. Семен Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907.
14. В. Н. Иваненко. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества в. к. Михаила Николаевича. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. XII. Тифлис, 1901.
15. И. П. Линевич. Бывшее Елисуйское султанство. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VII.
16. *** Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского наместничества, Закатальского округа. Сборник свед. о кавк. горцах, вып. VII.
17. Дм. З. Бакрадзе. Заметки о Закатальском округе. Записки Кавказского отдела русского географического общества, кн. XIV, вып. I.
18. М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т.т. I—II. Москва, 1890.
19. Колюбакин. Об отношениях поселян к владельцам земли в Белаганском округе. «Кавказ», 1848, № 52.
20. А. И. фон-Плотто. Природа и люди Закатальского округа. Сборник свед. о кавк. горцах, вып. IV.
21. Н. В. Население Закатальского округа по народной переписи 1871 г. Сборник свед. о кавк. горцах, вып. VI.
22. Гаджи-Али. Воспоминания очевидца о Шамиле. Сборн. свед. о кавк. горцах, вып. VIII.
23. Записки Мугалима.
24. Обозрение рос. владений за Кавказом.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
32	8 сверху	۱۰۰۰	۱۰۰۰
44	1 "	۱۰۰	۱۰۰
48	14 "	земледельцы	земледельцы
63	26-27 "	и имели право групповой и имели право групповой сеньерии	и не имели права групповой сеньерии
64	3 снизу	۱۰۰۰	۱۰۰۰
64	2 сверху	бенефици	бенефици
69	25 "	4/7—1/10 части урожая	1/7—1/10 части урожая
88	2 снизу	обещание	отрешение
97	12 сверху	казахский	казахтинский
120	16-17 снизу	Джемалетдин	Джемалетдин
122	11 сверху	иного, гудь	иного права, гудь
133	11 "	«Угнетенным Джардам»	«Угнетенным Джардами»
146	10 снизу	кончилиась	кончилиась
153	Прим. 1	стр. 842	стр. 482
158	13 сверху	Движение масс	Движения масс

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

3 руб. 50 коп.